

Въ то время какъ я сидѣлъ подь прикрытіемъ своей палатки, вниманіе мое постоянно было привлечено какимъ то грохотомъ, внезапно заканчивавшимся частыми звуками треска, похожими на ружейные залпы. Я вставалъ нѣсколько разъ и смотрѣлъ за рѣку, надъ берегомъ которой мы расположились, на громаднѣй скатъ противоположной горы, откуда несли звукъ, но не видѣлъ ничего, что бы могло объяснить мнѣ странный шумъ. Наконецъ взоромъ отыскивая какой нибудь движущійся предметъ въ туманномъ пространствѣ на сѣро-голубоватой горѣ напротивъ меня, я замѣтилъ громаднѣй обломокъ скалы катящійся по откосу. Во время паденія онъ слетѣлъ съ двухъ или съ трехъ выступовъ, обломилъ отъ нихъ куски, которые увлекъ съ собою съ страшною быстротою, пока, наконецъ, всѣ они по очереди не упали съ берега на камни находящіеся въ рѣкѣ, и тамъ не кончили своего стремительнаго пути при грохотѣ похожемъ на залпъ множества ружей. Между тѣмъ отломившіеся куски асида, увлеченные вслѣдъ за нимъ, производили громкѣй трескъ, пока не останавливались ниже на болѣе крупныхъ кускахъ. Подобное паденіе обломковъ, хотя весьма замѣтное по шуму, не было замѣтно на взглядъ; и я прежде замѣтилъ множество большихъ падавшихъ камней, а потомъ уже увидѣлъ спускающійся громаднѣй камень или скалу.

Рѣзкіе перемены ночнаго холода на дневной жаръ, которымъ подвержены эти скалы, часто раскалываютъ слои по всѣмъ направленіямъ, а вѣтеръ, играя въ этихъ щеляхъ, выдуваетъ обламывающіяся частички, и расширяетъ пространство трещины. Кромѣ того дождь или потоки отъ таящаго снѣга смываютъ пыль или хрящъ и отдѣляютъ цѣлыя массы, которыя скатываются по отлогостямъ, какъ описано выше.

Нерѣдко подобные обломки скалъ сдвигаются съ мѣста прыжкомъ дикаго барана, который водится здѣсь въ большемъ количествѣ; слѣды его видны по всѣмъ направленіямъ мѣстныхъ горъ, повсюду покрытыхъ снѣгомъ тропь протоптанныхъ этимъ животнымъ, хотя трудно понять, чѣмъ можетъ оно тутъ питаться, такъ какъ горы эти голы, какъ обглоданная кость. На пути своемъ мы не встрѣтили ни одного дикаго барана, но насъ убѣждали, что ихъ множество въ горахъ. Это вѣроятно справедливо, судя по сходству этихъ горъ съ горами, на которыхъ мы встрѣчали ихъ въ изобиліи.

Эти каменные лавины, если только можно ихъ такъ назвать, постоянно скатываются съ этихъ горъ послѣ дожда, и въ тотъ періодъ, ко-

гда стаиваютъ зимніе снѣга; онѣ представляютъ одну изъ величайшихъ опасностей, каковой только подвергается путешественникъ здѣсь въ странѣ, такъ какъ не вездѣ есть рѣка, прекращающая дальнѣйшій ихъ путь. Вслѣдствіе этого бготъ никогда не располагается лагеремъ на открытомъ мѣстѣ этихъ долинъ, но всегда устраивается въ пещерахъ безопаснаго какого нибудь берега, или въ углубленіи, подъ стѣною, или подъ наклоннымъ крѣпкимъ утесомъ, какъ нерѣдко видѣли мы по дорогѣ. Послѣ, во время нашего пути, мы проходили много мѣстъ, гдѣ проходы были завалены подобными страшными лавинами, и могли только поздравить себя съ тѣмъ, что во время нашего проѣзда не было ни талпаго снѣга, ни дождей.

Изъ Снурула мы прошли восемнадцать миль въ Сасполь. Дорога наша поднималась по долинѣ, по правому берегу рѣки, и пересѣкала нѣсколько утесовъ, выдававшихся надъ нею. Спускался съ одного изъ нихъ, мы видѣли, какъ воронъ гнался и заклевалъ свалистаго стрижа, какъ разъ около нашей дороги. Бѣдняжка весело порхалъ взадъ и впередъ подъ отвѣснымъ утесомъ, какъ вдругъ громадный черный врагъ бросился съ верху, своимъ хриплымъ карканьемъ сталъ его преслѣдовать и привелъ въ такой ужасъ, что послѣ нѣсколькихъ тщетныхъ попытокъ спастись, бѣдный стрижъ лишился способности управлять своимъ полетомъ и, летая безцѣльно, попался въ когти чудовища, тотчасъ же расположившагося около насъ на скалѣ и разорвавшаго свою жертву. У меня въ рукахъ было ружье, и я, прицѣлившись, выстрѣлилъ въ ворона дробью № 10, но не смотря на то что выстрѣлъ былъ сдѣланъ за восемь, за десять шаговъ, воронъ невредимо улетѣлъ съ добычей.

Въ послѣдніе наши переходы растительность начала оживать. Нѣсколько маленькихъ деревенокъ тоже попадаютъ намъ по обѣ стороны рѣки, на высокихъ каменистыхъ берегахъ, раздѣленныхъ глубокими ущельями.

Когда мы подъѣзжали къ мѣсту нашего лагеря въ Сасполь, насъ привѣтствовалъ большой хоръ мѣстныхъ ламъ. Они стояли въ рядѣ нѣсколько поодаль отъ дороги, и задали намъ концертъ на своихъ инструментахъ; а мѣстныя женщины, одѣтыя въ свои лучшіе наряды, и поставленныя по краю дороги, привѣтствовали насъ низкимъ поклономъ и обычнымъ джо-джо. Подобное радушное привѣтствіе мы встрѣчали всюду, куда ни являлись въ наше отдаленное

путешествіе по Ладаку, хотя ламы не всегда являлись въ такой парадной формѣ какъ тутъ. Здѣсь ихъ было восемь, всѣ одинаково одѣтые въ красныя платья и высокія шляпы ихъ ордена; они играли на инструментахъ присвоенныхъ ихъ должности. Характеръ музыки былъ страненъ, и также оригиналенъ какъ и наружность исполнителей, что поразительно соответствовало окружающей обстановкѣ.

Бой барабана и звонъ цимбалъ нисколько не уменьшалъ основныхъ звуковъ трубъ, и не портилъ нѣжныхъ и грустныхъ тоновъ конечныхъ нотъ. Дѣйствительно, соединеніе это было отлично сгармонировано, и рѣзкіе звуки, которыми пачиналась музыка, разлетались въ молчаливыхъ горахъ нѣжными отголосками, заканчивавшимися грустными, слѣдовавшими за ними, мотивами.

Эти трубы на видъ — крайне неуклюжіе инструменты: восьми или девяти футовъ длины, онѣ загнуты какъ коровьи рога. Нижній конецъ лежитъ на землѣ въ то время какъ исполнитель, стоя или сидя, играетъ на мундштугѣ. Вся игра заключается въ послѣдовательныхъ рѣзкихъ звукахъ, постепенно уменьшающихся какъ въ силѣ, такъ и въ продолжительности, пока изъ нихъ не образуется нѣжныхъ трелей, которыя, въ свою очередь, переходятъ въ аккорды и тоны особенно страстные, и потомъ снова дѣлаются громкими и торжественными звуками, уносясь въ даль продолжительными волнами.

Характеръ этой музыки совершенно особенный, и не похожъ ни на что, до сихъ поръ мною слышанное. Ея торжественныя melancholическія ноты, раздаваясь изъ какаго нибудь монастыря съ высокаго утеса, пробуждаютъ безмолвныя пустыни горъ звуками вполне соответствующими такой природѣ, и отзываются съ суровыхъ, угрюмыхъ высотъ въ отвѣтъ на протяжныя, нѣжныя нѣсни, слѣдующія за ними такъ хорошо, что ласкаютъ слухъ, какъ нѣчто пріятное.

Вскорѣ послѣ прибытія нашего въ лагерь, М-ръ Джонсонъ, губернаторъ магараджи въ Ладакѣ, прибылъ изъ Леха, чтобы засвидѣтельствовать свое почтеніе посланнику и сдѣлать распоряженія о конвоированіи посольства до границы. Онъ присоединился къ нашему лагерю, и проводилъ насъ до Шахидулла съ неусыпною энергіею и преданностью, съ такимъ успѣхомъ, какаго мы и не ожидали, заготовляя намъ экипажы и продовольствіе для путешествія.

Слѣдующій переходъ нашъ былъ въ четырнадцать миль въ Ниммо. Пройдя въ часъ по неровной почвѣ, похожей на только что

пройденную, и перейдя через быстрый маленький потокъ, бѣгущій съ горъ по лѣвую сторону, мы повернули отъ берега рѣки и поѣхали по большой песчаной равнинѣ, отдѣленной цѣлымъ хребтомъ горъ. Переѣхавъ часть ея, мы снова выѣхали къ рѣкѣ.

Эта холмистая равнина называется *Базго тзанъ* т. е. равнина Базго, и можно сказать, что она открыла намъ мѣстность какою мы не видѣли еще съ тѣхъ поръ, какъ перешли Фото-Ла. Это — бесплодная пустыня, на которой вѣтъ ни малѣйшей растительности, разнообразящей голый видъ почвы. Мы застали стадо изъ семи или восьми газелей, пасущееся на скатѣ горы съ лѣвой стороны. Мы съ посланникомъ пошли, чтобы поохотиться за ними, но такъ какъ мѣсто было открытое, то сторожевая дичь, вѣроятно предугадала о нашемъ намѣреніи, тѣмъ болѣе что мы выстрѣлили; стадо тронулось съ мѣста, и бросилось въ долину. Здѣсь, преслѣдуя ее, мы наткнулись на роскошную растительность около деревень Тарутзе и Лингъ. Черезъ деревню протекаетъ рѣка, которую мы и перешли, подходя къ этому пункту.

Съ этой равнины мы спустились въ ложбину Базго; это — плодородная и населенная мѣстность среди безплодныхъ и пустынныхъ степей; мѣстность живописная съ множествомъ буддистскихъ памятниковъ и красиво выстроенныхъ жилыхъ домовъ, посреди полей и фруктовыхъ деревьевъ, тянущаяся черезъ горы къ сѣверу до деревни Нехъ. Вслѣдствіе своего закрытаго положенія, Базго считается самую теплою зимовкою въ Ладакѣ. Доброе населеніе Базго собралось къ дорогѣ, чтобы отдать честь посланнику, когда онъ со свитою проѣзжалъ мимо ихъ жилищъ, и показалось намъ благоденствующей и счастливой общиной. Бготскія женщины осчастливившія насъ своимъ присутствіемъ, очевидно употребили необыкновенно много времени на свой туалетъ при этомъ рѣдкомъ случаѣ, и представляли цѣлый рядъ татарскихъ красавицъ и нарядовъ, каковыхъ мы нигдѣ не видѣли въ подобномъ блескѣ. Естественная простота и скромность ихъ поведенія вмѣстѣ съ ихъ добродушными привѣтствіями доказывали ихъ желаніе произвести хорошее впечатлѣніе на иностранцевъ.

Одежда ихъ замѣчательная, и, какъ все въ этой оригинальной странѣ, очевидно приспособлена къ потребностямъ и привычкамъ народа. Длинный кафтанъ, бушакъ, и штаны мало отличаются отъ тѣхъ, что носятъ мужчины. Матерія и формы почти такія же, но цвѣтъ и

узоры другіе; въ выборѣ послѣднихъ, прекрасный полъ выказываетъ свойственный имъ вкусъ. Темныя цвѣта или черныя цвѣтъ, украшенный красной или голубой каймой попадаются весьма часто, и рельефно выставляють украшенія, до которыхъ готскія красавицы большія охотницы; не маловажную роль играетъ широкій плащъ изъ бараньей шкуры, который послѣ головнаго убора составляетъ особую гордость и заботливость красавиць.

Это продолговатая полоса изъ бараньей шкуры слегка завязанная сзади плетеною тесьмой, пдущей на косъ черезъ грудь; низъ шкуры украшенъ каймой изъ разноцвѣтныхъ шитыхъ лоскутковъ. Плащъ этотъ служить также покрываломъ и постелью, смотря по надобности, и всегда надѣвается для защиты противъ мѣстныхъ холодныхъ вѣтровъ, когда надо куда нибудь идти.

Головной же уборъ представляетъ особенный предметъ удивленія въ ряду странныхъ принадлежностей готскаго наряда. Волосы, раздѣленные посреди лба, уложены на макушкѣ двумя широкими косами, продолжающимися въ видѣ висящихъ вдоль спины лопастей. Обѣ косы соединены ниткою бусъ, состоящихъ изъ кусочковъ караловъ, агата, бирюзы, малахита и золотыхъ монетъ, смотря по средствамъ хозяйки. Иногда этими украшеніями коса до такой степени унизана, что не видно волосъ, и они образуютъ на головѣ нѣчто въ родѣ чешуйчатого щита. У богатыхъ украшенія лучшаго достоинства и красивы, но вообще же это какая то непріятная на взглядъ смѣсь — очевидно обременяющая голову, такъ какъ разъ убранная голова, остается по мѣсяцамъ а иногда и по годамъ не перечесанною.

Воковыя косы убраны въ видѣ кистей надъ каждымъ ухомъ, и увеличенныя клочками черной шерсти и колечками, прикрываютъ уши и виски, на подобіе наглазниковъ у каретныхъ лошадей; свѣшиваясь съ ушей назадъ, концы ихъ связаны ниткою крупнаго бисера изъ стекла, караловъ или бирюзы.

Кромѣ этого готская женщина носитъ ожерелье изъ такихъ же украшеній и большія заплести изъ кусковъ простыхъ бѣлыхъ раковинъ, а отъ пояса къ низу виситъ карманъ, убранный кусками такихъ же бѣлыхъ раковинъ, или вышитый бусами и бисеромъ изъ агата и бирюзы; карманъ чрезвычайно красивъ на темномъ фонѣ кафтана.

Хорошенькія, или же считающія себя хорошенькими, женщины, думая, что недостаточно еще наряжены по вкусу своихъ мужей, прибавляють къ своимъ достоинствамъ лица подкрашиваніе цвѣта кожи

посредствомъ процесса, называемаго *шоколо*. Процессъ этотъ состоитъ въ мазаніи щекъ и лба сокомъ сѣмчи мѣлкой ягоды растенія белладона, произрастающаго въ числѣ шлевель посреди полей. Много требуется труда — при помощи маленькаго ручнаго зеркала и деревянной кисточки — для тщательнаго размазыванія ярко-желтой жидкости, послѣ чего лице принимаетъ видъ обсыпаннаго золотыми блестками и сверкаетъ такъ ярко, что можетъ нравиться только бготу, привыкшему лишь къ дикимъ однообразнымъ оттѣткамъ сланцевыхъ и гранитныхъ утесовъ.

Въ Ниммо, Индѣ принимается въ себя значительные притоки изъ Запсарской долины, находящейся къ югу отъ нѣсколькихъ снѣговыхъ горъ, окружающихъ долину съ противоположной стороны. Въ углу, при слѣпшіи рѣкѣ, находится дикая пустыня, покрытая гравіемъ и конгломератомъ сильно отражающимъ солнечные лучи, вслѣдствіе чего Ниммо считается чрезвычайно жаркимъ мѣстомъ въ лѣтнее время; зимою же холодъ такъ силенъ, что рѣку переѣзжаютъ по льду.

Вѣроятно этимъ причинамъ — яркимъ лучамъ жгучаго солнца и яркому блеску снѣга въ соединеніи съ сухой и рѣдкой атмосферой — бготъ, — я говорю о бготѣ простолюдинѣ, подвергающемуся непогодѣ, — обязанъ своимъ особеннымъ цвѣтомъ кожи. Онъ не чисто-темнаго цвѣта какъ уроженецъ Индіи, а оттѣнокъ его божи колеблется между краснымъ цвѣтомъ афганца и оливковымъ оттѣнкомъ индуса, или же между желтоватымъ цвѣтомъ горныхъ племенъ и черной кожей племенъ изгнанныхъ изъ полуострова. Это и не яркій цвѣтъ жителей Татаріи съ множествомъ оттѣнковъ отъ темно-желтаго цвѣта китайскихъ переселенцевъ до краснаго и блѣднаго цвѣта андизскихъ побѣдителей.

Бготъ грязнаго, сѣро-коричневаго цвѣта, похожаго на цвѣтъ горной мѣстности имъ обитаемой, до такой степени съ нею схожаго, что часто человѣка трудно отличить отъ земли, пока не заметишь его движеній. Во время пути нашего, я не разъ былъ пораженъ тѣмъ, что внезапно мы натыкались на небольшія бучки сидѣвшихъ у дороги гули, которыхъ трудно было отличить отъ окружающей ихъ мѣстности пока совсѣмъ не наткнешься на нихъ. И это случалось не только въ глубокихъ ущельяхъ притоковъ Инда, но и въ обширныхъ равнинахъ Караборумскаго хребта.

Начальники, священники, а также и женщины богатыхъ классовъ такого же мутнаго желтовато-коричневаго оттѣнка, хотя все-таки

нѣсколько бѣлѣе чѣмъ бѣдные классы. Въ бѣдномъ классѣ этотъ цвѣтъ лица замѣтно темнѣе у бѣдныхъ крестьянскихъ женъ, исправляющихъ земледѣльческія и другія работы; это самыя противныя и отвратительныя существа, какихъ только мнѣ случалось видѣть.

Изъ Няммо мы прошли девятнадцать миль до Леха, и остановились тамъ на недѣлю, чтобы приготовиться для перехода черезъ Каракурумъ. Путь нашъ шелъ по окраинамъ гранитныхъ скалъ по холмистой мѣстности, постепенно расширяющейся, въ ладакскій бассейнъ или долину.

На полупути мы спустились къ самой рѣкѣ. Она имѣетъ тутъ широкое ложе, по которому Индъ вьется по полямъ и пастбищамъ. По лѣвую сторону дороги, подъ гранитными утесами, идетъ цѣлый рядъ глинистыхъ холмовъ, спускающихся къ бассейну четырьмя или пятью уступами. Они оканчиваются узкимъ проходомъ между скалъ позади Цитокъ Гонца. Это-то и есть Ламмасари, господствующій надъ долиной на вершинѣ высокаго утеса, у берега рѣки, съ правой стороны отъ нашей дороги.

Когда мы проѣзжали, ламы появились на террасахъ своего высокопнаго жилища, и всѣ сообща послали намъ свое благословеніе. Отсюда мы направили шаги свои вдоль каменистаго откоса, на вершинѣ котораго стоитъ Лехъ, прислонившись по мѣстному обычаю, къ горѣ. Долина эта—глубокой круглый бассейнъ, перерѣзанный къ югу Индомъ, вдоль котораго находится нѣсколько деревешъ и обработанныхъ полей; вся же остальная мѣстность круто спускается съ обѣихъ сторонъ къ рѣкѣ, и представляетъ громадное пространство гравія и камней, по большей части пустынное. У подножія горы къ югу стоятъ деревни Стокъ и Мата съ ихъ огородами и полями, а за ними расположена столица страны—городъ Лехъ съ крѣпостью и предместьями. У входа въ городъ посланника привѣтствовала депутація отъ главныхъ мѣстныхъ кушцовъ, и прибытіе его было возвѣщено залпомъ пятидесяти ружей изъ форта; въ то же время цѣлая рота гарнизона стояла около дороги, чтобы принять насъ съ почетомъ. Далѣе посланникъ былъ встрѣченъ мистеромъ Шау, британскимъ союзнымъ комиссаромъ, который проводилъ его черезъ городъ въ резиденцію, въ садъ, гдѣ былъ устроенъ нашъ лагерь.

Во время нашей остановки здѣсь, наши проводники и лошади были снабжены теплою одеждою изъ предусмотрительности заказанной нашимъ начальникомъ къ нашему прибытію. Каждому че-

ловѣку дали платье, шапку и сапоги на бараньемъ мѣху; впрочемъ нѣкоторые сапоги попадались и на другомъ мѣху. Каждая изъ нашихъ верховыхъ лошадей и каждый выучный мулъ были покрыты прочной мѣховою попоной.

Опытъ, приобретенный нашимъ посланникомъ во время его прежней поѣздки въ Яркандъ, не пропасть при этомъ случаѣ даромъ, и удачнымъ нашимъ переходомъ черезъ пегостепрѣмныя горы Каракорумъ, мы не мало были обязаны превосходнымъ распоряженіямъ его. Наши спутники и лошади должны были помогать нашему переходу черезъ горы, а потому необходимо было поддерживать ихъ въ добромъ состояніи. Вслѣдствіе этого проводники и конвой были готовы, а вещи перевезены къ границѣ на тѣлгахъ, приготовленныхъ кашмирскими властями. При такомъ распоряженіи наши люди и лошади прибыли къ границѣ въ такомъ хорошемъ состояніи, что могли встрѣтить случайности, и нисколько не были утомлены и избиты трудностями дурной дороги. Польза этихъ предосторожностей выяснилась вскорѣ же, при нашихъ первыхъ переходахъ за кашмирскую территорію.

Жизнь наша въ Лехѣ нѣсколько оживилась поѣздой въ южную часть долины въ Хемисъ Гонпа, за восемнадцать миль, на горы, къ югу отъ рѣки, на одинъ день, чтобы поохотиться въ горахъ. Полковникъ Гордонъ и мы съ капитаномъ Чапманомъ вмѣстѣ отправились въ монастырь, самый громаднѣйшій и богатѣйшій въ странѣ. Онъ выстроенъ на вершинѣ чрезвычайно дикой и пустышной долины, окаймленной на каждомъ поворотѣ ея нависшими крутыми горами изъ темнаго конгломерата или гнейса. Когда мы шли по троцинкѣ, отыскивая взоромъ первыхъ признаковъ, теперь уже близкой, обители ламъ, тишина была подавляющая; и только когда мы подошли такъ, что уже ясно увидѣли бѣлыя стѣны монастыря, выдѣлявшіяся на темномъ фонѣ высокихъ массъ заднихъ скалъ, до слуха нашего долетѣла меланхолическая музыка, разносившаяся по воздуху съ высокихъ террасъ.

Видъ монастыря снизу удивительно живописенъ, и въ своемъ родѣ оригиналенъ. Бѣлыя стѣны съ темными квадратами оконъ и дверей, а также кровля, покрыты широкими красными полосами, причемъ надъ кровлей торчали шести съ пушистыми на концахъ хвостами *яка*, развѣвающимися надъ пропастью съ каждаго этажа.

Между шестами видны были массы голаго камня, и, не смотря на кучу зданій, монастырь кажется одинокимъ.

Громадные утесы и съ той, и съ другой стороны окруженіи глубокими ущельями, на столько темными, что монотонность и голыя формы скалъ наводили страхъ.

Строенія этого монастыря занимають значительное пространство и образуютъ маленькій городъ. Во многихъ отношеніяхъ архитектура даже въ пристройкахъ похожа на архитектуру, еще встрѣчающуюся въ буддистскихъ развалинахъ Юсуфзай, въ особенности въ развалинахъ, видѣнныхъ нами въ Такти Бахи. Въ этихъ развалинахъ, за исключеніемъ Бабозай, не осталось слѣдовъ какимъ образомъ дома были крыты; но по сходству устройства ихъ стѣнъ, лѣстницъ, комнатъ и т. д. съ тѣмъ, что видно теперь въ мѣстныхъ монастыряхъ можно заключить, что они были одинаковой постройки, тѣмъ болѣе, что обѣ мѣстности бѣдны строевымъ лѣсомъ.

Говорять, что въ Хемисъ Гонцѣ 800 монаховъ и монахинь. Такого множества обитателей мы однако не видѣли, хотя помѣщеніи достало бы и на большее число. Намъ сказали, что снѣгъ лежитъ здѣсь въ продолженіи почти трехъ мѣсяцевъ въ году, и что пять мѣсяцевъ жители вслѣдствіе холода заперты въ своихъ кельяхъ. Запасы хлѣба, мяса и топлива заготавливаются съ осени, и, кромѣ другихъ припасовъ, 500 барановъ закалываются и мясо ихъ сушится для употребленія одного этого монастыря.

Проводники водили насъ по главнымъ частямъ монастыря отъ одного флигеля къ другому по узенькимъ проходамъ; мы поднимались по лѣстницамъ и на каждомъ поворотѣ натывались на молитвенное колесо. Иногда его вертѣла рука степеннаго ламы, торжественно и молчаливо сидящаго въ уединенномъ углу; въ другомъ мѣстѣ колесо вертѣлось подъ тонкой струей воды, а кое гдѣ оно было установлено внизу вдоль стѣнъ для того, чтобы прохожіи могъ проходя повернуть его, или же оно было придѣлано на какую нибудь верхушку, чтобы вѣтеръ могъ вертѣть, и такимъ образомъ возносилъ бы молитвы къ Всевышнему. Наконецъ мы были приведены во дворъ, гдѣ нѣсколько ламъ привѣтствовали насъ какою то пантомимой, сюжетъ которой никто изъ насъ не понялъ. Это было чрезвычайно странное зрѣлище, подражаніе, какъ намъ сказали, китайскимъ танцамъ чертей. Форма богатыхъ шелковыхъ монашескихъ одѣяній очевидно перешла изъ Небесной Имперіи. Боль-

шая часть масокъ изображали головы дикихъ животныхъ, и въ числѣ ихъ было нѣсколько лѣшихъ и чертей. Послѣдніе преимущественно изображались вышитыми на платкахъ, надѣтыхъ на актерахъ. Тутъ было человекъ двадцать или тридцать, и изъ нихъ нѣкоторые прибыли сюда по этому случаю изъ монастырей Тикси, Мата и Стокъ.

Представленіе заключалось въ дикомъ танцѣ вокругъ флага, водруженнаго посреди двора главнаго храма; а мы смотрѣли на него съ крыши веранды напротивъ лѣстницы, при входѣ въ храмъ. Актеры выходили изъ залы храма, предводительствуемые двумя знатными ламами въ великолѣпной шелковой одеждѣ. Видъ ихъ напоминалъ *карточного валаста*. Ламы заняли мѣсто противъ музыкантовъ, заранѣе помѣстившихся на верандѣ пониже насъ, а актеры и толпа домовыхъ, драконовъ, оленей, кабановъ, тигровъ и т. п., сбѣжавъ съ лѣстницы, собрались въ кружокъ вокругъ шеста, на которомъ развивались флаги разныхъ цвѣтовъ.

Тогда музыканты заиграли какой то живой и нескладный танецъ, а танцоры начали прыгать, вертѣться и выдѣлывать на ногахъ, не измѣняя круга и не переставая вертѣться около шеста. Яркіе цвѣта *развѣвующихся плащей, покрытыхъ странными изображеніями летающихъ драконовъ съ громадными глазами и зубами, череповъ и костей, крылатыхъ львовъ съ виллообразными языками, громадныхъ масокъ кабановъ и дикихъ животныхъ, перемѣшанныхъ въ общемъ дикомъ хаосѣ, составляли бессмысленную смѣсь, и при шумѣ барабановъ и трубъ напоминали настоящій адъ, къ суматохѣ котораго актеры прибавляли еще по временамъ цѣлый хоръ цевнятныхъ звуковъ. Представленіе закончилось внезапнымъ бѣгствомъ всей компаніи вверхъ по лѣстницѣ, обратно въ ту залу храма, изъ которой она появилась.*

Мы тотчасъ же послѣдовали за ними въ ихъ «святилище», гдѣ намъ показали тайны, висѣвція за богато вышитыми шелковыми занавѣсками. Тутъ было три главныхъ зала завѣшанныхъ такими занавѣсками, и въ каждой было множество боговъ, передъ которыми горѣли свѣтильни, опущенныя въ масло, въ родѣ тѣхъ, какія мы видѣли въ Ламаюру. Нѣкоторыя изъ стѣнъ были заставлены связками книгъ на которыхъ лежалъ толстый слой пыли, доказывающій ихъ малое употребленіе; другія же стѣны были покрыты множествомъ рисунковъ, нерѣдко изображавшихъ одну и ту же личность.

Изъ послѣднихъ я узналъ многихъ по сходству ихъ съ скульпту-

рамя, открытыми въ Тагхити Бахи, и въ другихъ мѣстахъ въ Юсуфзаи. Въ особенности одно лицо, повидимому, изображало Будду. У него былъ гладкій ликъ съ кроткимъ выраженіемъ, а голова, съ волосами подобными на макушку въ узелъ, была окружена сіяніемъ. Фигура изображала сидящаго со скрещенными ногами. Другое лицо было портретомъ какого то древняго короля, голова котораго была убрана тѣлою изъ драгоценныхъ камней, совершенно такого же вида, какъ камни на вышеупомянутыхъ скульптурныхъ изображеніяхъ.

Тутъ на стѣнахъ висѣли рисунки различныхъ животныхъ и птицы, и между ними я узналъ священнаго аиста и страуса, хотя трудно понять, какимъ образомъ этотъ послѣдній могъ сюда попасть. Въ этихъ рисункахъ я не замѣтилъ ни историческихъ сюжетовъ или домашнихъ сценъ, столь обыкновенныхъ на древнихъ скульптурныхъ изображеніяхъ, ни различныхъ типовъ расъ; я былъ очень разочарованъ относительно архитектуры и украшеній храма, точно такъ же какъ и относительно произведеній искусства, показанныхъ намъ въ его стѣнѣ.

Съ 1861 по 1866 годъ, когда я изслѣдовалъ многія развалины въ мѣстностяхъ близъ Юсуфзаи, я собралъ нѣсколько сотъ скульптурныхъ произведеній, еще до отъѣзда моего отосланныхъ въ музеи въ Лагоръ и Пеншаваръ. Онѣ изображали множество сюжетовъ и множество различныхъ расъ, и съ артистической точки зрѣнія были различнаго достоинства, какъ произведенія различныхъ періодовъ. Изъ числа этихъ скульптуръ многія повидимому представляли замѣчательныя приключенія изъ жизни Будды, изображенныя въ родѣ того, какъ мы изображаемъ жизнь Христа. Здѣсь же я не встрѣтилъ вовсе произведеній скульптуры или живописи, которыя хотя немного походили бы на произведенія Юсуфзаи, не смотря на то, что въ пятomъ столѣтіи, когда Фа Хіанъ проходилъ по этому пути, Ладакъ и Юсуфзаи были цвѣтущими центрами буддизма.

Высшее искусство, доказывающее развитіе Греціи, и въ такихъ различныхъ формахъ являющееся въ Юсуфзаи, нигдѣ не проявляется здѣсь, въ странѣ, подпавшей подъ особенное покровительство буддизма; и существовало ли оно тутъ когда нибудь прежде и притомъ на той же степени совершенства, въ какой существовало тамъ? Трудно дать на это отвѣтъ принимая въ соображеніе природу страны и ея рѣдкое населеніе?

Кромѣ того, что извѣстно изъ исторіи этой страны, хотя крайне неполной, очевидно, что страна избѣгла вліяній ислама, который въ десятомъ и одиннадцатомъ столѣтіяхъ опустошилъ вокругъ нея все что могъ съ такою яростью, что слѣды этихъ опустошеній до сихъ поръ видны въ покрывающихъ ее развалинахъ.

Во время господства Могольской имперіи, страна эта, пользуясь необыкновенною вѣротерпимостью своего правительства, спокойно держалась своей старой вѣры; а во время анархіи въ тринадцатомъ и четырнадцатомъ столѣтіяхъ, разстроившей Чагатайское государство, часть котораго она составляла, она, какъ кажется, болѣе или менѣе сохраняла свои собственные законы и учрежденія. Возстановленный исламъ при повомъ учрежденіи Чагатайскаго государства Тохлукомъ Тимуромъ, въ половинѣ четырнадцатаго столѣтія, не переступилъ за свои прежнія границы въ Хотанъ, а послѣдующее поглощеніе его государства имперіей, поднятой его современникомъ и преемникомъ эмиромъ Тимуромъ Ленгомъ или Тамерланомъ, въ послѣднюю четверть того же столѣтія, вліяло въ Тибетѣ не болѣе какъ вліяло управление его предшественника въ Муголистанѣ.

Смерть Тамерлана снова послужила сигналомъ для внутреннихъ безпокойствъ, и во время революцій, охватившихъ часть его имперіи, Кашгаръ обратился въ независимое государство, какъ наслѣдіе могольскихъ хановъ, но Тоглукъ Тимуръ потомку Чагатайскихъ государей. Но ихъ управление было безпорядочно и слабо, такъ что оно скоро перешло въ руки могущественной династіи Доглатскаго племени, члены которой со временъ Чингиса пользовались извѣстнымъ положеніемъ и привилегіями какъ правители различныхъ частей Кашгарскаго государства. И наконецъ въ послѣднюю четверть XV-го столѣтія (1479) власть была захвачена Мирзою Абабакаромъ, потомкомъ могущественныхъ эмировъ Кудадада и Камарудина, бывшихъ столь вліятельными въ странѣ при династіи могольскихъ хановъ.

Будучи независимымъ правителемъ Кашгара, онъ началъ карьеру свою овладѣніемъ Хотаномъ и сдѣлалъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ покорить Тибетъ, который при туземныхъ начальникахъ сохранялъ свою свободу съ распаденія Чагатайской имперіи; но всѣ набѣги его постоянно были отражаемы въ границѣ Нубры. Наслѣдникъ же его, въ лицѣ котораго власть была возвращена въ 1513 г. по Р. Х. диніи могольскихъ хановъ, ознаменовалъ конецъ своего царствованія на-

падениемъ на Ладакъ, о которомъ я упомянулъ выше. Это первое свѣдѣніе, которое мы имѣемъ о попыткѣ посѣять исламъ на буддистской почвѣ, и о тѣхъ ужасныхъ послѣдствіяхъ этой попытки, повторившейся въ меньшихъ размѣрахъ въ началѣ слѣдующаго столѣтія, когда Миръ Али, мусульманскій правитель Балтистана, взялъ Лехъ и разрушилъ монастыри во всей странѣ.

Онъ былъ принужденъ вернуться въ Скардо, столицу свою, и возвратить Джамаю Намжіалу, туземному начальнику, котораго онъ взялъ въ плѣнъ, власть надъ его собственной страной. Онъ тотчасъ же возстановилъ прежнюю религію, и оставилъ послѣ себя тѣ памятники своего рвенія къ вѣрѣ, которые мы видимъ въ существующихъ знакахъ на камняхъ въ Чамбо, относящихся къ тому времени.

Послѣ этого Ладакъ оставался во власти туземныхъ правителей до 1720 года, когда онъ снова былъ захваченъ Миръ Мурадомъ изъ Скардо, присоединившимъ его къ своему Балтистанскому княжеству, въ какомъ положеніи онъ и оставался тридцать лѣтъ. Повидимому, этою побѣдою руководили чисто политическіе мотивы, и она была совершенно свободна отъ религіознаго вліянія ислама, такъ что буддистская религія продолжала господствовать въ своей старой родинѣ, не смотря на пренебреженіе оказываемое ей при новомъ режимѣ. Когда власть вернулась къ Жіальпо начальнику Ладака, сдѣлавшемуся вскорѣ данникомъ Кашмира, Ладакъ уже не дѣлалъ попытокъ возродиться изъ той степени упадка, до которой онъ дошелъ, но, повидимому, продолжалъ существовать въ томъ безформенномъ состояніи, въ которомъ мы находимъ его подъ инду-скою властью Кашмира, послѣ окончательнаго присоединія къ нему въ 1834 году.

Изъ монастыря въ Хемисѣ—невольно заставившаго меня сдѣлать это историческое отступленіе—мы вернулись недалеко отъ Чанга по дорогѣ въ Лехъ, и тамъ, повернувъ влѣво, прошли миль шесть или восемь по грубой каменистой дорогѣ къ Мата, куда мы прибыли въ сумерки—черезъ двѣнадцать часовъ послѣ выхода—и присоединились къ лагерю посланника.

На слѣдующее утро я сопровождалъ капитана Чапмана и нашего сержанта на охоту за дикими баранами, называемыми здѣсь *шану*, высѣженными на горахъ къ югу отъ Мата и Стова. Мы вышли въ 6 часовъ утра, и, обогнувъ небольшую долину повыше деревни, слѣдовали вдоль нѣскольکو замерзшаго ручейка, бѣгущаго

по извилистому руслу миль десять или болѣе, и потомъ поднялись къ высокому болоту, образующему бассейнъ въ горахъ. Большая часть долины, по которой мы шли, была покрыта густымъ лѣсомъ ивы, тополя и тамарисковыхъ деревьевъ, перемежанныхъ кустами розъ и смородины, тогда какъ болото, длинными косогорами поднимающееся къ сѣверамъ, было покрыто пучками артемизии и гвоздики, здѣсь называемой *бутрзи*. Тутъ мы наткнулись на пасущихся овецъ и коровъ, и въ серединѣ долины, около глубокаго оврага, нашли нѣсколько пастушескихъ хижинъ, гдѣ одинъ старый безобразный татарякъ далъ намъ напиться кислаго молока изъ деревянной чашки, такой же нечистой, какъ и онъ самъ.

Компанія наша разбрелась въ долину по различнымъ оврагамъ отыскивая дичь, и всѣ мы сошлись неподалеку отъ этихъ хижинъ. Осмотрѣвъ нашу добычу, мы увидѣли, что всѣ мы почти съ пустыми руками, и потому отправились поперегъ болота къ проходу въ горы, замыкавшія его съ противоположной стороны. Почти уже въ концѣ подъема, мы подмѣтили стадо въ тридцать или сорокъ дикихъ барановъ, которое, увидя наше стараніе обойти его, бросилось со всѣхъ ногъ внизъ съ откосовъ на противоположную сторону глубокой рывяны, и только одинъ изъ нихъ погибъ отъ пули нашего сержанта. Такъ какъ день былъ порядочно на исходѣ, то мы посѣщили путь свой направить по извилистому ущелью, вдоль потока по направленію къ лагерю и къ 6 часамъ вечера добрали до Стока.

Во время нашего скитанія намъ попался снѣговой фазанъ или *рамчакаръ* кашмирскій, и небеснаго цвѣта голуби этихъ горъ. Мы вернулись въ Лехъ на другой день послѣ того какъ обшарили пвовую рощу около Стока и сдѣлали небольшой запасъ голубыхъ зайцевъ, живущихъ въ этой мѣстности.

ГЛАВА V.

Подъемъ на Кардонгскій переваль.—Снѣгъ.—Долина Нубры.—Горячіе ключи въ Панамикѣ.—Караваль-Давашь.—Удачный выстрѣлъ.—Сазерскіе ледники.—Истинный яка.—Кумданскіе ледники.—Дѣйствіе разрѣженного воздуха.—Лагерь въ Даулатъ-Бегъ-Ульди.—Дѣйствіе *дама*.—Исторія Саидъ-Хана.—Его бѣгство въ Кабуль.—Дѣлежъ Калгара.—Каракорумскій переваль.—Канджудскіе разбойники.—Замерзшій бекасъ.—Встрѣча съ ирландскими союзниками.

Окончивъ всѣ приготовленія въ Лехѣ и получивъ извѣщеніе о выходѣ Саидъ-Ягубъ-Хана изъ Мурри съ турецкими офицерами, которыхъ онъ привезъ съ собою, возвращаясь изъ Константинополя, посольство выступило изъ Леха въ дальнѣйшій путь 29-го сентября. Первый нашъ переходъ былъ въ семь миль къ хижинамъ, называющимся *пому*, у подошвы подъема чрезъ Кардонгскій проходъ, господствующій надъ Лехомъ съ сѣверной стороны. Почти на половину дорога идетъ за террасообразными полями Шанваръ-Гонна и за деревушкой Жинглись, пересѣкая глетчеры и моррены, обозначающіе ихъ соединенія и край, спускается въ извилистое ущелье, вершина котораго занята небольшою массою льда.

Мы остановились въ этомъ ущельѣ у подножія прохода. Высоту его опредѣляютъ въ 14,9000 футовъ или въ 3,400 футовъ надъ Лехомъ. Видъ чрезъ долину у цѣпи Каварійскихъ горъ, раздѣляющихъ Занскаръ отъ Ладака, очарователенъ, и представляетъ пространство, покрытое снѣгомъ, красивѣе котораго намъ не приводилось видѣть нигдѣ на дальнѣйшемъ пути. Тутъ мы почувствовали начало холода, предстоявшаго намъ впереди, такъ какъ ночью термометръ упалъ до 15° Ф., въ то время какъ вокругъ лагера съ странною силою свирѣли южный вѣтеръ, какому мы къ счастью не подвергались въ болѣе открытыхъ мѣстахъ.

Утромъ мы поднялись въ проходъ и, поднявшись по длинному скату на другую сторону, стали лагеремъ въ 15 миляхъ отъ деревни Кандонгъ. Этотъ проходъ вышиною въ 17,000 футовъ, подобно Диггарскому проходу, лежащему на томъ же самомъ хребтѣ, подалѣе, къ востоку отъ Леха, очень крутъ и труденъ. Я остановился почти на полчаса на вершинѣ, для наблюдений при помощи взятаго съ собою инструмента. Въ это время дулъ сильный холодный вѣтеръ, и хотя мы стояли подъ защитою утеса и окружили инструменты высокими снѣговыми стѣнами, все-таки трудно было защитить ихъ отъ сильного и холоднаго вихря. Я встрѣчалъ подобныя затрудненія на всѣхъ высокихъ перевалахъ, и хотя изслѣдованія производились съ величайшимъ тщаніемъ, но я болѣе довѣрялъ указаніямъ хорошаго анероида, чѣмъ указаніямъ наскоро установленнаго барометра, или результатамъ, показываемымъ гипсометромъ. При такихъ условіяхъ всегда трудно удержать трубку неподвижно, и рѣдко кому удастся выждать пока ртуть установится. Въ гипсометрѣ сама трубка непосредственно надъ котелкомъ охлаждается холоднымъ воздухомъ, такъ что царь, выходящій изъ него не только не нагрѣваетъ ее, но самъ остываетъ, точно такъ же, какъ и ртуть въ трубкѣ термометра, выставленнаго на воздухъ. Вслѣдствіе этого ртуть колеблется на пять или шесть десятыхъ градуса прежде, чѣмъ дать точное указаніе. Какъ эти, такъ и другія причины и различныя атмосферическія вліянія объясняютъ разность въ наблюденіяхъ, производимыхъ разными лицами въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и даже однѣми и тѣми же лицами, но въ разное время.

Въ Кардонгскомъ проходѣ барометръ стоялъ на 15°464, анероидъ на 15°58, а термометръ на 181° 4 Ф., при термометрѣ воздуха въ 28° Ф. Кардонгскій хребетъ идетъ съ сѣверо-запада на юго-востокъ и отдѣляетъ Ладакскую долину отъ долины рѣки Шайокъ. Онъ состоитъ изъ гнейса и гранита, осколки которыхъ заваливаютъ проходъ по обѣимъ сторонамъ острыми угловатыми утесами.

Такъ какъ подъемъ былъ слишкомъ крутъ и высокъ для нашихъ лошадей, то тюки съ нихъ были переложены на яковъ — называемыхъ у ботовъ *домами*. Этихъ сильныхъ животныхъ было приготовлено для нашего употребленія штукъ около четырехъ сотъ. Мы сами тоже пересѣли на санны этихъ полезныхъ, но неуклюжихъ животныхъ; проводящи же ѣхали на своихъ верховыхъ лошадяхъ.

Домъ или *якъ* — животное тихое и безопасное въ этихъ высотахъ,

умѣсть иногда показать себя иностранцамъ. Имъ управляютъ посредствомъ веревки, привязанной къ деревянному кольцу, продѣтому черезъ среднюю ноздрю, и животное движется легкой и спокойной походкой, безъ сопротивленія поднимаясь въ горы и спускаясь съ нихъ. Оно невыносимо пыхтитъ и непріятно хрюкаетъ при всякомъ своемъ движеніи, часто останавливается перевести духъ, и сосеть снѣгъ, если только не бросается въ сторону, чтобы покататься въ немъ.

Спускъ прохода по другую сторону былъ и крутъ и труденъ, пролегал по скользкой поверхности небольшого ледника. Многіе изъ нашихъ спутниковъ страдали на высотѣ головою болью, тошнотой и головокруженіемъ, такъ что даже сваливались съ лошадей, причѣмъ нерѣдко повреждали себѣ щеки и руки объ утесы и ледъ.

У оврага мы опять сѣли на своихъ лошадей и переѣхали черезъ довольно крутую рывину къ хижинамъ *полу*, расположеннымъ на узенькой зеленой площадкѣ. Мы остановились тутъ для завтрака, пока перевозили наши вещи, и въ это время воздухъ олашался крикомъ сурковъ, протестовавшихъ противъ нашего вторженія, и крикомъ пущенныхъ на свободу яковъ. Я замѣтила, что эти страшныя животныя, вмѣсто того, чтобы ѣсть роскошную траву въ глубинѣ оврага, разбрелись по скалистымъ откосамъ, чтобы пощипывать тощую травку, торчавшую около снѣга.

Продолжая путь нашъ вдоль откоса, мы перешли черезъ побочныя ущелья съ правой и съ лѣвой стороны, покрытыя на вершинахъ снѣгомъ и спустились по болотистому мѣсту, гдѣ наткнулись на *мены* и *шортены*, предвѣщавшіе близость нашу къ лагерю, куда мы и добрались въ 4 часа. Вещи наши пришли только черезъ два часа, пробывъ 11 часовъ въ дорогѣ. Къ чести м-ра Джонсона и его бготскихъ помощниковъ, переходъ этотъ, одинъ изъ наиболѣе трудныхъ, совершился безъ приключеній и остановокъ.

Небо было пасмурно и цѣлый день грозило дождемъ; къ вечеру же разъяснилось, но мѣсяцъ и звѣзды тускло горѣли на небосклонѣ. Тѣмъ не менѣе, утромъ, когда мы проснулись, земля оказалась покрытою на два, или на три дюйма снѣгомъ, а весь лагерь находился въ туманѣ. Почти до девяти часовъ мы не могли выступить и двинулись во время снѣга, падавнаго хлопьями. Путь нашъ шелъ къ сѣверовостоку. Спустившись съ высокаго берега, гдѣ стоитъ Кордонъ мы перешли черезъ рѣку уже безъ снѣга.

Рѣка протекаетъ между берегами изъ гравія и конгломерата, на-
сѣвшаго на гнейсовыя и глиммеровыя скалы. Берега перерѣзаны
глубокими ущельями, идущими отлогими покатосями изъ камней.
Во время нашего перехода камни постоянно скатывались и застав-
ляли насъ убѣгать отъ нихъ, носильщики же выказывали сильный
страхъ и прятались подъ кусты и утесы. Цѣлый градъ этихъ камней
пролетѣлъ надъ моею головою, когда мы проходили подъ краемъ
утеса. Носильщики, бывшіе около меня, не медля спрятались подъ
скалы, а за ними послѣдовалъ и я черезъ открытую площадку. Я
махалъ прочимъ спутникамъ, чтобы кто нибудь изъ нашего отряда
не пострадалъ отъ этихъ скатывающихся камней. Миля за четыре
отъ лагеря рѣка проходитъ по узкой просѣлкѣ между отвѣсными
стѣнами свѣтлаго кристалловиднаго известняка, и потомъ разли-
вается въ рѣку Шайокъ.

Берега ея густо обросли кустарникомъ, и въ трехъ, четырехъ
мѣстахъ черезъ нее перекинуты маленькіе простые мостики, подпер-
тые пачками изъ дерна и камня. Черезъ Шайокъ мы переправились
верхами, такъ что вода едва не доходила до сѣделъ, и потомъ оста-
новились посмотрѣть на переправу нашей маленькой арміи провод-
никовъ съ нашими вещами. Переправа совершилась цѣлой толпой
заразъ, весьма скоро и безъ всякихъ приключеній, хотя рѣка была
по крайней мѣрѣ въ восемьдесятъ ярдовъ шириною. Пройдя нѣсколь-
ко далѣе по берегу, мы стали лагеремъ за семь миль отъ Сатти.

На слѣдующій день мы сдѣлали небольшой переходъ, въ семь
миль, по долинкѣ въ Тиритъ, за нѣсколько миль отъ котораго долина
Нубры соединяется съ долиной Шайокъ противъ деревень Дискитъ и
Хундаръ. Эта долина есть широкое русло рѣки между голыми скалами
изъ сланца, гранита и гнейса. Рѣка впадаетъ въ широкій потокъ,
стремящійся по широкому ложу изъ голышей и валуновъ, окаймлен-
ному по обѣимъ сторонамъ непрерывной полосой наносной земли.
Наносные берега эти покрыты небольшими кустарниками волчьихъ
ягодъ и тамариска, растущихъ между хлѣбными полями небольшихъ
деревушекъ тамъ и сямъ оживляющихъ мѣстность и завершающихъ
видъ благоденствія мѣстности.

Изъ Тирита мы прошли семь миль до Тагара. На полпути мы
оставили Шайокъ и поднялись вверхъ по рѣкѣ Нубрѣ въ Тагаръ,
гдѣ стали лагеремъ подъ тѣнью большихъ деревьевъ близъ деревни.
Между самыми обыкновенными абрикосами, березами и тополями я

увидать вязъ и дикую маслину. Рѣка течетъ нѣсколькими рукавами по широкому песчаному руслу, на которомъ множество острововъ съ кустарниками волчьихъ ягодъ. Видъ долины похожи на мѣстность по одну сторону рѣки Шайока; но берегъ противоположный тому, по которому лежалъ нашъ путь, круто спускается къ рѣкѣ, и на немъ видна линія обозначающая разливъ Шайока въ 1839 году.

На пути мы миновали двѣ или три маленькія деревни, съ окрестными, хорошо обработанными полями, границы которыхъ обозначаются множествомъ *латоховъ* для предохраненія отъ вторженія злыхъ духовъ. *Латохъ* есть ничто иное, какъ круглый столбъ въ четыре или въ пять футовъ вышиною, сдѣланный, обыкновенно изъ глины или камня и поставленный на какомъ нибудь возвышенномъ утесѣ. На верху латоха утверждается толстая вязка прутьевъ съ воткнутыми длинными шестами, на концахъ которыхъ укрѣплены бычачьи хвосты; пучекъ же прутьевъ скрѣпленъ рогами дикаго барана.

Главныя поскѣвы здѣсь заключаются въ ячмень, лучший сортъ котораго называется *иримъ* или *назъ*. Это постоянная пища бгота, и его много требуютъ проходящіе здѣсь караваны. Для продовольствія каравановъ на придорожныхъ лугахъ растетъ люцерна, и на нихъ можетъ пастись скотъ. Мука изъ жаренаго ячменя — называемая въ Индіи *самту*, а здѣсь *сномфъ* — вмѣстѣ съ чаемъ и табакомъ, составляетъ единственную пищу бгота въ дорогѣ. Уходя въ далекой путь, онъ наполняетъ сѹ кожанную котомку и, закинувъ ее за спину, превосходно обходится безъ постоянныхъ дворовъ и гостинницъ. Проголодавшись, онъ садится на краю перваго ручейка, наполняетъ *корай* или «деревянную чашку» мукою, прибавляетъ немного воды, и, сдѣлавъ густое тѣсто, не проронивъ при этомъ и зернышка драгоцѣнной муки, раздѣляетъ его на кусочки и ѣстъ съ аппетитомъ и наслажденіемъ, достойными болѣе лакомаго кусочка. Привычка бгота къ этой простой пищѣ также сильна, какъ привязанность его къ *корай* — его дѣйствительно безсмѣнному товарищу, такъ какъ чашка покидаетъ его барманъ только тогда, когда онъ пьетъ изъ нее или дѣлаетъ въ ней тѣсто или похлѣббу. И даже здѣсь, въ мѣстахъ болѣе населенныхъ, это тѣсто составляетъ главную пищу.

Въ этомъ мѣстѣ въ лагерь нашъ прибылъ мулла Артокъ, посланный въ Кашгаръ, для предувѣдомленія Ягубъ-бега о возвращеніи

посольства. Человѣкъ этотъ выѣхалъ изъ Константинополя 14-го августа и, пробывъ нѣсколько дней въ Египтѣ, высадился въ Бомбеѣ, откуда по желѣзной дорогѣ проѣхалъ въ Лагоръ, а изъ Лагора на лошади приѣхалъ къ намъ послѣ обѣда 3-го октября. На слѣдующій день онъ отправился въ Кашгаръ, откуда черезъ нѣсколько дней былъ отправленъ обратно Аталыкомъ Газы съ письмами, привѣтствовавшими послапника и родственника Аталыка Саида, и встрѣтилъ насъ въ Санджу въ послѣдній день октября мѣсяца.

Изъ Тагара мы отправились въ Панамикъ, за двѣнадцать миль в прибыли туда 5-го октября. Часъ спустя, мы перешли на другую сторону рѣки въ Чуразѣ. Это резиденція бывшихъ начальниковъ округа Нубра, и въ ней есть небольшой дворецъ, крѣпость и монастырь. Все это очень живописно лѣпится на скалахъ, выдающихся къ рѣкѣ изъ хребта заднихъ горъ, и замѣтно отдѣляется въ картинѣ — такъ какъ бѣлыя стѣны ярко обрисовываются на темномъ фонѣ зелени.

Далѣе дорога идетъ черезъ оврагъ, побѣлѣвшій отъ содовыхъ залежей. Намъ говорили, что въ настоящемъ году тутъ добыто для Кашмирскаго рынка 3,000 мѣръ соды. Она употребляется тибетцами для улучшенія цвѣта и для уничтоженія запаха ихъ чая. Въ различныхъ мѣстахъ, какъ здѣсь такъ и въ Шайокскихъ долинахъ попадаетъ мѣдь. Въ сосѣдствѣ Чурава добывается золото, что доставляетъ заработокъ очень многимъ семействамъ. Миѣ показывали нѣсколько образцовъ золота, найденнаго въ Шайокской долинѣ. Въ нихъ было золото изъ породы, называемой «навлиннымъ золотомъ» перемешанное съ сѣрнокислою мѣдью.

За этой небольшой содовой долиной, за какуюнибудь милю отъ Панамика, мы наткнулись на горячіе ключи у подножія горы вправо отъ дороги. Они пробиваются наружу въ различныхъ мѣстахъ на скатѣ высокаго берега у подножія горы, покрытаго гравіемъ и хрящемъ. Отъ ключей идетъ паръ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они пробиваются, и затѣмъ они текутъ тоненькими ручейками внизъ по склону, оставляя на немъ бѣлые кристаллы сѣрнокислой извести съ сильно вяжущимъ вкусомъ. На нѣкоторыхъ камняхъ около источниковъ я находилъ осадокъ сѣры. Измѣривъ температуру самаго большаго источника въ различныхъ мѣстахъ, я нашелъ 155, 5° Ф., въ маломъ бассейнѣ въ началѣ родника, — 146° Ф. за 8 шаговъ — 124° Ф. за 20 шаговъ и 90° Ф. за 70 шаговъ. Другой источникъ

туть же рядомъ у самаго родника имѣлъ 167° по Ф. Всѣ малые источники западной группы проводились простыми канавами въ 14 дюймовъ ширины и въ 3 дюйма глубины въ нѣсколько водоемовъ окруженныхъ стѣнами, и раздѣленныхъ на два кунальные отдѣленія, а стоявшая туть же хижина служила пріютомъ для прислуги при купальняхъ.

Эти ванны сильно посѣщаются какъ туземцами, такъ и пріѣзжими изъ Яранда, и, какъ говорятъ, очень помогаютъ отъ хроническаго ревматизма и сифилиса. Подобные же источники находятся въ нагорной части Тчанггунга, на слѣдующей станціи отсюда. Одинъ изъ верхнихъ источниковъ вытекаетъ въ небольшой бассейнъ подъ стѣнью высокаго гнейсоваго утеса, ушедшаго въ хрящъ и осколки. Камни въ бассейнѣ пожелтѣли отъ слоя сѣры, какъ пожелтѣлъ и известковый осадокъ около нихъ; въ окрестностяхъ постоянно слышался подземный трескъ, точно отъ взрыва снertaго воздуха. Тутъ также, какъ и у Панамикскихъ источниковъ, была хижина для купающихся.

Во время остановки нашей въ Панамигѣ на смѣну нашихъ яговъ и лошадей были приготовлены другіе. Затѣмъ мы отправились за двѣнадцать миль въ Чапгунгъ, бѣдную деревушку, въ восемь или десять домиковъ, разбросанныхъ посреди маленькаго оазиса голыхъ деревьевъ и небольшихъ полей, этихъ — *ultima thule* жилищъ этой мѣстности. Это жалкое мѣстечко у подножія Караваль Давана, стоитъ уединенно, посреди длинной полосы гравія и песковъ, окруженное голыми утесами. Въ своей зимней паготѣ и одиночествѣ, оно является путешественнику предвѣстникомъ того, что ожидаетъ его впереди, и представляетъ звено между жилищемъ человѣка и безусловной пустыней, за нимъ лежащей. Какъ хорошо помню я радостное довольство съ какимъ на возвратномъ пути смотрѣли мы на это самое мѣсто съ вершины горы. Жалкія дачужки прятались въ зелени и были окружены яркимъ ковромъ молодыхъ посѣвовъ, казавшихся нашимъ взорамъ, утомленнымъ безконечными пустынями пройденныхъ нами степей, какимъ то расемъ, и мы привѣтствовали эту картину какъ первый плодъ, наконецъ встрѣченной нами цивилизаціи.

Изъ Чапгунга мы вышли 7-го октября и стали лагеремъ въ Тупіалякѣ. Вещи наши отправлены были впередъ въ 7 часовъ утра, а мы выступили вслѣдъ за ними въ 9 часовъ, постѣ ранняго завтрака. Утро было ясное и морозное, небо совершенно чистое. Путь

нашъ лежалъ крутымъ поворотомъ къ высокому хребту гранитныхъ горъ, возвышающемуся падъ деревней, и, выстунивъ, мы увидѣли напихъ лошадей и проводниковъ, тихо взбравшихся по крутизнѣ, точно армія муравьевъ. У подножія подъема мы сѣли на ожидавшихъ насъ яковъ и сопровождаемые ихъ проводниками поѣхали мимо длиннаго ряда тяжело навьюченныхъ товарищей и ихъ мѣше крѣпкихъ помощниковъ въ этомъ дѣлѣ — муловъ и лошадей. На верху подъема оказалась небольшая площадка, за которою начинался другой подъемъ вплоть до самаго прохода.

Съ этой окраины передъ нами открылся чудный видъ на южныя горы. Воздухъ былъ чрезвычайно ясенъ и свѣтлъ, и высокіе свѣтовые пики, поднимающіеся къ голубому небу, рѣзко выдѣлялись своею непорочною чистотою среди окружавшихъ ихъ громадныхъ ледниковъ. На этомъ разстояніи яркость недавно вынавшего свѣга блестяла, не принося вреда глазамъ.

За площадкой подъемъ къ Караваль Давану или «Сторожевой горѣ» не такъ крутъ. Это первое турецкое названіе, встрѣченное нами, и его можно назвать памятникомъ вторженія султана Саида въ Яркандъ, воспоминаніе о которомъ, неволью увѣковѣчено купцами этой страны. Бготы, какъ здѣсь, такъ и всюду по этой дорогѣ, даютъ свои собственныя названія различнымъ мѣстностямъ, и это мѣсто называютъ Хлаегіа. Эта мѣстность имѣетъ памятники гораздо болѣе важныя, безмольно свидѣтельствующіе о страданіяхъ и смерти, на которыя предъявляетъ свои права эта негостепрѣимная мѣстность. Остовы, такъ обильно покрывающіе здѣшнюю мѣстность, характеризуютъ всю дорогу въ Санджу, по другую сторону границы, на пространствѣ между Индомъ и Татарією.

Вокругъ станціонныхъ хижинъ въ верхней части прохода я замѣтилъ трупы и кости лошадей и быковъ въ различныхъ степеняхъ разложенія, а между ними и человѣческія кости. Около же нашего лагеря въ Тушялакѣ мы нашли между массою подобныхъ остатковъ тѣла двухъ людей — слишкомъ уже разложившіяся, такъ что нельзя было отличить бготы ли это или яркандцы, кашмирцы или пенджабцы.

Я остановился на перевалѣ, чтобы измѣрить высоту, которую опредѣлялъ въ 14,550 футовъ. Въ то время какъ я наблюдалъ за гипсометромъ, проводникъ мой указалъ мнѣ на орла, парившаго надъ нами, и такъ какъ винтовка моя была у меня подъ рукою, прислоненная къ утесу, то я взялъ ее, и въ то время какъ орелъ взгля-

нуль на оружіе, я прицѣлился — и въ тотъ же мигъ пораженный пулею, онъ упалъ съ страшною быстротою.

Кроткіе покорные бготы, остались совершенно безучастными, и принявъ удачный выстрѣлъ за счастливую случайность, не выразили ни малѣйшаго удивленія; подобный выстрѣлъ привелъ бы въ восторгъ афганца. Разница въ ихъ характерахъ такъ велика, что тамъ, гдѣ бготъ стоитъ спокойно и смотритъ тупо, афганецъ восторгается и не успокоится до тѣхъ поръ, пока не осмотритъ оружія со всѣхъ сторонъ, и кончитъ непременно тѣмъ, что попроситъ его себѣ. Убитый орелъ въ размахѣ крыльевъ имѣлъ 106 дюймовъ и 49 дюймовъ отъ клюва до хвоста.

Съ вершины хребта дорога шла по крутому скату по разсыпанному гравію къ глубокому и скалистому ложу, по которому съ грохотомъ катился притокъ рѣки Нубры, наканунѣ перейденный нами у его впаденія. Теперь мы снова перебрались черезъ него по вѣтхому деревянному мосту и, перейдя на другой берегъ, расположились лагеремъ на небольшой равнинѣ подъ самыми глетчерами, изъ которыхъ и вытекалъ потокъ.

Тупіялакъ — по бготски, или Турди Айлакъ т. е. «сносное пастбище», по турецки — есть просто лагерная станція на небольшой болотистой лужайкѣ посреди дикихъ горъ, которая по своей суровости предвѣщаютъ безлѣсный характеръ дальнѣйшей мѣстности. Бготы называютъ это мѣсто Пангдонгтса, что, на сколько я понимаю, значить «пріятное мѣсто для яза», и если это вѣрно, то конечно вкусъ его далеко не похожъ на вкусъ большей части людей.

Волнистая поверхность глетчера была сплошь покрыта оконечностями камней и скалъ замерзшихъ во льду, и когда луна освѣтила эту уединенную ложбину серебрянымъ блескомъ, то ложбина такъ и выдалась отгнѣнная окружавшими ее темными утесами и показалась еще эффектнѣе отъ стоящихъ какъ бы на стражѣ снѣжныхъ пиковъ.

Вещи наши пришли только послѣ пяти часовъ, и когда прибыла слѣдующая партія быковъ, то съ первыхъ былъ снятъ грузъ и они были пущены на пастбище, на ихъ «любимое мѣсто». Утромъ, когда я всталъ, чтобы записать показанія инструментовъ, то термометръ въ палаткѣ доходилъ только до 11° по Фаренгейту. Я видѣлъ тутъ бготовъ съ лассо въ рукахъ, взбравшихся на горы за своими разбѣжавшимися животными, и смотрѣлъ какъ они искусно ловили ихъ, набрасывая лассо. Лассо было совершенно доста-

точно для яга. Онъ тотчасъ же останавливался, связанный веревкой за рога, а концомъ веревки притянутый къ носовому кольцу, и шелъ плѣнникомъ на дневной трудъ.

Отсюда мы отправились за восемнадцать миль въ Брантса. Это небольшая, изъ камней сложенная стѣна для защиты путешественника и его лошади отъ холоднаго вѣтра, дующаго сверху изъ ледянаго прохода, и господствующаго надъ широкимъ ложемъ рѣки Шайокъ, черезъ которую мы тутъ снова перешли, такъ какъ здѣсь она течетъ къ востоку, широко огибая массы горъ, пройденныя нами по пути изъ Чанглунга.

Вещи наши отправлены были въ шесть часовъ утра, а сами мы вышли черезъ два часа. Дорога шла отъ сѣвера къ востоку и затѣмъ снова поворачивала къ сѣверу черезъ узкое ущелье, окаймленное гранитными горами, отягощенными вѣчнымъ снѣгомъ. Многочисленные ледники, спускавшіеся съ двухъ сторонъ въ проходъ, дополняли собою суровую и величественную картину.

Неровная поверхность по обѣ стороны нашей дикой дороги была покрыта въ безпорядкѣ разбросанными горами скалъ и острыхъ камней, совершенно занесенныхъ снѣгомъ, а непрерывный шумъ потоковъ, несущихся по нимъ со всѣхъ сторонъ, производилъ такое смѣшеніе звуковъ, которое заглушало крики нашихъ проводниковъ и ржаніе лошадей.

По простествіи двухъ съ половиною часовъ мы пришли на небольшую площадку, гдѣ ущелье расходится. Здѣсь на мѣстности, называющейся Сартангъ, съ водоемомъ, въ то время совершенно замерзшимъ, мы разбили нашъ лагерь. Въ этомъ мѣстѣ м-ръ Джокопъ весьма предусмотрительно распорядился оставить запасы на тотъ случай, если бы отрядъ нашъ не могъ перейти, и мы, пользуясь остановкою, расположились для завтрака. Капитанъ Чапманъ тоже воспользовался этимъ, снялъ фотографическій видъ, и картинка, не смотря на то, что замерзаніе химическихъ матеріаловъ затрудняло его работу, оказалась не менѣе интересною чѣмъ другія, привезенныя имъ изъ этого путешествія. Высота этого мѣста превышала 15,725 футовъ; холодъ былъ невыносимъ, хотя термометръ указывалъ 24° Ф. Воздухъ былъ чистъ, хотя нѣсколько облачковъ носилось около горныхъ вершинъ, и ледяной вѣтеръ страшной силой дулъ на насъ; но мы запаслись разнаго рода одѣялами, а открытыя мѣста лица намазали глицериновою мазью, оказавшеюся очень по-

лезною, предохраняющею кожу отъ растрескиванія. Бѣлизна снѣга во время прохода была ослѣпительна и невозможно было смотрѣть на него невооруженнымъ глазомъ. У насъ у всѣхъ были очки, точно также какъ и у большой части спутниковъ нашего отряда, но несчастные бготы и лошади ихъ должны были сами позаботиться о себѣ.

У нѣкоторыхъ бготовъ были наглазники, формою похожіе на наши, и довольно красиво сдѣланные изъ чернаго волоса, съ отверстіемъ противъ зрачка, прикрытымъ газомъ. У большинства же очковъ не было, и они довольствовались тѣмъ, что выдергивали волосы изъ хвоста своихъ яковъ, и ими заслоняли себѣ глаза. Ниже Сартанга дорога извивается между острыми утесами и берегами, подъ тѣнью отвѣснаго ледника, круто спускающагося къ горѣ и ежеминутно грозящаго обрушиться; потомъ прохода по узкой выемкѣ между стѣною громаднаго глетчера съ одной стороны, и острыми гнейсовыми утесами, покрывающими подножіе горы съ другой, она спускается къ мѣстечку мимо громадной трещины въ ледникѣ, занятой небольшимъ, совершенно замерзшимъ озеромъ.

За трещиною дорога поднимается до вершины самаго ледника, и мали на три идти вдоль ея краевъ. На половинѣ дороги на ледникѣ я измѣрилъ высоту подъ прикрытіемъ громадной скалы, скатившейся сюда съ вершины, и нашель 17,270 футовъ.

Переѣздъ въ этой части прохода всегда опасенъ, вслѣдствіе трещинъ и проваловъ во льду, скрытыхъ подъ снѣгомъ. Мы нашли ледникъ совершенно прикрытымъ волнообразнымъ слоемъ мягкаго снѣга въ футъ и въ два толщиною. Но г. Джонсонъ проложилъ безопасную, хотя и узенькую тропинку вдоль края, при помощи своихъ бготовъ и ихъ животныхъ.

Онъ сообщилъ мнѣ интересныя свѣденія о замѣчательномъ инстинктѣ яковъ, который въ этомъ случаѣ овазывается полезнѣе разума ихъ хозяевъ бготовъ. Прежде чѣмъ пускаться въ путь по леднику обыкновенно прогоняютъ черезъ него штукъ десять, двѣ-три яковъ, чтобы они проложили путь. Эти, въ своемъ родѣ, умныя животныя, пригнанныя къ леднику, собираются въ кучу у края ледника, какъ бы для совѣщанія, и, похрюкавъ нѣкоторое время, одинъ изъ нихъ идетъ впередъ, а всѣ другіе слѣдуютъ за нимъ по одиночкѣ. Предводитель, вытянувъ морду, осторожно обнюхиваетъ путь и хрюкаетъ; когда же утомится, то ложится, предо-

ставляя слѣдовавшему за нимъ предводительствовать, и такимъ образомъ переходятъ ледники и достигается твердая земля другого берега. Бготы идутъ за своими животными по дорожкѣ и ставятъ мѣстами невысокіе столбики изъ снѣгу въ видѣ указаній на тотъ случай, если бы туманъ или снѣгъ заслонилъ путь.

Этимъ простымъ способомъ мы перешли благополучно, хотя множество нашихъ лошадей попадали въ овраги по обѣимъ сторонамъ дороги. Уложивъ свой барометръ и другіе инструменты, я хотѣлъ догнать своихъ товарищей, уже уѣхавшихъ впередъ, и, обгоняя вереницу нашихъ проводниковъ, завернутыхъ въ одѣяла и сидѣвшихъ на лошадяхъ какъ какія нибудь связки съ платьями, сбился съ дороги и свалился въ оврагъ съ мягкимъ снѣгомъ. Мое внезапное паденіе произвело такое волненіе по всей линіи, что когда я выкарабкался, то оказалось, что трое или четверо путниковъ, желая спасти меня, сами попадали съ своими лошадьми въ рыхлый снѣгъ, гдѣ не могли держаться на ногахъ.

Пройдя глетчеры, мы спустились и, миновавъ снѣгъ, вступили на твердый скатъ горы, который привелъ насъ изъ ущелья къ лачугамъ Брангтса, на берегу, господствующемъ надъ рѣкою Шайокъ. Высота около этихъ лачугъ достигаетъ 14,330 футовъ. Послѣднія вещи наши пришли въ Брангтса послѣ девяти часовъ вечера, и тогда мы узнали, что переходъ былъ совершенъ безъ потерь или какихъ нибудь серьезныхъ приключеній.

Этотъ труднѣйшій изъ горныхъ проходовъ называемый Сазерскимъ, тотъ самый Сакрійскій проходъ, который упомянуть въ *Тарикхи Рашиди*. Лѣтомъ проходъ этотъ опасенъ вслѣдствіе лавинъ и обломковъ скалъ, скатывающихся съ горъ по обѣимъ сторонамъ, точно также какъ и вслѣдствіе внезапнаго накопленія воды въ безчисленныхъ потокахъ, вдругъ разливающихся отъ случайнаго удаленія утеса или льда, прежде прергаждавшаго имъ путь. Зимой онъ безопасенъ, такъ какъ и утесы, и ледники неподвижно прикованы къ мѣсту крѣпкимъ морозомъ. Удачнымъ же переходомъ нашего отряда какъ въ этотъ разъ, такъ и на возвратномъ пути, мы несомнѣнно обязаны распорядительности кашмирскихъ властей и неустанной заботливости м-ра Джонсона. Для настоящаго случая онъ приготовилъ 250 выючныхъ лошадей и 60 верховыхъ и около 400 быковъ съ небольшою кучкой бготскихъ носильщиковъ для переноски нашего лагеря и припасовъ, что сильно облегчило нашихъ

лошадей. Хорошимъ же снаряженіемъ нашихъ людей и лошадей, о которой предусмотрительно позаботился посланникъ, мы обязаны тѣмъ, что никто изъ насъ не терпѣлъ въ матеріальномъ отношеніи во время страшнаго перехода, гдѣ трупы и скелеты на всякомъ поворотѣ дороги зловѣще глядѣли на путешественника. Между ними было найдено тѣло человѣка повидимому ярандца, но я не слышалъ, чтобы кто нибудь изъ нашего отряда остался въ видѣ приравленія къ этимъ грустнымъ указаніямъ дороги по проходу. Тѣмъ не менѣе наши лошади дошли оцѣненными и обвѣшанными сосульками, отягощавшими ихъ хвосты и гривы, и отъ которыхъ они старались отдѣлаться. Наши же крѣпкіе и выносливые посильщики въ своей плохой и дырявой одеждѣ, молча, переносили холодъ изъ за своего *sattu* (ячменной муки). Прибывъ въ лагерь, они совершенно довольные подкрѣпляли себя на трудъ слѣдующаго дня питьемъ освѣжающаго чая и, весело болтая, сажались вокругъ своихъ лагерныхъ костровъ. Болтали они до тѣхъ поръ, пока дозволяло это ограниченное количество топлива, а потомъ, закутавшись, при температурѣ въ 6° Ф., они ложились спать около горячей золы, подъ яснымъ небомъ вмѣсто кровли и при шумномъ журчаніи рѣчки Сазеръ вмѣсто колыбельной пѣсни.

Въ этомъ мѣстѣ лагерь нашъ раздѣлился. Вещи подъ конвоемъ м-ра Джонсона отправились прямымъ путемъ по Дапсангскому плато къ Даулатъ-Бегъ-Ульди, гдѣ мы должны были соединиться съ ними, направляясь по Кумданской дорогѣ. Нашъ отрядъ состоялъ только изъ посланника, его офицеровъ и небольшого числа провожатыхъ для постановки палатокъ, такъ какъ дорога совершенно справедливо считалась непроходимой для всего отряда.

Такимъ образомъ мы прошли десять миль до слѣдующей станціи въ Кумданъ. Спустившись къ рѣкѣ Шайонъ, мы пошли по ея теченію, извивающемуся въ ущельѣ по широкому каменистому ложу, и въ продолженіи двухъ часовъ перейдя рѣку разъ восемь или десять, дошли до глетчера, лежащаго поперекъ долины въ сѣверозападномъ направленіи. Тутъ мы вошли въ узкое ущелье между вертикальныхъ стѣнъ изъ бѣлыхъ мраморныхъ утесовъ съ одной стороны и ледника бутылочно-зеленаго цвѣта съ другой, и шли цѣлый часъ по этому направленію, переходя постоянно съ одной стороны на другую по узкимъ окраинамъ льда, и черезъ воду, входя въ нее, то огибая утесы, то скользя по гладкому льду, пока наконецъ не перешли долины. По-

слѣ того, пройдя еще около мили, мы остановились на высокомъ берегу подь отвѣсной стѣной изъ бѣлаго мрамора, и въ виду другаго большаго ледника, лежащаго на нѣсколько сотъ ярдовъ выше.

Мѣсто это было очевидно глухо, такъ какъ на немъ совершенно не было видно валяющихся скелетовъ, обозначающихъ станціи въ этихъ окраинахъ; а почва была такъ рыхла, что нельзя было воткнуть колышка, и наши палатки держались только тѣмъ, что средніе шесты ихъ укрѣплялись большими камнями.

Верхній ледникъ идетъ извиваясь вдоль долины, впадину которой онъ наполняетъ на подобіе большой рѣки, и на вершинѣ его, за нѣсколько миль къ западу, возвышается замѣчательный пикъ — самый высокій въ странѣ. Движеніе этого ледника вѣсь, поперегъ долины, загородило все выходы изъ нея и причинило въ 1842 то разлитіе Инда, которое произвело опустошеніе по всему его теченію до самаго Аттока. Другой ледникъ, оставшійся позади насъ и пересѣкающій долину подь прямымъ угломъ, должно быть напиралъ съ страшной силой на противоположную сторону, такъ какъ я замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ утесы были переломаны и перемѣшаны съ массами льда, приставшими къ нимъ — вѣроятно во время отдѣленія ихъ отъ главной массы потокомъ смертныхъ водъ. Спускъ ледника въ долину и внезапное уничтоженіе преградъ и произвело наводненіе Инда въ 1859 году, наводненіе, погубившее поселеніе Наушера, обратнымъ теченіемъ водъ рѣки Кабула у Аттока — несчастіе, которое мнѣ случилось видѣть самому съ противоположнаго берега.

Наша ближайшая станція была въ Гіантангѣ за восемь миль. Проходъ по верхнему леднику и шире, и легче прохода, пройденнаго наканунѣ; онъ ведетъ въ широкое, мелкое, каменистое русло, идущее на сѣверъ къ волнообразной равнинѣ, воды которой имѣютъ въ него истокъ по множеству рукавовъ. Дорога этимъ путемъ непроходима лѣтомъ вслѣдствіе внезапныхъ потоковъ отъ таящихъ ледниковъ. Далѣе у истоковъ Шайова мы перешли его нѣсколько разъ по полямъ въ водѣ, къ немалому горю лошадей, которымъ пльвшій по рѣкѣ ледъ ушибалъ ноги. Въ Гіантангѣ мы стали лагеремъ среди множества труповъ и остововъ лошадей, ословъ и быковъ въ разныхъ степеняхъ разложенія. Они наполняли прикрытые овраги у береговъ — овраги въ которые мы были загнаны вреднымъ южнымъ вѣтромъ, душимъ съ непреодолимой силой. Поварь нашъ установилъ свои горшки и сковороды подь прикрытіемъ трехъ или четырехъ остововъ, и

когда я ему замѣтилъ отчего онъ не постарался выбрать болѣе подходящаго мѣста, онъ въ отчанин отвѣтилъ мнѣ: «Да гдѣ же пайти лучшее? Вся мѣстность покрыта ими». И дѣйствительно, онъ говорилъ правду, такъ какъ, обойдя кругомъ, я не нашелъ мѣста не заваленнаго костями. Къ счастью для путешественниковъ, воздухъ тутъ такъ сухъ, что трупы не гниютъ, а просто высыхаютъ безъ сквернаго запаха, и вслѣдствіе этого, какъ бы ни была вредна эта мѣстность, она все таки избавлена отъ зловредныхъ міазмовъ.

Эти остатки можно считать тысячами по этой дорогѣ; они громко вопіють о бѣдственной утратѣ жизни. Это свидѣтели многихъ лѣтъ; тутъ рядомъ видна старая поблѣвшая кожа, неизвѣстно чья, и свѣжій вчерашній трупъ, и другіе остатки различныхъ періодовъ отъ одного года до двѣнадцати лѣтъ или болѣе.

Въ этомъ мѣстѣ мы попали на слѣды дикаго *яка*; полковникъ отправился на развѣдку, но безъ успѣха. Въ этомъ же мѣстѣ Мирза Хидаръ (авторъ «Тарихи Рашиди») разстался съ своимъ товарищемъ, княземъ Искандеромъ яркандскимъ, какъ я уже говорилъ ранѣе, и отправился въ свое путешествіе по неизвѣстному пути къ Вохану. Преданіе говоритъ, что здѣсь, вѣроятно у источниковъ Шайока, онъ убилъ громаднаго дикаго яка, которымъ въ продолженіи трехъ дней питался весь его отрядъ, во время ихъ опаснаго путешествія по необитаемой долинѣ Рашигумъ, долинѣ, которая подъ названіемъ Варшигумъ имѣетъ теперь для насъ особенное значеніе, какъ мѣсто смерти отважнаго, и умнаго изслѣдователя Хейварда.

Гіантангъ имѣетъ 15,150 футовъ высоты и вредно дѣйствуетъ на легкія, какъ у человѣка, такъ и у животныхъ. Мы болѣе или менѣе чувствовали дурное вліяніе рѣдкой атмосферы всю дорогу отъ Караваль Давапа, но тутъ оно стало ощутительнѣе, и сильно подѣйствовало на многихъ изъ нашего отряда. Воспользовавшись совѣтомъ доктора Ж. Гендерсона, во время путешествія его въ этихъ мѣстахъ въ 1870 году, я сдѣлалъ большой запасъ солей, которыя онъ нашелъ столь полезными, и результаты были весьма благоприятны, что еще болѣе подтвердило дальнѣйшее путешествіе. Я роздалъ маленькія сткляночки хлористаго поташа членамъ посольства и тѣмъ изъ проводниковъ, которые нуждались въ немъ, и по своему собственному опыту могу засвидѣтельствовать о его свойствѣ облегчать мучительные симптомы, происходящіе отъ постоянного недостатка необходимаго кислорода въ атмосферѣ. Большое количе-

ство кислорода, содержамаго въ соляхъ, вѣроятно доставляетъ крови то, чего въ этихъ мѣстахъ недостаетъ для нея въ воздухѣ и черезъ желудокъ пополняетъ потерю легкихъ. Какъ ни объяснять дѣйствіе солей, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что онѣ имѣютъ свойство прекращать странную тошноту и головную боль, производимыя обращеніемъ недостаточно окисленной крови, и ни одинъ путешественникъ не долженъ нускаться по этимъ проходамъ, не взявъ съ собою запаса этого простаго средства.

Изъ Гаптанга мы проѣхали пятнадцать миль въ Даулатъ-Бегъ-Ульди. Дорога немного поднимается по рѣкѣ и потомъ, пересѣкая глухой путь по травянымъ холмамъ, входитъ въ русло притока. Отсюда она поднимается къ широкой и открытой равнинѣ, образующей открытое плато Каракорумскаго хребта. На этой площадкѣ мы стали лагеремъ подъ прикрытіемъ высокаго песчанаго берега рѣки, вытекающей изъ Каракорумскаго прохода, хребетъ котораго, изъ чернаго хряща и шифера, возвышается въ полной своей наготѣ и пустынности прямо противъ насъ.

Повернувъ отъ главнаго потока Шайока, мы оставили за собою роскошную панораму вида на глетчеры; въ эту минуту порывъ холоднаго вѣтра, вырвавшійся съ той стороны, заставилъ насъ вздрогнуть, и подумать каково здѣсь зимою. Тѣмъ не менѣе путь этотъ вскорѣ будетъ предпочитаться отважными путешественниками, вслѣдствіе суровости Дансангской дороги. Влѣво, миль за шесть Шайокъ теряется въ громадномъ ледяномъ полѣ, изъ котораго онъ и вытекаетъ. Эти ледники идутъ тремя широкими ливіями съ сѣверо-запада, и юго-запада и соединяются въ одну громадную массу, наполняющую широкую долину, въ которую расширяется здѣсь ложе рѣки. Они походятъ на рѣки, покрывающія долину чистымъ бѣлымъ слоемъ, и спускающіяся на двѣнадцать или на тринадцать миль отъ подножія высокихъ снѣговыхъ пиковъ, откуда и берутъ начало. Тамъ же, гдѣ встрѣчаются, онѣ представляютъ обширное замерзшее озеро, точно рѣки эти внезапно застигнуты во время сильныхъ волнъ. Такъ какъ тутъ ледникъ представляетъ неровную поверхность, то слѣдуетъ думать, что онъ образовался подъ давленіемъ боковаго натиска спускавшихся ледяныхъ потоковъ, встрѣтившихся съ противоположныхъ направленій.

Въ Даулатъ-Бегъ-Ульди насъ настигъ м-ръ Джонсонъ съ главнымъ отрядомъ. Онъ лишился двухъ лошадей при переходѣ по Дан-

сангской равнинѣ. — Это была наша первая потеря — но онъ привелъ всѣхъ своихъ проводниковъ въ добромъ здравіи. — Дарсангская долина есть высшее мѣсто этой равнины и расширяется къ югу отъ того мѣста, гдѣ мы находились, замыкая видъ съ этой стороны. Мы перешли ее на возвратномъ пути, какъ я и сообщу о томъ въ своемъ мѣстѣ.

Высота въ Даулатъ-Бегъ-Ульди равняется 16,000 футамъ. Эта сильно пустынная и холодная плоскость, въ это время года свободна отъ снѣга, за исключеніемъ находящихся здѣсь нѣкоторыхъ высокихъ горъ изъ шифера, достигающихъ отъ 18,000 до 20,000 ф. вышины, на которыхъ лежитъ еще мѣстами прошлогодній снѣгъ. Говорятъ, что временами тутъ дуютъ страшные вѣтры. Къ счастью, мы ихъ избѣжали, и намъ пришлось только страдать отъ недостатка необходимаго кислорода.

Нѣкоторые изъ нашего отряда совершенно падали, и просили моеѣ помощи. «Добрый человѣкъ», говорилъ я каждому, кто предавался отчаянію, — вамъ не хуже чѣмъ мнѣ, или другимъ. Вотъ, возьмите эту соль и кладите по щепоткѣ въ ротъ, а теперь положите голову на камень и спокойно лежите, пока рожокъ не затрубитъ выступленія». Больше дѣлать было нечего. Полный покой духа и тѣла я находилъ лучшимъ средствомъ, хотя не всегда достижимымъ. Даже, когда я спокойно сидѣлъ и писалъ, у меня по временамъ подергивало перо отъ невольнаго внезапнаго замиранія духа, ощущаемаго въ груди точно отъ тяжести, которую хочется сбросить. Когда же я хотѣлъ идти спать въ надеждѣ забыть боль, отягочающую мою голову, и тошноту, почти сваливавшую меня съ ногъ, я долженъ былъ вскочить съ мѣста, потому что сталъ задыхаться. Нѣсколько глубокихъ, но неудовлетворяющихъ, вдыханій и головокруженіе, снова заставили меня положить голову на подушку и немного вздремнуть, но для того, чтобы скорѣе опять вскочить и переживать ту же самую пытку до тѣхъ поръ, пока рожокъ не возвѣстилъ, что пора вставать. Процессъ одѣванья — роскошь, въ которой я сталъ отказывать себѣ пока мы не спустились въ болѣе удобныя мѣста — почти доканалъ меня, и я едва только могъ взобраться на лошадь. Дорогою я съѣлъ почти три драхмы хлористаго поташа, и на хребтѣ Каракорума, чувствуя себя почти хорошо, остановился, чтобы измѣрить высоту. Вотъ какимъ образомъ я и многіе другіе изъ нашего отряда провели это непріятное время на Каракарумскимъ плато.

Посреди всѣхъ этихъ крайне непріятныхъ симптомовъ болѣзни, меня очень забавляло сердитое ворчаніе одного отважнаго афганца, потерявшаго самообладаніе отъ страданій. Онъ присоединился къ намъ въ Кашмирѣ какъ погонщикъ муловъ и пришелъ ко мнѣ удрученный горестью, жалуясь на голову, на желудокъ, на члены и дѣйствительно недовольный всѣми и всѣмъ, — состояніе духа, извинительное при подобныхъ обстоятельствахъ. «Я всегда считалъ васъ народомъ несомиѣнно умнымъ, говорилъ онъ, но что могло привести васъ въ эту проклятую страну, въ которой не живутъ даже подлые бготы?»

—Послушайте! сказалъ я, вамъ нечего жаловаться, такъ какъ вы привыкли къ горамъ у себя на родинѣ, и здѣсь вамъ будетъ совсѣмъ хорошо.

—Вы правы, сударь, отвѣчалъ онъ; у насъ дома есть горы, и даже настоящія горы, съ деревьями, по милости Провидѣнія. Опѣ въ десять разъ выше этихъ жалкихъ кучъ хряща; но мы всходимъ на нихъ и спускаемся съ нихъ безъ всякаго труда и вреда.

—Хорошо, любезный другъ, отвѣчалъ я, тѣмъ болѣе причинъ, чтобы вы поднялись и спустились съ этихъ небольшихъ высотъ безъ всякихъ затрудненій.

—И жалуюсь не на высоту, продолжалъ онъ, а на проклятый воздухъ здѣшняго мѣста. Всѣмъ извѣстно, что онъ отравленъ, и я прошу васъ только лекарства. Въ этихъ стеклянкахъ (онъ указалъ на ящики съ медикаментами) должно быть что нибудь помогающее.

Я далъ ему соли, и посоветовалъ усюконтиться; онъ пошелъ на свое мѣсто, говоря: «да! и приму это и дай Богъ, чтобы оно помогло мнѣ. Но этотъ *дамъ*, съ отравленнымъ воздухомъ поднимается всюду. Стоитъ сдѣлать десять шаговъ, и вамъ сдѣлается дурно; стоитъ вамъ привязать тутъ лошадь, она вырветъ колышекъ, вколоченный вами, и безъ чувствъ повалится на землю. Чего же ждать отъ такого мѣста? Развѣ Даулутъ Бегъ не умеръ здѣсь?»

У ярандцевъ есть обыкновеніе обозначать самыя дикія мѣстности занимаемой ими страны именами знатныхъ лицъ, погибшихъ въ этихъ мѣстахъ. Такъ напримѣръ кромѣ Даулутъ-Бегъ-Ульди мы встрѣчаемъ Рахманъ Ульди, Маріанъ Ульди, Куланъ Ульди и другіе.

Даулутъ Бегъ, давшій имя свое этому мѣсту, былъ Султанъ Саидъ Ханъ пріобрѣтшій почетный титулъ Газы.

Изъ интересной и чрезвычайно достовѣрной лѣтописи исторіи Кашгарскаго Моголь Хана, я извлекаю слѣдующее краткое извѣ-

стіе объ этомъ Султанѣ Саидѣ, который, пройдя Сакрійскіе или Сазерскіе ледники, былъ на возвратномъ пути, перенесенъ въ бѣдственномъ положеніи черезъ Даисангскую долину и умеръ на мѣстѣ, названномъ царскимъ титуломъ Муголь Хапа. Этотъ титулъ, который и теперь еще носить настоящій кипчакскій, правитель страны, нынѣ взмѣненъ подъ персидскимъ вліяніемъ въ титулъ Бедолата. Исторія этого мѣста не лишена для насъ интереса уже потому, что на возвратномъ пути здѣсь погибъ одинъ изъ новѣйшихъ европейскихъ ученыхъ. Докторъ Ф. Столичка, переходя по Даисангской долинѣ, не перенесъ вліянія высокаго мѣста, и въ Мурғхи, на самомъ высокомъ пунктѣ, слишкомъ рано кончилъ жизнь, поднудя неощененныхъ трудовъ на поприщѣ естественной исторіи и геологіи.

Когда Вансъ Ханъ былъ убитъ гдѣ-то около Иссыкъ Куля, на верховьяхъ рѣки Чуи, во время дѣйствія противъ войскъ Мирзы Улухъ Бега самаркандскаго, онъ оставилъ послѣ себя двухъ малолѣтнихъ сыновей, по имени Юнусъ и Эшанъ Богкха. Они тотчасъ же сдѣлались непримиримыми соперниками на тронъ подъ вліяніемъ двухъ противныхъ партій дворянъ. Лица, принявшія сторону двѣнадцатилѣтняго Юнуса, увезли его къ Улухъ Бегу, чтобы пріобрѣсти его милость, но тотъ послалъ молодого могольскаго принца, къ своему отцу Шахъ Руку въ Хератъ, гдѣ онъ былъ отданъ подъ надзоръ извѣстному ученому того времени—нѣкоему Шарифуддину Али Язди—чтобы получить образованіе. Онъ оставался тамъ двѣнадцать лѣтъ до смерти своего опекуна, и потомъ отправился жить въ Ширазъ въ Персію, гдѣ и пробылъ до призыва его на родину, еще черезъ двѣнадцать лѣтъ.

Эшанъ Богкха, между тѣмъ, послѣ долгой анархіи, наконецъ былъ изгнанъ къ киргизамъ и калмыкамъ на сѣверо-восточныя окраины страны. Во время правленія его въ Кангарѣ, онъ постоянно дѣлалъ набѣги на Ташкентскую и Ферганскую территорію, такъ что Абу Саидъ Мирза вызвалъ Юнуса изъ ссылки и назначилъ его управлять государствомъ вмѣсто брата, съ цѣлью водворить порядокъ.

Юнусъ нашель въ странѣ многихъ соперничавшихъ между собою правителей, съ которыми онъ въ первое время не могъ сладить. Послѣ нѣсколькихъ стычекъ, однако, ему наконецъ удалось водвориться въ Ташкентѣ подъ покровительствомъ Самарканда, но съ весьма сом-

нительнымъ значеніемъ въ Кашгарѣ, находившемся въ рукахъ нѣсколькихъ соперничавшихъ между собою правителей.

По смерти своей Юнусъ оставилъ двухъ сыновей, по имени Махмудъ и Ахмедъ. Махмудъ наследовалъ отцу своему въ Ташкентѣ, гдѣ онъ выросъ при его дворѣ, а Ахмедъ, отдѣлившись отъ отца, поселился на берегахъ Иссыкъ-Куля предводителемъ кочующихъ киргизовъ, и своею безпощадною кровожадностью приобрѣлъ историческое прозваніе «Убийцы».

Онъ сдѣлалъ неудачную попытку отнять Ирвандъ отъ Абабакара, и потомъ отправился въ Ташкентъ, на помощь Махмуду сильно тѣснимому узбеками подъ начальствомъ Шахибега Хана или Шайбана. Но оба брата были разбиты и Ахмедъ, отступивъ къ Аксу, умеръ тамъ въ ту же зиму 1453—54 года, а Махмудъ отправился въ степи, надѣясь спасти кочевую орду. Тамъ онъ былъ побѣжденъ и, послѣ пяти лѣтъ перемѣннаго счастья вернулся съ своимъ семействомъ въ Ташкентъ просить покровительства Шайбана. Но Шайбанъ, считая его причиною всего бѣдствія, казнилъ его и все его семейство, утопивъ всѣхъ въ рѣкѣ.

Ахмедъ оставилъ семнадцать сыновей, изъ которыхъ Мансуръ былъ старшимъ, и вмѣстѣ съ Саидомъ, Кхалиломъ, Айманомъ и Бабаякомъ сильно вліялъ на событія страны, тогда какъ Чинъ Тимуръ, Босунъ Тимуръ, и Токхта Бова и другіе сыновья отправились къ Бабуру въ Индію и навсегда исчезли изъ своей родины.

Таково предисловіе къ исторіи жизни Султана Саида. Четырнадцать лѣтъ онъ сопровождалъ отца, когда тотъ ходилъ на помощь къ Махмуду. Въ битвѣ онъ былъ раненъ въ бедро и взятъ въ плѣнъ въ Акхеи; но на слѣдующій годъ былъ освобожденъ и увезенъ Шахибегомъ въ Самаркандъ, какъ дворянинъ служащій при его дворѣ. Вскорѣ послѣ того, когда начальникъ узбековъ двинулся войною противъ Хивы, Саидъ бѣжалъ въ Муголистанъ и соединился съ своимъ дядей Махмудомъ, бывшимъ тогда въ Ятакандѣ. Отсюда ему удалось соединиться съ своимъ братомъ Кхалиломъ, правившимъ кочевыми киргизами, и онъ пробылъ съ нимъ четыре года. Въ этотъ періодъ времени Махмудъ съ одной стороны, а Мансуръ съ другой спорили изъ за власти въ степяхъ съ другими двумя братьями. Наконецъ Махмудъ бросилъ игру, и отправился въ Ташкентъ гдѣ подвергся вышеупомянутой участи. Мансуръ же, найдя поле свободнымъ, изгналъ младшихъ братьевъ изъ страны и пово-

рилъ киргизовъ своему владычеству, перенесъ главный лагерь ихъ въ Ялишъ и Турфанъ.

Тутъ Калиль и Саидъ отправились по слѣдамъ своего дяди, но прибыли въ Акхеи только для того, чтобы услышать о его смерти, и самимъ попасть въ плѣнъ. Калиль былъ казненъ Яни Бегомъ, дядею Шахибега, за попытку бѣжать. Вслѣдъ за этимъ Яни Бегъ былъ сброшенъ съ лошади и повредилъ себѣ голову. Въ эту минуту къ нему былъ приведенъ Саидъ, и онъ даровалъ ему свободу.

Саидъ тотчасъ же собралъ своихъ немногихъ приверженцевъ, дервишей, ученыхъ и купцовъ, и выступилъ съ ними изъ Андижана черезъ горы въ Каратегинъ и Бадакшанъ, гдѣ онъ просилъ пріюта въ маленькомъ фортѣ Зафаръ около теперешняго Папья, и былъ принятъ на столько гостепрѣмно, на сколько могъ его принять владѣтель форта Мирза Ханъ. Такъ какъ съ запада онъ былъ лишенъ плодородныхъ долинъ узбеками, съ востока въ горахъ тѣснясь Абабакаромъ, то теперь онъ велъ одинокую жизнь среди мѣстныхъ еретическихъ шитовъ, борясь изъ за простыхъ потребностей жизни.

Послѣ остановки на восемь или десять дней, Саидъ и его пятнадцать товарищей выѣхали въ самомъ жалкомъ положеніи, — имѣя только по одѣялу, чтобы прикрыться, — въ Кабуль, гдѣ по прибытіи были хорошо приняты и взяты на службу къ Бабуру. Тутъ онъ остался три года и по смерти Шахибега въ Мервѣ во время войны противъ шаха Измаила персидскаго, онъ сопровождалъ Бабура, пытавшагося спасти Самаркандъ.

Лишь только Бабуръ взялъ Кундузъ, онъ послалъ Саида съ нѣсколькими другими дворянами спасать Фергану, которая послѣ паденія Шахибега была взята Саидомъ Мухамедомъ Ханомъ, губернаторомъ, назначеннымъ Юнусомъ. По прибытіи туда въ 1510-мъ году онъ отнялъ власть отъ Саида Мухамеда. Послѣ пораженія и бѣгства Бабура изъ Самарканда, Саидъ все еще держался въ Ферганѣ, а весною слѣдующаго года выступилъ, чтобы посѣтить Казимъ Хапа (сына Яни Бега), начальника кочующихъ киргизовъ, съ цѣлью заключить съ нимъ союзъ. Но попытка его была неудачна, и, воспользовавшись только позволеніемъ *in cunctis* свободнаго кочевья по своимъ роднымъ степямъ, онъ вернулся въ Фергану выжидать событій. Въ это время, онъ отразилъ попытку Абабагара присоединить провинцію къ своимъ владѣніямъ. А когда черезъ два года возвратились узбеки и Ташкентъ попалъ во власть ихъ орды,

Саидъ выѣхалъ изъ Ферганы въ Муголистанъ, и въ то время какъ узбеки подъ предводительствомъ Суюнуба опустошали Андижанъ, онъ сдѣлалъ набѣгъ на Кашгаръ, гдѣ Абабакаръ не былъ любимъ за свой страшный деспотизмъ.

Саидъ изгналъ Абабакара изъ страны, и послѣ трехмѣсячнаго похода вступилъ на престолъ Ярканда въ 1513 г. Слѣдующей зимой онъ встрѣтилъ брата своего Мансура въ Аксу и, признавъ права его первородства, согласился раздѣлить съ нимъ страну, вслѣдствіе чего Мансуръ правилъ восточной половиной отъ Аксу до Кхамила или Камола, а Саидъ—западной половиной до Андижана.

На слѣдующую зиму Саидъ хотѣлъ попытаться овладѣть Андижаномъ, но, прибывъ на границу и найдя, что задача эта не подь силу его войску, онъ измѣнилъ свое намѣреніе, и ограничился охотою у истоковъ Нарына, а лѣтомъ вернулся къ себѣ въ столицу. Вслѣдъ за этимъ онъ обратилъ взоры на южную границу, и отправился въ походъ, чтобы обратить въ исламъ уйгуровъ занимавшихъ страну между Хотаномъ и Кхитою. Но его невоздержность разрушила всѣ его благочестивыя намѣренія, и онъ былъ привезенъ обратно изъ Хотана въ безмысленномъ пьяномъ состояніи, а войско его бродило по странѣ язычниковъ цѣлые два мѣсяца, не встрѣтивъ ни одного жителя.

Послѣ того, въ 1518 г. онъ пошелъ походомъ въ Бадакшанъ, чтобы поддержать власть своего губернатора, котораго онъ послалъ править этой страной, какъ частью владѣній, завоеванныхъ имъ отъ Абабакара. Вернувшись оттуда лѣтомъ слѣдующаго года, онъ отправился въ Аксу на встрѣчу своему брату Мансуру, чтобы привести страну въ порядокъ послѣ разоренія, какому она подверглась вслѣдствіе грабежей Абабакара. При этомъ онъ назначилъ Мансура губернаторомъ.

Въ 1523 г. онъ снова отправился походомъ въ Бадакшанъ, чтобы отнять страну отъ возвратившихся узбековъ, и найдя ее уже занятою однимъ изъ сыновей Бабуръ, замкнувшаго за собою всѣ проходы, онъ остался тамъ зимовать, а весною вернулся домой, присоединивъ «на вѣки» восточную половину страны къ Кашгару.

Тогда Саидъ вернулся въ Кашгаръ чтобы отдохнуть отъ трудовъ своихъ и въ этотъ промежутокъ, въ 1527 г., послалъ Рапида и Хидара на *казу* противъ *кафиристанъ* Болора между Бадакшаномъ и Каширомъ. Войска повидимому нашли, что дикіе невѣрные

были гораздо сильнѣе ихъ и возвратились ничего не достигнувъ. Мирва Хидаръ сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о ихъ обычаяхъ и страшѣ, вынесенныя имъ изъ этого похода.

Возвратясь изъ этой экспедиціи, Рашидъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Аксу, а шесть мѣсяцевъ спустя Саидъ отправился въ походъ противъ Тибета, о чемъ я прежде уже упоминалъ.

Его біографъ (Хидаръ) говоритъ, что онъ былъ кроткій и справедливый князь, и въ послѣдніе годы своего царствованія велъ строго благочестивую жизнь.

Изъ Даулатъ Бегъ Ульди мы прошли въ Брангтза, отстоящую на двадцать двѣ мили. Дорога идетъ къ сѣверо-западу вверхъ по теченію рѣки, у которой мы остановились, и тянется вдоль подножія Каракорумскаго хребта, по песчаной почвѣ до прохода, куда мы пришли часа въ три. Подъемъ очень хорошъ за исключеніемъ самаго прохода, гдѣ онъ вдругъ становится крутымъ по обѣ стороны. У подножія прохода по сю сторону находится источникъ, текущій поперегъ долины, между двумя притоками Шайока — восточнымъ, орошающимъ равнину Даулатъ Бегъ, и западнымъ, соединяющимъ два ледника, пройденные нами наканунѣ, по выходѣ изъ Гіантана.

Высота прохода доходить до 18,300 футовъ, и сильно вліяла на нашихъ людей и лошадей. Многіе изъ людей свалились съ лошадей отъ головокруженія, а нѣкоторые даже попадали въ обморокъ. Мой слуга былъ въ обморокъ три раза, а госпитальнаго прислужника привезли въ безчувственномъ состояніи; но всѣ оправились, спустившись на болѣе низкое мѣсто по другую сторону прохода. Двѣ изъ нашихъ вьючныхъ лошадей околѣли во время перехода, а двѣ другія вскорѣ по прибытіи въ лагерь. Прежде чѣмъ выйти изъ Леха, весь грузъ былъ свѣшанъ и раздѣленъ на равныя части, по 160 фунтовъ на каждое животное; этотъ вѣсъ былъ благо-разумно назначенъ предѣломъ груза; верховые же ѣхали на другихъ лошадяхъ.

Даже при такомъ легкомъ грузѣ наши пантыя лошади медленно двигались и скоро уставали; мулы же, хотя и шли не навьюченные, но сильно страдали отъ холода и возвышенности мѣста. Моя собственная лошадь, сильный кабульскій клеперъ, хотя шла, не будучи повязана, но выражала знаки сильнаго безпокойства. Все тѣло ея тряслось подо мной отъ сильнаго біенія сердца, и она такъ

спаталась из стороны въ сторону, что близъ самой вершины я долженъ былъ сойти изъ боязни, чтобы она не упала и не убила меня.

По другую сторону прохода мы спустились по рыхлому высыхающему рву, такому же какъ на южной сторонѣ, и остановились на станціи Брапгтза—гучка каменныхъ оградъ и хижинъ, находящихся по другую сторону Сазерскаго прохода. Земля вездѣ была покрыта скелетами животныхъ и брошеннымъ грузомъ, а далѣе по дорогѣ намъ попались два человѣческіе трупа. Голова одного изъ нихъ была принесена мнѣ, но я нашелъ, что она слишкомъ свѣжа, чтобы сохранять ее.

Каракорумскій хребетъ можно назвать здѣсь настоящимъ водо-раздѣломъ между притоками Тарима на сѣверѣ и Инда на югѣ; съ него спускаются на плоскія открытыя равнины одинаково возвышенныя и воюльнѣ безплодныя.

Палатки наши прибыли только къ 6 часамъ и были поставлены нашими неопѣненными бготами—носильщиками во время сильнаго снѣга, который началъ падать вскорѣ послѣ нашего прихода.

На слѣдующій день мы пришли въ Актагъ, оставивъ за собою двадцать пять миль. Дорога спускается по широкому ложу рѣки Актагъ, боковому притоку, или лучше сказать, одному изъ истоковъ рѣки Ярландъ. Она омываетъ долину между двумя горными хребтами, а въ Актагѣ, небольшой станціи у подножія горы изъ бѣлой глины, сливается въ одинъ потокъ.

Въ 9 часовъ утра, когда пересталъ снѣгъ, мы отправились далѣе и нашли, что всѣ первобытности страны, всѣ нагорныя долины, въ такомъ привлекательномъ видѣ показавшіеся намъ на обратномъ пути, были совершенно закрыты подъ ярко блестящимъ слоемъ только что выпавшаго снѣга. На половинѣ дороги мы остановились завтракать на станціи Вахабилга, гдѣ были приготовлены для насъ припасы на тотъ случай, если бы мы тутъ остались. Но вслѣдствіе суровой погоды было рѣшено идти далѣе и какъ можно скорѣе выйти изъ этой негостепримной мѣстности, такъ что, пока мы отдыхали подъ кровлей станціи, обнесенной стѣною, вещи наши уже были отправлены далѣе на слѣдующую станцію.

Въ Вахабилгѣ рѣка идетъ по узкому ущелью въ сланцевыхъ утесахъ и потомъ снова течетъ по широкому мелкому руслу какъ и до ущелья. Тутъ мы нашли много «чернорогихъ жаворонковъ» отыскивающихъ пріютъ въ стѣнахъ, и снугнуди зайца, спрятавшя-

гося за однимъ изъ безчисленныхъ камней; нѣсколько далѣе, м-ръ Джонсонъ застрѣлилъ антилопу, прогуливавшуюся около нашей колонны.

Близъ слѣдующей станціи мы были встрѣчены нашими товарищами изъ опередившей насъ партіи, прибывшей сюда, чтобы соединиться съ посланникомъ. Капитанъ Биддельфъ изъ этой партіи отправился изслѣдовать истоки рѣки Каракашъ, прежде чѣмъ соединиться съ нами въ Шахидуллѣ.

Капитанъ Троттеръ и докторъ Столичка такъ измѣнились въ своихъ дорожныхъ одѣялахъ, что мы съ перваго взгляда не могли ихъ узнать, а такъ какъ мы еще не ждали ихъ, то затруднились угадать, кто такіе могли быть два всадника, показавшіеся изъ за скалистаго берега, и такъ смѣло скакавшіе къ намъ, пока голоса ихъ, кричавшіе намъ привѣтствія, не заставили насъ ихъ узнать. Это приключеніе послужило поводомъ къ сринагарскимъ сплетнямъ, что будто бы на этомъ самомъ мѣстѣ на насъ напали канджудскіе бандиты, которые потребовали отъ насъ выкупъ въ такую сумму, на какую можно было бы купить всю ихъ страну.

Нашъ нарядъ должно быть показался не менѣе страннымъ нашимъ пріятелямъ, иначе они не обратились бы къ нашему сержанту съ вопросомъ на индусскомъ языкѣ, на что тотъ отвѣтилъ: «я не туземецъ, сэръ; всѣ туземцы ѣдутъ дальше».

Насъ радостно встрѣтили, и мы въ свою очередь были рады, что достойный товарищъ нашъ и другъ, впоследствии оплакиваемый, оправился отъ своихъ страшныхъ страданій на Дансангскихъ высотахъ. Мы сравнили наши замѣтки и поздравили другъ друга съ бодрымъ видомъ и румянцемъ на щекахъ; неестественно свѣжій цвѣтъ лица, смѣшанный съ темнымъ отливомъ, вовсе не похожій на здоровый румянецъ, былъ мнѣ совершенно понятенъ и ясно говорилъ о вліяніи холода и рѣдкаго воздуха. Высота въ Актахъ равнялась 14,450 футамъ, а минимумъ термометра помѣщеннаго на открытомъ воздухѣ, показывалъ, какъ сообщилъ мнѣ капитанъ Троттеръ, температуру въ 24° по Ф. ниже нуля, или 56 градусовъ мороза. А другой минимумъ термометра, поставленнаго подъ крышей въ палаткѣ, показывалъ въ ночь нашего прибытія, 9, а на слѣдующую ночь 15° по Ф. ниже нуля.

Въ этомъ мѣстѣ, въ то время какъ мы стояли у костра, у ногъ появился барахтавшійся полевой коростель, пытавшійся доскакать

до горячей золы, жаръ отъ которой вызвалъ его изъ подъ сосѣднихъ камней. Несчастный маленькій путешественникъ, пойманный докторомъ Столичкой у самаго края огня, и спасенный отъ самоубійства въ этой пустынѣ, вмѣстѣ съ другими экземплярами естественно-исторической коллекціи нашего посольства украсили полки Калькутскаго музея.

Мы на одинъ день остановились въ Актахъ съ небольшимъ отрядомъ, намѣреваясь двѣ слѣдующія станціи проѣхать безъ остановки, въ то время какъ багажъ нашъ и главный лагерь двигался обыкновеннымъ шагомъ. Предсказанные канджуды вопреки сринагарскимъ сплетнямъ, не только не беспокоили насъ, но объ нихъ даже нигдѣ не было слышно въ окрестностяхъ. На слѣдующій день мы продолжали путь нашъ и нашли смѣнныхъ лошадей въ лагерѣ Чибра, куда утромъ прибылъ нашъ багажъ, оставивъ на дорогѣ нѣсколько заболѣвшихъ лошадей. Мы остановились тутъ завтракать на небольшой каменистой площадкѣ, неровная поверхность которой была въ изобиліи покрыта скелетами и трупами.

Высота тутъ доходить до 16,610 футовъ, и мѣсто это — одно изъ самыхъ негостепримныхъ среди громадной пустынной равнины. Весь путь изъ Актаха отмѣченъ на каждомъ шагу остатками павшихъ лошадей, и вслѣдствіе холода и *дама*, его можно было назвать нашимъ самымъ утомительнымъ путемъ. Я благословлялъ здравый смыслъ нашего посланника, спасаго насъ отъ бѣдственной ночи въ этомъ несчастномъ мѣстѣ.

Пройдя немного за Чибру мы снова вступили въ снѣгъ — оставили мы его за собою на полъ пути между Вахабилга и Актахомъ — и пройдя довольно отлогій ровъ, легко поднялись къ хребту Сугать Давана или «Ивоваго прохода» хотя тутъ нѣтъ ни кустага ивы на цѣлую милю кругомъ. Высота на этомъ проходѣ равняется 17,500 футамъ. По дорогѣ я нашелъ бекаса на снѣгу, а во рву по другую сторону другаго; они замерзли какъ каменные въ сидачемъ положеніи и замерзшая въ глазахъ влага походила на жемчугъ. Спускъ былъ крутой и шелъ сначала по глубокому снѣгу, а потомъ по обломкамъ аспида, въ ущелье, извищающееся между скалами изъ горнаго шифера. Отсюда проходъ шелъ чрезъ высокія гранитныя вады, и, пересѣкая откосъ горы изъ сланца пенельно-сѣраго цвѣта, приводилъ къ берегу рѣки Сугать, гдѣ мы стали лагеремъ въ

ивовыхъ кустарникахъ миль на тридцать выше соединенія рѣки Сугать съ рѣкою Карагалъ.

Тутъ одно смѣшное обстоятельство въ первый разъ познакомило меня съ нашими арабскими союзниками, которыхъ мы узнали такъ хорошо во время пребыванія нашего въ странѣ. Я замѣшкался въ проходѣ съ своими инструментами и отсталъ отъ отряда мили на три. Въ потьмахъ я сбился съ дороги и попалъ между валунами рѣки. Лошадь моя споткнулась объ одинъ изъ нихъ и носомъ ударилась о другой, такъ что я сошелъ съ нее и груму своему приказалъ сдѣлать тоже самое, и идти пѣшкомъ.

Между тѣмъ я сдѣлалъ нѣсколько выстрѣловъ одинъ за другимъ, чтобы вызвать отвѣтные выстрѣлы изъ лагеря, но все было бесполезно, вслѣдствіе страшнаго шума потока. Наконецъ посланный мой вернулся, не найдя дороги, и объявилъ, что видѣлъ лагерный огонь не много далѣе по рѣкѣ. Мы тотчасъ же отправились туда, и послѣ весьма медленнаго пути между валунами очутились рядомъ съ нимъ по другую сторону рѣки. Бѣлые круглые валуны то блестяще обманчивымъ блескомъ въ окружающей темнотѣ, то казались совершенно подъ ногами, и даже ниже въ ямѣ въ два, въ три фута, то опять виднѣлись точно вдаль, или же вдругъ являлись у самаго подбородка. Мелькавшее пламя освѣщало висѣвшую надъ нимъ скалу, но не было видно ни палатки, ни человѣка, и всѣ мои выстрѣлы не вызвали отвѣта. Такимъ образомъ мы опять двинулись по утомительному пути, спотыкаясь то тамъ, то сямъ пока наконецъ не добрались до луговаго берега. По этому берегу мы отыскали дорогу и весело пошли между камышами и кустарникомъ, какъ неожиданно четыре всадника показались впереди и быстро подъѣхали къ намъ въ узкомъ проходѣ.

«Не видѣли ли вы нашего лагеря, тамъ впереди? И туда ли ведетъ эта дорога?» спросилъ я по индусски, въ надеждѣ, что это кто нибудь изъ нашего отряда, посланные отыскивать затерявшійся багажъ. Въ отвѣтъ мнѣ они что то быстро всѣмъ заразъ пробормотали по тюрески. Изъ этого отвѣта я не понималъ ничего, но только поймалъ слова «Докторъ сахибъ» и тотчасъ же отвѣтилъ «я и есть докторъ сахибъ; покажите мнѣ дорогу въ лагерь».

Они стали держать между собою совѣтъ, который я прерывалъ и по индусски, и по персидски увѣряя ихъ въ томъ, что я и есть тотъ,

котораго они ищутъ, но все напрасно; они ударили своихъ лошадей и поѣхали, бормоча на какомъ то непонятномъ языкѣ.

Встрѣча съ этими незнакомцами ни на волосъ не полегчила мнѣ гдѣ находится нашъ лагерь, и я, видя, что они уѣзжаютъ отъ предмета своихъ поисковъ, собралъ все, что могъ припомнить по тюркски и прокричалъ имъ въ слѣдъ. Слова эти имѣли магическое дѣйствіе; наѣзники тотчасъ же вернулись, соскочили съ своихъ лошадей, подвели мнѣ лошадь, приведенную для меня, и извились, что не узнали меня въ темнотѣ.

Когда запасъ мой тюркскаго языка изсякъ, я снова принялся за персидскій, и нашелъ, что двое изъ нихъ хорошо его понимали, хотя моя смѣсь языковъ сначала совершенно спутала ихъ. Тутъ они достали фанель, чтобы освѣтить путь, но не могли зажечь его отъ своего трута, такъ что я помогъ имъ спичкой. Это заставило ихъ убѣдиться, что они нашли дѣйствительно, «Доктора сахиба», въ чемъ они сомнѣвались, видя на мнѣ тюрбанъ, и мы, сѣвъ на нашихъ лошадей, снова пустились въ путь. Дорогой я узналъ, что они прѣехали изъ Шахидулла, чтобы отъ имени Аталика Гази привѣтствовать посланника на яркандской территоріи, и послѣ засвидѣтельствованія своего почтенія по прибытіи въ лагерь, они были имъ посланы отыскивать меня. Подъ ихъ руководствомъ я скорѣ очутился въ столовой палаткѣ посреди нашего общества, гдѣ посланникъ согласно этикету представилъ меня юсбаши Зарифу и юсбаши Бахауддину. Ибрахимъ ханъ посланный впередъ изъ Индіи, соединился тутъ съ нашимъ отрядомъ, чтобы явиться посланнику и отдать ему отчетъ. Лагерь не снялся и на слѣдующей день (16-го октября), а затѣмъ на утро отправился въ Шахидулла, гдѣ капитанъ Троттеръ, докторъ Столичка и я догнали его 18-го октября вмѣстѣ съ капитаномъ Биддельфомъ, котораго встрѣтили въ Каракорумской долинкѣ. Вышина въ Шахидулла равняется 11,200 футамъ.

Нефритовыя копи у подножія Куэнлуньскаго хребта, образующаго здѣсь правый или сѣверный берегъ рѣки Караганъ, находятся миль на двѣнадцать отъ Шахидулла, выше по рѣкѣ. Ломки тянутся на нѣсколькихъ небольшихъ буграхъ или холмахъ, выступающихъ у подножія высокаго хребта гнейсовыхъ утесовъ, и всѣ производятся не шахтами. Бугры покрыты мелкими обломками камня, подъ которыми и скрываются скалистыя горы, содержащія драгоцѣнный минералъ, находимый въ видѣ жилъ различной толщины, цвѣта

и качества. Ломки видны по кучамъ выброшеннымъ около нихъ, и производятся самымъ первобытнымъ способомъ. Онѣ были брошены со времени низверженія китайскаго владычества надъ Кашгаромъ въ 1863 году.

Въ Баликчи мы наткнулись на стадо изъ шести *кианговъ* или *кулаковъ* (дикихъ лошадей), пасшихся на противоположномъ берегу рѣки, которую мы перешли съ тѣмъ, чтобы поймать ихъ, но онѣ убѣжали, прежде чѣмъ мы успѣли перейти. Въ Каракорумской долигѣ обиліе пастбищъ и кустарниковъ и естественная растительность походить на растительность Нубры, но эта долина не обработана, и населяется одними только кочевыми киргизами во времена удобныя для пастбищъ. Рѣки ея значительны, но по камнямъ ихъ можно перейти въ бродъ въ разныхъ мѣстахъ въ это время года.

ГЛАВА VI.

Посѣщеніе раки. — Отъѣздъ изъ Шахидулла. — Шуть внизъ по Карагашской долинѣ. — Рѣка Абабакара. — Приближеніе къ проходу Санджу. — Внезапная вьюга. — Паденіе лавины. — Прибытіе въ Санджу.

Посланникъ остановился на нѣсколько дней въ Шахидулла, ожидать прибытія Саидъ Якубъ Хана, который спѣшилъ съ своей свитой черезъ Кашмиръ, чтобы догнать насъ, такъ какъ для него было чрезвычайно важно, чтобы мы вѣхали въ страну вмѣстѣ съ ними.

Между тѣмъ два юзбаша и Мирза Якубъ, послѣдній исправлявшій должность *умара* или «коменданта» при дворѣ Аталыка Гхази, посланные сюда яргандскимъ дадехвахомъ, чтобы встрѣтить и привѣтствовать насъ, чрезвычайно любезно исполнили свою обязанность и выказали такое гостепримство, какое только можно было ожидать въ этой отдаленной и неваселенной мѣстности. Національное учрежденіе *дастурхванъ* или «подносъ церемоніи» (метафорически «скатерть», но только всегда посланная на землѣ) было конечно самымъ важнымъ выраженіемъ привѣтствія; присланные къ намъ туземцы всякій разъ передъ полдневною молитвою являлись въ палатку посланника съ ихъ атрибутами церемоніи и приглашали насъ раздѣлить приготовленное угощеніе.

Мы, съ своей стороны, цѣня дружеское вниманіе, отвѣчали имъ тою же любезностью, весьма естественною при восхитительномъ запахѣ дынь и пріятномъ видѣ ячменшаго сахара «возаки», съ русскими надписями на оберткѣ, не обращая даже вниманія на непривлекательность устарѣвшихъ подносовъ и плохо приготовленныхъ яствъ.

Передніе подносы были обыкновенные наши чайные подносы: своимъ испорченнымъ лакомъ и множествомъ царявья они свидѣтельствовали о продолжительной и тяжелой службѣ во время часто повторяемыхъ пріемовъ; на заднихъ же лежали фрукты и сласти, которые, судя по виду, были сильно попорчены, переходя попеременно изъ вьюка на подносъ, и изъ подноса въ вьюкъ, и не могли соблазнить даже голоднаго гостя. Того же вида были орѣхи и фисташки, грязныя грядныя ягоды черносливъ и изюмъ, и, какъ исключеніе, тутъ же лежалъ мелкій зеленый виноградъ безъ косточекъ и сладкій миндаль. Мало отличались свѣжестью и различныя сахарныя яства домашняго приготовленія — завитые «собачьи хвосты», ноздреватые «сахарные пузыри», миндаль въ сахарѣ и т. п., вынесшіа дальній путь для того, чтобы фигурировать здѣсь передъ нами, тогда какъ сахарныя конфекты стояли между ними въ хорошененькихъ деревянныхъ ящичкахъ, какъ бы гордятся своими русскими этикетками и надписями.

Вокругъ этихъ лакомствъ мы ежедневно садились на коверъ и, вмѣстѣ съ *бизмиллагомъ*, хвалили дыни, но къ прочимъ предложеннымъ яствамъ относились очень осторожно, пока наконецъ *аллахъ акбаръ* не освобождалъ насъ отъ риска разстроить желудки.

Разговаривая съ туземцами во время этихъ ежедневныхъ пріемовъ, мы убѣдились, что наши андижанскіе и коканскіе хозяева совершенно не знали своей страны, и менѣе насъ были знакомы съ ея топографіей и населеніемъ. А смѣлость, съ какою они ѣздятъ въ одиночку, вдвоемъ или втроемъ по ней, доказываетъ, что они крѣпко владѣютъ ею, и что имя ихъ государя внушаетъ необыкновенный страхъ на тихое и беззащитное сельское населеніе.

Шахидулла Кхойя, которая и дала свое названіе мѣстности, есть священная могила на вершинѣ обрыва, спускающагося въ узкій бассейнъ, образуемый соединеніемъ рѣкъ Сугать и Киргизъ — съ рѣкою Каракашъ у того мѣста, гдѣ она огибааетъ западный конецъ Куэнлунскаго хребта. Это ничто иное, какъ куча камней и роговъ дикихъ барановъ и антилопъ, сложенныхъ надъ могилою какого нибудь бѣглаго Кхойя изъ Аркада, убитаго китайскими войсками во время покоренія ими страны, около ста лѣтъ тому назадъ. Хотя имя его неизвѣстно, но память о немъ почитается мѣстными кочующими киргизами.

Мусульманскіе путешественники, проѣзжая по этой дорогѣ, под-

нимаются на вершину обрыва, чтобы прочесть молитву надъ могилой и попросить безъмяннаго мученика — исходатайствовать покровительство Бога на ихъ дальнѣйшій путь. Видъ этой могилы, совершенно похожей на могилы ихъ родины, привелъ въ такой восторгъ нашихъ проводниковъ, не видавшихъ столь близкаго сердцу ихъ предмета, съ тѣхъ поръ, какъ они оставили родину свою на границѣ Пешавара, что всѣ они подпрыгнули, чтобы совершить свой *зиаратъ*, вовсе не вѣдая о комъ они молятся, или какимъ образомъ похороненный Кхоія освятилъ это пустынное мѣсто въ горахъ своей мученическою кровью. Имъ было достаточно знать, что указанное мѣсто хранить бранные остатки «жертвы за вѣру», и они, не задумываясь, шли исполнить свой благочестивый долгъ.

На каменистомъ берегу подъ этимъ обрывомъ находится небольшой фортъ, названный тѣмъ же именемъ и сооруженный для защиты мѣстности отъ набѣговъ Ладакскимъ визиремъ Кашмирскаго хана во время безпорядковъ, раздиравшихъ Кашгаръ. Послѣ сверженія тамъ китайскаго владычества, фортъ этотъ былъ занятъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ небольшимъ отрядомъ кашмирскихъ войскъ, когда наконецъ, послѣ водворенія Аталыка Гразы, онъ былъ покинутъ и занятъ новыми правителями страны. Теперь въ немъ помѣщается гарнизонъ человекъ въ двадцать пять для охраны дороги, для надзора за сосѣдними киргизами и для перевозки продовольствія изъ Санджу

На этой границѣ Кашгара считается около трехсотъ киргизовъ, разбѣянныхъ въ различныхъ ущельяхъ и ложбинахъ, между рѣкою Капіарою съ запада и р. Саригхіарою съ востока. Они имѣютъ нѣсколько верблюдовъ и лошадей, но главное ихъ богатство заключается въ якахъ или *кутасахъ*, какъ они ихъ называютъ, которыхъ они употребляютъ для перевозки каравановъ по проходамъ Санджу даванъ, Килянъ даванъ и Джанги даванъ, болѣе или менѣе недоступнымъ для обыкновенныхъ лошадей.

Мы посмотрѣлись на этихъ свободныхъ и независимыхъ гражданъ въ продолженіи пребыванія нашего въ Шахидулла, и тутъ въ первый разъ получили понятіе о ихъ *акоэ* или «бѣломъ домѣ» — кибиткахъ вовсе не того цвѣта, какъ обозначаетъ ихъ названіе. Это такія переломанная и изношенная кибитки, какія только можно было ожидать въ такомъ суровомъ мѣстѣ и въ такое время года. Жители и насъ снабжали провизіей сколько намъ требовалось, но повсюду замѣтна была крайняя бѣдность страны; и если мы все время пути нашего

не нуждались въ продовольствіи, то очевидно, что для доставки его кашмирскія власти принимали невѣроятныя усилія. Во время нашего пути мы уже слышали о восьми стахъ вьючныхъ лошадяхъ, ожидавшихъ насъ въ Шахидулла, и о важныхъ сановникахъ, которые придутъ для встрѣчи насъ съ разными роскошными подарками. Ожиданія наши превзошли дѣйствительность, хотя пріемъ, не смотря на простоту свою, былъ тѣмъ не менѣе дружественный и мы съумѣли оцѣнить его.

21-го октября. Вслѣдствіе скудости провизіи, часть нашего отряда, подъ начальствомъ полковника Гордона, въ сопровожденіи капитановъ Видделфа и Троттера и доктора Столичка, отправилась въ Санджу подъ предводительствомъ юзбашей Бахауддина и Рази Баи, начальниковъ здѣшнихъ киргизовъ; а на слѣдующій день, прибыть въ лагерь съ множествомъ лошадей Мухамедъ Амнйя, одинъ изъ служителей Саидъ Якубъ хана, сопровождавшихъ его въ Индію, и возвратившійся оттуда въ Кашгаръ въ теченіи лѣта. Онъ подтвердилъ свѣдѣніе, полученное нами еще ранѣе, о устройствѣ помѣщенія подъ квартиры посольства, какъ въ Каргалыкѣ, такъ и въ Яргандѣ.

Въ концѣ слѣдующаго дня самъ Саидъ Якубъ ханъ — или Хаджи Тора, какъ называетъ его народъ — прибылъ въ лагерь и былъ принятъ посланникомъ, въ свитѣ котораго находился капитанъ Чазиманъ. Въ этотъ вечеръ онъ обѣдалъ съ нами, и былъ помѣщенъ въ одну изъ нашихъ палатокъ, такъ какъ его палатка еще не прибыла. Это довольно образованный уроженецъ Ташкента, который во время четырехлѣтняго пребыванія своего въ столицѣ Турціи приобрѣлъ болѣе широкіе взгляды на цивилизацію Европы, чѣмъ какими обладаетъ большинство его соотечественниковъ въ центральной Азіи; кромѣ того, изыятый повидимому отъ предрасудковъ, онъ рѣзко отличался отъ своихъ сородичей и единовѣрцевъ.

Онъ выѣхалъ изъ Константинополя 14-го августа черезъ Египетъ, Бомбей, Лагоръ и Мюри, и проѣхалъ это растояніе до границы своей родины въ семьдесятъ дней, включая и остановки. Онъ самъ удивлялся, что могъ совершить такой подвигъ, посредствомъ способовъ передвиженія, принятыхъ въ цивилизованныхъ странахъ, и съ благодарностью рассказываетъ о любезности британскаго правительства, объ услугахъ кашмирскаго и о вниманіи капитана Моллоя, сопровождавшаго его до Нубры для того, чтобы ускорить переѣздъ его

через горы. Затѣмъ онъ крайне сожалѣлъ о бѣдности и варварствѣ страны, по которой ему придется сопровождать насъ, и просилъ насъ терпѣливо отнестись къ всѣмъ неудобствамъ, какія мы встрѣтимъ на пути.

Онъ сдѣлалъ намъ нѣсколько полезныхъ указаній, которыя посланникъ тотчасъ же принялъ къ свѣдѣнiю, и которыя принесли громаднѣйшую пользу нашему отряду и послужили къ чести британскаго имени. Въ свитѣ его было нѣсколько европейскихъ турокъ, въ томъ числѣ, четыре офицера военной службы и одинъ гражданскій чиновникъ.

На слѣдующее утро, 24 октября, мы распрощались съ нашими добрыми друзьями м-ромъ У. Джонсономъ, губернаторомъ Ладаба и Мехтомъ Шеръ Сингомъ, губернаторомъ Исламабада, посланными магараджей проводить отрядъ нашъ до границы. Какъ они исполнили свое порученiе, мы расскажемъ это на слѣдующихъ страницахъ, а какъ оцѣнило ихъ услуги индiйское правительство, предоставляемъ имъ самимъ судить о томъ. Намъ остается только искренно благодарить за оказанныя намъ услуги и за постоянныя попеченiя, облегчавшия намъ путь черезъ высочайшия и самыя неудобовходимыя горы въ мiрѣ, и за то, что они даже въ пустынѣ исполнили наши малѣйшия желанiя. Здѣсь же мы расстались съ частью отряда ботскихъ кули, которые, услужливымъ исполненiемъ своихъ обязанностей и кротостью, сдѣлались почти товарищами нашихъ спутниковъ. Изъ всего отряда мы оставили человекъ сорокъ или пятьдесятъ, чтобы помочь спуститься намъ на ту сторону долины. До сихъ поръ мы берегли нашъ обозъ, а теперь онъ былъ употребленъ въ дѣло въ такомъ хорошемъ состоянiи, каковаго нельзя было бы ожидать если бы мулы и погоныщики не несли тяжести на всемъ пути отъ Леха.

Чтобы дать понятiе о томъ, каковаго рода была помощь кашмирскихъ властей при переѣздѣ нашего посольства отъ Мюри до Шахидулла, я упомяну здѣсь только число лошадей и носильщиковъ, выставленныхъ для насъ мѣстными властями. Всего было выставлено 1621 лошадей и упряжныхъ быковъ и 6,476 кули, изъ которыхъ 1236 было вѣрныхъ носильщиковъ. Эти люди и лошади, разставленные на различныхъ станціяхъ, стояли тутъ два мѣсяца, ожидая прибытiя изъ Мюри и проѣзда Хаджи Тора и его свиты. Круглымъ числомъ на каждую станцію отъ Мюри до Сринагара полагалось по

сорока двѣ лошади и по девяносто два человѣка, отъ Сринагара до Леха по 54 лошади и 324 человѣка, до Мюри по 135 и 140 и до Шахидулла по 145 и 140.

Нашъ отрядъ шель впереди. Мы выступали изъ Шахидулла не задолго до полудня вмѣстѣ съ Хаджи Тора и его свитой, и къ вечеру прошли четырнадцать миль до Пилатагахъ. Дорога шла вдоль рѣки Каракашъ по узкому, извилистому ущелью, имѣющему шероховатое и каменистое дно, и черезъ пѣлый рядъ овраговъ, прерывающихъ лѣвый берегъ, поросшій мелкими кустами.

Здѣсь мы убѣдились, что ни кашмирскіе, ни бготскіе куды не ходятъ этою дорогою и не поддерживаютъ ее, такъ какъ, по прибытіи въ лагерь, нашимъ кузнецамъ пришлось почти всѣмъ лошадямъ поставить новыя подковы, вмѣсто потерянныхъ по дорогѣ. Въ теченіи трехъ часовъ мы переправлялись черезъ Тохра Су, называемую то же «Прямую Рѣкою», и текущую влѣво отъ дороги. Лѣтомъ переходъ этотъ вообще очень труденъ, вслѣдствіе массы воды, скатывающейся съ находящихся на верху снѣговъ, иногда же путь этотъ вовсе непроходимъ. Тутъ есть другая дорога вверхъ по рѣкѣ близъ прохода Буликъ, лежащаго на разстояніи трехъ дней пути отсюда. По трудности его сравниваютъ съ перевалами Киліана и Сацджу на томъ же хребтѣ, и переправляются черезъ него на быкахъ, которыхъ доставляютъ сосѣдніе киргизы. По ту сторону проходъ соединяется съ дорогою отъ Киліана до Яркандъ.

Отойдя на часъ за Тохра-Су, мы пришли къ Корхану или «форту». Это—одинокая грязная хижина, обнесенная стѣнами съ бойницами и стоящая около дороги подъ прикрытіемъ обвалившагося утеса, близъ соединенія рѣки Киліанъ съ Каракашемъ, и на верху которой находятся слѣды древняго замка. По одну сторону дороги виднѣются поля, засѣянные хлѣбомъ. Нѣсколько далѣе мы перебрались черезъ Киліанъ - Су, спускающую слѣва въ глубокую ложбину, по которой идетъ лѣтній путь въ Яркандъ. Проходъ Киліанъ мы перешли на третій день, и по другую сторону его наткнулись на Китай-Тамъ—бывшій китайскій передовой постъ, находящійся въ началѣ долины, спускающейся къ Киліану. Въ немъ находится пятьдесятъ домовъ вакхи, которые первоначально пришли изъ Памира и Вохана и, какъ говорятъ, поселились тутъ сорокъ лѣтъ тому назадъ. Они мусульмане шиты, говорятъ на своемъ особенномъ нарѣчій и по персидски и не знаютъ съ киргизами.

Еще черезъ часъ мы дошли до мѣста нашего лагеря, разбитаго посреди разбросанныхъ по берегу кустарниковъ. По дорогѣ намъ случилось спугнуть маленькаго зайца, какъ намъ сначала показалось, но поймавъ его, мы увидѣли, что это просто крыса изъ породы *Lycotis*.

Слѣдующій переходъ нашъ былъ въ Каракорумъ, лежащій за десять миль. На полтора часа пути отъ лагеря мы подошли къ извилинѣ рѣки, огибающей здѣсь утесъ, и должны были перейти ее взадъ и впередъ, чтобы добраться до дороги. Переходъ былъ труденъ, такъ что многія лошади падали подъ тяжестью вьюковъ. Для спасенія ихъ отъ гибели въ водѣ, потребовалось не мало усилій. Рѣка имѣетъ быстрое теченіе по неровному каменистому ложу, и кромѣ того, почти всегда покрыта небольшими льдинами, что еще болѣе мѣшало нашимъ лошадямъ удерживаться на погахъ, и нерѣдко опрокидывало ихъ. Нашимъ погоныщикамъ и бготскимъ кули также не легко было предохранять грузъ свой отъ подмочен.

Лѣтомъ переходъ этотъ часто непроходимъ, вслѣдствіе разлива водъ. Тогда несчастнымъ кули приходится переносить тяжести черезъ утесъ, а лошадей переправляютъ далеко въ обходъ, такъ какъ дорога для нихъ здѣсь слишкомъ крута и неудобна. На милю ниже дорога отходить отъ Каракашской долины, и огибаетъ слѣва узкую ложбину тотъ часъ за мазаромъ мирзы Абабагара.

Это небольшая гучка скромныхъ киргизскихъ могилъ, окружающихъ болѣе богатыя могилы, точно также устроенныя изъ глины и камней. *Мазаръ*, или могила, убрана бараньими рогами и бычачьими хвостами, привѣшанными на шести, и киргизы ей поклоняются въ память князя, погибшаго изгнанникомъ среди ихъ кочевьевъ.

Въ Мазарѣ дорога покидаетъ Каракашскую долину и поворачиваетъ влѣво по извилистому ущелью, которое извиается съ сѣвера вмѣстѣ съ протоками холмовъ къ южнымъ скатамъ Санджу Давана. Дорога эта оказалась очень крутой, узкой, неровной и трудно проходимой, вслѣдствіе постоянно пересѣкающихъ ее потоковъ, въ настоящее время крѣпко замерзшихъ, и гладкихъ и скользкихъ, какъ обыкновенно бываетъ ледъ. Поднимаясь въ продолженіи двухъ часовъ мы подошли къ мѣсту гдѣ земля завалила ущелье, и, перебравшись черезъ громадную угловатую массу и отвѣсные края, мы вошли въ проходъ, казавшійся темнымъ и мрачнымъ между высокими стѣнами перпендикулярныхъ утесовъ. Это узкое ущелье между горъ въ двѣ-

сти или триста ярдовъ длины и пятидесяти или шестидесяти ярдовъ ширины. Мы поставили наши палатки въ узкомъ мѣстечкѣ на лужайкахъ, окаймлявшихъ небольшой потокъ, извивающійся по скату, и, въ продолженіи нашего недолгаго пребыванія тутъ, испытали въ новой формѣ неудобства и случайности путешествія въ этихъ горахъ.

Характеръ подъема отъ рѣки до этого мѣста особенно дикъ и непріятенъ. А между тѣмъ это только слабое представленіе того, что намъ показали слѣдующій день. Горы возвышаются на страшную высоту совершенно голыя, неровные утесы хмурятся надъ узкими ущельями, извивающимися между ними, и смотрятъ съ угрозой, вполне объяснимой массами осколковъ, тамъ и сямъ заслоняющихъ проходъ и всюду завалившихъ его. Не смягченная дикость, которую глазъ постоянно встрѣчаетъ, утомительна своимъ однообразиемъ. Нѣтъ тутъ никакого разнообразія въ видахъ, нѣтъ доли, которая бы отрывалась и избавляла бы взоръ отъ утомленія. Со всѣхъ сторонъ сланецъ и шиферъ, и со всѣхъ сторонъ одинаково обнаженъ и отвратителенъ. Чувство замкнутости, ощущаемое путешественникомъ отъ громаднхъ горъ, окружающихъ его на каждомъ шагу, не допускаетъ его останавливаться у сыпучихъ пропастей, въ то время какъ потоки, почти уже замерзшіе на неровномъ ложѣ, говорятъ ему о приближеніи времени года, уничтожающемъ и ту щедрую растительность, которая цвѣтла тутъ ростки, и, наконецъ, говорятъ и о причинѣ страданій караванныхъ лошадей, тутъ проходившихъ.

Замерзаніе потоковъ на этихъ высокихъ мѣстностяхъ нельзя причислить къ послѣднимъ причинамъ, убивающимъ въ такомъ количествѣ лошадей по этой дорогѣ. Кромѣ утомленія, этимъ приговореннымъ животнымъ приходится иногда идти цѣлый день безъ воды, такъ какъ хотя погонщики и оттаиваютъ себѣ немного льда на чай, но все таки не имѣютъ возможности оттаивать ледъ для своихъ лошадей, пока не приходятъ къ болѣе обширнымъ рѣкамъ, около которыхъ обыкновенно и становятся лагеремъ. Въ этомъ проходѣ Санджу станціи помѣщаются по обоимъ хребтамъ, и въ срединѣ зимы поэтому тутъ не бываетъ воды для лошадей.

Наши лошади были очень утомлены въ этотъ день, и, хотя разстояніе было всего въ десять миль, онѣ не всѣ прибыли въ лагерь къ семи часамъ, когда начало смеркаться и мѣстность покрылась обычнымъ мракомъ. Наше пребываніе въ Шахидулла истощило сред-

ства этой мало населенной мѣстности, и проѣздъ нашего передоваго отряда по этой дорогѣ за цѣсколько дней передъ нами уменьшилъ запасъ топлива и кормъ принасенный тутъ до крайне умѣреннаго количества. Вслѣдствіе этого, въ первый разъ, въ продолженіи нашего продолжительнаго путешествія, мы были доведены до «уменьшеннаго пайка». Къ счастью, лошади у насъ были хорошія, и мы ихъ по возможности берегли по пути къ границѣ, и потому теперь онѣ могли вынести временную невзгуду, хотя она обезсиливала ихъ для невзгуды слѣдующаго дня.

Высота этого мѣста равнялась 12,050 футамъ, и холодъ былъ жестокій, хотя термометръ показывалъ подъ верандою моею палатки только 10° Ф. Ночью насъ беспокоили и морозъ, и вѣтеръ, дувшій въ просѣлкѣ, нами занимаемой. Мрачнчя и совершенно отвѣсныя стѣны утесовъ, возвышавшихся съ обѣихъ сторонъ, трещали и раскалывались съ трескомъ, неприятно дѣйствовавшимъ на слухъ, и вѣдѣ за которымъ слышался грохотъ падавшихъ осколковъ, срываемыхъ съ своихъ мѣсть силою вѣтра. Нѣкоторые изъ этихъ осколковъ, отскочивъ отъ верхнихъ скалъ, ушибли нашихъ проводниковъ и лошадей и въ числѣ первыхъ — моего грума, который ходилъ послѣ этого дней восемь или десять хромяя.

Въ этомъ мѣстѣ Хаджи Тора получилъ письмо отъ дадкхваха яркандскаго, и вмѣстѣ съ письмомъ подарокъ посланнику, хорошенькую, подбитую мѣхомъ, *джубу* или *тальпакъ*, въ которую, согласно обычаю страны, какъ отвѣтъ на любезность, пачальникъ нашъ и былъ немедленно облеченъ. Хотя яркій цвѣтъ шелковой съ цвѣтами шубы, съ широкими складками, и зеленая бархатная шапка по своей внѣшности годились скорѣе для наряда татарскаго двора, но все таки шуба эта отлично предохраняла отъ суровости зимняго воздуха Татаріи, и дадкхвахъ въ выборѣ такого доказательства своего расположенія выказалъ предусмотрительность, соединивъ приличіе съ практическимъ употребленіемъ.

Наша слѣдующая станція вела черезъ Санджу Даванъ въ Гачака — за восемнадцать миль. Мы вышли въ 9 часовъ утра, и пошли по сѣверо-восточному направленію, по узкому ущелью, извивающемуся какъ глубокая выемка между горными стѣнами изъ голаго камня — высокими, зубчатыми, изломанными и неправильными, совершенно дикаго характера, безъ малѣйшихъ признаковъ, смягчающихъ суровость ихъ. Въ три четверти перваго мы подошли въ

большой массѣ земли, заслонившей ущелье въ видѣ барикады. Это была цѣлая скала, скатившаяся съ сосѣдней горы, которая массой своей, какъ громадная плотина, завалила проходъ.

Дорога наша—если только можно назвать дорогой мѣсто, по которому мы вели своихъ лошадей, карабкаясь, перелѣзая и перескакивая черезъ груды утесовъ, то попадая въ расщелину между камнями, то пагая черезъ трупъ вьючной лошади, которая, не въ силахъ будучи служить, заполняла тѣломъ своимъ яму и улучшала путь для слѣдующихъ товарищей по труду, или лежала поперегъ откосной скалы, представляя своей неподвижностью опасный переходъ—въ этомъ мѣстѣ сдѣлалась совершенно непроходима, и множество скелетовъ, лежавшихъ по ней, говорило о трудностяхъ ея.

Къ счастью, она не длинна, и примыкаетъ къ хорошей дорогѣ, извивающейся по теченію рѣки, въ это время года покрытой крѣпкимъ льдомъ, скользкой и ведущей къ мѣсту, гдѣ она раздѣляется, принимая въ себя ручьи двухъ округленныхъ сватовъ горы Санджу, здѣсь встрѣчающихся выходъ и образующихъ узкую, небольшую ложбину. Мѣсто это называется Законгра киргизами — по названію ручья; также называется она и Баракорумомъ—по темному цвѣту осколковъ скалъ, и образуетъ первую станцію у подножія прохода по сию сторону. Мы остановились тутъ завтракать и застали караванъ афганцевъ, навьючивавшихъ своихъ лошадей и прогонявшихъ ихъ одну вслѣдъ за другой для отысканія пути по ущелью, только-что нами пройденному. У нихъ было около шестидесяти лошадей, навьюченныхъ *чаррасомъ* «смолой изъ индѣйской конопли», котрую они перевозили изъ Ярканда въ Ладахъ, и на ночь останавливались подъ нависшимъ утесомъ изъ конгломерата, заслоняющаго тутъ путь на гору Санджу Даванъ.

— Наши вещи и лагерь тронулся двумя часами ранѣе насъ, и отправился на лошадахъ и якахъ, притготовленныхъ нашими яркандскими союзниками; наши же мулы, въ количествѣ ста десяти штукъ, сберегались на крайній случай. Во время остановки нашей для завтрака, пѣшеходы и оставшіе отъ лагеря прибыли и прошли мимо, такъ что мы радовались, что путь нашъ очищенъ.

Въ полдень мы сѣли на быковъ, припасенныхъ намъ, и продолжали нашъ путь. Пройдя нѣсколько шаговъ черезъ малое Каракорумское ущелье, мы дошли до глубокой просѣки между утеса-

ми, по которой могло идти только по одному выючному мулу врядь, а затѣмъ дорога пошла вверхъ по болѣе широкому проходу между высокими стѣнами изъ шифера къ большому скату, на вершинѣ котораго находится проходъ Санджу.

Видъ представившійся нашимъ взорамъ не легко описать, и не легко забыть. Какъ разъ по обѣ стороны, въ родѣ поргала дверей, стояли голыя стѣны изъ сѣро-серебристаго шифера, красиво упирившяся по обѣимъ сторонамъ въ горы, наклоненныя и образующія театр зрѣлища, границей котораго онѣ служили. Спереди тотчасъ же начинался красивый подъемъ по плитамъ изъ шифера, естественный темный отливъ котораго терялся отъ яркаго блеска множества глиммера — и вель на сколько видѣлъ глазъ.

Тутъ, у подножя подъема, мы сразу избавились отъ утомительнаго однообразя голыхъ скалъ, оставшихся за нами со всеми ихъ мрачными оттѣнками, и перешли къ снѣгу, покрывавшему все передъ нами бѣлымъ покровомъ самой ослѣпительной бѣлизны. Слѣва и справа онъ покрывалъ все съ однообразной правильностью до гребней грацищящихъ хребтовъ по всемъ направленимъ; а спереди онъ возвышался громадной стѣной, вершина которой разрѣзала небеса цѣлымъ рядомъ острыхъ пиковъ, поразительно ясно очерченныхъ.

И надъ всемъ этимъ широко разстизалось глубокое, непроглядное, совершенно чистое, голубое небо, такое спокойное, какимъ оно часто бываетъ передъ бурей. Это была дивная картина!

Я остановился на минуту, чтобы полюбоваться ею, но въ то время какъ я переводилъ глаза въ разныя стороны, наблюдая за бѣлыми орлами, величественно кружившимися надъ проходомъ, точно парусныя корабли по широкому синему морю, — вниманіе мое привлекло нѣчто, давшее тотчасъ другой оборотъ моимъ мыслямъ. Въ верху прохода въ узкой тѣсницѣ, между двухъ острыхъ пиковъ, я увидѣлъ нѣсколько, безпокойно двигавшихся на одномъ мѣстѣ, черныхъ фигуръ, отъ которыхъ тянулась до самой крутизны длинная, темная, извивающаяся, недвижимая и спокойная линія. Въ нѣсколько минутъ я былъ у хвоста колонны и узналъ, что наша партія и скотъ были остановлены здѣсь; никто не зналъ почему, знали только, что наверху прохода голова колонны встрѣтила бараванъ, шедшій съ противоположной стороны. Предпринявъ трудное и скучное восхожденіе, то пѣшкомъ, то на ябѣ, мимо длиннаго

ряда стоящаго скота, я добрался до вершины. Здѣсь посланцы и Хаджи Тора наблюдали за прохожденьем нашего каравана съ узкаго выступа скалы на самомъ гребнѣ. Сейчас же надъ ними, на выдающейся скалѣ, я нашелъ шесть и, измѣривъ при помощи гипсометра высоту, узнать, что она равна приблизительно 16,300 футамъ. Небо было чрезвычайно чисто, воздухъ прозраченъ, тихъ и морозенъ, а видъ снѣжныхъ пѣней со множествомъ острозубчатыхъ вершинъ очень красивъ. Но тутъ одно обстоятельство привлекло наше вниманіе на довольно продолжительное время. Шаговъ на тридцать отъ вершины прохода скалы были покрыты слоемъ льда, который былъ до того скользокъ и лежалъ на такомъ крутомъ склонѣ, что на одно животное не могло перейти этого мѣста безъ помощи. При помощи ломовъ были высѣчены во льду ступени и покрыты одѣялами и войлоками; затѣмъ стали вводить скоть штуку за штукой, при чемъ одинъ киргизъ вѣлъ спереди, а другой погонялъ вкнутомъ сзади, и, проведя такимъ образомъ черезъ узкій проходъ гребня, пускали на волю, чтобы скоть спускался по другой сторонѣ, какъ самъ знаетъ. Это дѣло было трудно и сопряжено со многими препятствіями, такъ какъ, простоявъ нѣсколько часовъ кряду въ снѣгу, скоть до того окоченѣлъ, что ноги у него двигались далеко не свободно. Одинъ изъ нашихъ муловъ, соскользнувъ съ узкой тропинки, покотился внизъ по склону до самаго поворота прохода, и такъ разбился, что его пришлось застрѣлить на мѣстѣ. Другой при переходѣ по льду упалъ съ такою силою, что киргизъ не могъ удержать повода, и мулъ покотился буваркомъ въ пропасть самымъ оригинальнымъ образомъ, прыгая по встрѣчавшимся на пути камнямъ и отскакивая отъ нихъ съ силою, совершенно достаточною, чтобы раздробить все кости. Мы собственно такъ и подумали, видя, какъ махались его ноги, словно пѣлы, и какъ подвертывалась шея подъ его катившеюся тѣло. Но къ удивленію нашему, задержанный въ своемъ странномъ паденіи небольшимъ выступомъ склона футовъ на четыреста ниже, онъ побарахтался съ минуту, чтобы повернуться на снѣгу, затѣмъ всталъ на ноги, встряхнулся, поглядѣлъ вокругъ, и инстинктивно пошелъ по снѣгу, чтобы присоединиться къ ряду своихъ товарищей, которые уже успѣли перейти. Впрочемъ, бѣдное животное было такъ изцарапано и изковеркано, что околѣло черезъ нѣсколько дней.

Черезъ два часа такой работы было переведено около ста штукъ

скота, но еще вдвое большее число его стояло въ ожиданіи очереди. Вдругъ съ сѣверной стороны подулъ внезапный вѣтеръ, нагнулись тучи, и мелкій снѣгъ, словно мерзлый песокъ, сталъ бить намъ прямо въ лицо съ такою силою, что мы не могли смотрѣть. Было около четырехъ часовъ и Хаджи Тора, вставъ съ своего мѣста на льду, торопильно посланника оставить свой постъ и поскорѣе выбрать-ся изъ снѣга на другую сторону, такъ какъ иначе все мы могли заночевать на мѣстѣ.

Колебаться или откладывать было некогда, и мы последовали за Хаджи. Проходъ въ гробѣхъ былъ очень не длиненъ и узокъ, такъ что въ немъ навьюченные мулы могли проходить только по одиночкѣ, и когда мы прошли его, то передъ нами открылся спускъ, по которому шла дорога. Опъ походили на бѣлую доску, приставленную подъ острымъ угломъ къ стѣнѣ, и по обѣимъ сторонамъ тропинки были усѣяны слѣдами крушеній нашего отряда. Самая тропинка, шедшая крутыми, острыми зигзагами, была тверда, мерзла и такъ скользка, что скотъ, спускавшійся уже безъ вожаковъ, сбивался у поворотовъ въ кучу, которую вапиряющіе сверху толкали въ снѣгъ или гнали по тропинкѣ до слѣдующаго поворота.

Сначала мы хотѣли—было пользоваться при спускѣ услугами нашихъ яковъ, но отъ смятенія и шума бури они стали до того упрямы, что были на льду ничуть не устойчивѣе другаго скота, а потому мы предпочли довѣриться своимъ собственнымъ силамъ, пока не достигнемъ менѣе крутаго спуска. Какъ спускались другіе, я не знаю, но весьма живо помню способъ своего собственного спуска. У меня были падѣты охотничьи сапоги съ тройною подошвою, подбитые гвоздями, которые я находилъ обыкновенно весьма устойчивыми на скользкихъ скалахъ и на льду и потому пошелъ по тропинкѣ осторожно на ногахъ. Но едва успѣлъ я пройти первый поворотъ, какъ одинъ погоняемый сверху мулъ покатылся позади меня и сшибъ меня съ тропинки. Тутъ уже я зашагалъ по крутизнѣ гигантскими шагами, пока не увидѣлъ впереди себя опрокинутаго мула, неистово махавшаго въ воздухъ ногами и усиливавшагося встать, что заставило меня инстинктивно упасть на спину, и я тотчасъ же остановился, упершись ногами въ его ребра. Но безцеремонность имѣла взаимную пользу, такъ какъ помогла животному подняться на ноги въ то самое время, когда на помощь ко мнѣ пришло нѣсколько нашихъ ладакскихъ носильщиковъ, оставившихъ дру-

гаго упавшаго мула, котораго они развьючивали по близости отъ того мѣста. Я опять пошелъ потихоньку своимъ путемъ среди валяющагося умирающаго, или безумно барахтающагося скота, который старался освободиться отъ занутовавшихся веревокъ упавшей клады и среди разбросанныхъ всюду палатокъ, лицпговъ и одежды, оставленныхъ въ своемъ паденіи какимъ нибудь попавшимся на пути камнемъ. При этомъ я то проваливался по колѣно въ какую-нибудь западню, то спотыкался о какой нибудь скрытый подъ снѣгомъ камень, пока наконецъ не дошелъ до широкаго откоса, гдѣ въ пещерѣ, подъ защитой большой наклонной скалы, я нашелъ партію афганскихъ купцовъ, остановившихся здѣсь, въ слѣдствіе занятія нами прохода. Съ ними отдыхали нѣсколько ихъ соотечественниковъ, принадлежавшихъ къ нашему отряду, дружески покуривая трубки. Я остановился около нихъ, чтобы узнать послѣднія новости изъ Ярканда. Въ эту самую минуту ужасный трескъ заставилъ насъ оглянуться къ проходу, и глазамъ нашимъ представилась сцена, которую описать невозможно. Верхняя часть прохода была одѣта густымъ туманомъ, изъ-подъ котораго по краямъ видѣлись люди и скотъ, стремившіеся смѣшанной массой, кто какъ могъ, къ тому откосу, на которомъ стояли мы. Пока мы смотрѣли на нихъ, другой обвалъ обрушился на сто или на полтора ста ярдовъ вправо отъ прохода и покатился въ бездну тотчасъ же за тѣмъ мѣстомъ, съ котораго мы смотрѣли на проходъ.

Между спускавшимися въ это время по крутизнѣ, были три турецкіе офицера, прибывшіе съ Хаджи Торою изъ Константинополя. Обоченѣлые, голодные и напуганные, они высматривали своихъ лошадей, которыхъ потеряли въ проходѣ. Они сказали, что видѣли мимоходомъ мою лошадь и яка, шедшихъ вмѣстѣ у самаго подножія крутизны. По этому, въ ожиданіи ихъ, я пошелъ внизъ по откосу, въ надеждѣ застрѣлить снѣжнаго фазана, которыхъ, какъ говорятъ, много въ этой мѣстности. Но я не открылъ слѣдовъ ихъ, и приобрѣлъ дорогою лишь нѣсколько видовъ нѣжнаго золотого подорожника.

У подножія крутизны склонъ почвы слабъ и по обѣимъ сторонамъ она волнообразно поднимается до холмовъ. Здѣсь я вернулся на тропинку, чтобы опять сѣсть на моего яка, и встрѣтилъ одного изъ турокъ, оставленныхъ мною у подножія крутизны. Онъ взялъ было чужаго яка, и когда хозяинъ заявилъ претензію на свою соб-

ственность, то онъ принужденъ былъ плестись пѣшкомъ. Когда я подошелъ къ нему, онъ сидѣлъ на снѣгу, ломая себѣ руки, и кричалъ въ безпомощномъ отчаяніи: *Іа Аллахъ, Іа Аллахъ*. Его носъ, щеки и суставы пальцевъ были покрыты глубокими, кровавыми трещинами, точно насѣченными ножемъ, и вообще онъ имѣлъ чрезвычайно жалкій видъ. Онъ былъ до того разстроены, что не обращалъ вниманія на развѣвающеся по вѣтру свое широкое платье. Взглянувъ на меня съ печальнымъ видомъ, онъ проговорилъ: *Іа Аллахъ!* и затѣмъ, упило качая головой изъ стороны въ сторону, сталъ монотонно повторять: *Фана чокъ фана!* «Страшно! очень страшно!»

Я не могъ удержаться отъ смѣха при его забавномъ выраженіи горя и весьма живыхъ, хотя и непонятныхъ, упоминаніяхъ Стамбула, которыми, какъ я растолковать себѣ, онъ хотѣлъ сказать, «что Константинополь несравненно лучше этого мѣста, и онъ поступилъ сумасбродно, оставивъ его». Я ободрилъ его и, давъ ему глотнуть воды изъ своей мѣдной фляжки, что онъ сдѣлалъ не хуже христіанина, посадилъ его на своего пони, ловкое и бойкое маленькое животное, выбранное мною изъ всѣхъ приготовленныхъ для насъ г. Джонсономъ въ Нубрѣ.

Рѣзвое и плохо выѣзженное маленькое созданіе замѣтило, что имъ управляетъ новая рука только тогда, когда начало играть и, испуганное развѣвающимся платьемъ всадника, помчалось во весь опоръ по направленію къ холмамъ на лѣво. Турокъ крѣпко прижался къ дикому маленькому животному, бѣшено скакавшему по неровностямъ почвы, пока наконецъ оно не пошло въ кучу снѣга и не перекувырнуло своего всадника черезъ голову. Сначала была видна только темная куча платья, но затѣмъ показались голова и руки, воздвѣтыя къ небу, и, конечно, раздалось многократно *Іа Аллахъ!* хотя я былъ слишкомъ далеко, чтобы слышать это.

Пони мой, между тѣмъ, помчался внизъ по долині, сбросивъ съ себя въ одномъ мѣстѣ сѣдло, въ другомъ узду, и затѣмъ присоединился по привычкѣ къ стаду выючныхъ лошадей яркандскаго каравана, который мы вскорѣ нашли остановившимся въ Карамликъ-дильгѣ—мѣстѣ стоянки, мили на полторы ниже.

Здѣсь я пашель посланника, Хаджи Тора, капитана Чэмпэна и съ полдюжины другихъ людей, принадлежавшихъ къ нашей партіи. Всѣ были невредимы и освѣжали себя предложеннымъ яркандцами чаемъ. Мы остановились здѣсь на нѣсколько минутъ, чтобы посмо-

трѣтъ на страшный, оставшіеся позади насъ проходъ, но ничего не было видно, кромѣ тучъ и снѣгу, да темныхъ тѣпей отъ быстро наступавшей ночи; затѣмъ мы отправились далѣе по круто понижающемуся ущелью съ извилистой тропинкой среди лабиринта земляныхъ валовъ, спѣша въ Гачаку, на разстояніи семи или восьми миль.

Тропинка, благодаря сильному морозу, была очень скользка, и послѣдняя часть пути была пройдена въ потьмахъ. Было восемь часовъ, когда мы достигли Гачаки, гдѣ узнали, что ни одной части нашего отряда еще не прибыло. Хаджи Тора устроилъ для насъ обѣдъ въ поставленной для него киргизской кибиткѣ, и пока мы были заняты этимъ приятнымъ дѣломъ, другая такая же кибитка была поставлена для насъ. Это была единственная кибитка, каковую могли достать, и хотя видъ ея былъ весьма жалокъ, тѣмъ не менѣе мы были ей очень рады. Между тѣмъ стали понемногу сходиться наши товарищи по одному, по два, по палатокъ, кромѣ палатки посланника, не было принесено въ эту ночь ни одной.

Впрочемъ, я уже достаточно сказалъ о нашемъ переходѣ чрезъ Санджу Давапъ, о которомъ мы слышали уже отъ нашихъ друзей, называвшихъ его «Ужаснымъ переходомъ». Названіе это не извѣстно туземцамъ, но какого бы происхожденія оно ни было, мы по опыту убѣдились, что оно вполне подходитъ къ нему.

Слѣдующій день мы оставались въ Гачакѣ, поджидалъ товарищей, заночевавшихъ въ проходѣ. Это—простое мѣсто стоянки при рѣкѣ Саригіарѣ на высотѣ около 10,000 футовъ; здѣсь есть нѣсколько киргизскихъ юртъ по проходамъ и закоулкамъ и нѣсколько клочковъ полей зерноваго хлѣба, но нѣтъ ни одного дома, ни одной хижины.

Утромъ были посланы къ проходу отряды киргизовъ со всѣмъ ихъ годнымъ въ дѣло скотомъ, въ помощь нашимъ оставшимъ людямъ и для перевозки багажа, и вотъ около десяти часовъ вечера всѣ наши спутники собрались со всѣми мулами, исключая восьми, погибшихъ въ проходѣ. Только верховья пони нѣкоторыхъ изъ нашихъ спутниковъ достигли насъ лишь на слѣдующій день въ Тамѣ, причемъ обѣденные хвосты и обглоданная кожа показывали намъ до какой крайности они были доведены голодомъ. У Хаджи Торы пало въ проходѣ двѣнадцать лошадей а у нашихъ спутниковъ три лошади сильно познобили себѣ ноги, такъ что потеряли по нѣсколько копытъ и въ теченіе трехъ или четырехъ мѣсяцевъ не

могли ступать; но и другія лошади болѣе или менѣе пострадали отъ почевки въ снѣгу. Если бы не тщательныя приготовленія посланника въ Ладакѣ, гдѣ каждый человекъ былъ снабженъ надлежащимъ теплымъ платьемъ и мѣхомъ, то я увѣренъ, что мы потеряли бы и нѣсколькихъ людей. Въ данномъ же случаѣ они перенесли тяжелое испытаніе легче, чѣмъ можно было рассчитывать. Въ Гачакѣ мы рассчитали своихъ приведенныхъ изъ Шахидула ботскихъ були, такъ какъ они стали со слезами просить пась объ отѣмъ, желая возвратиться домой до окончательнаго наступленія зимы. Мы нацутствовали бѣднѣя самыми искренними пожеланіями, которыми они, конечно, вполне заслужили.

Вечеромъ Хаджи Тора простился съ посланникомъ, такъ какъ его ожидали въ Тамѣ, на десять миль ниже по долинѣ, по одному деликатному дѣлу, въ которомъ, по обычаю страны, принимала вмѣстѣ съ нимъ участіе киргизская дѣвушка. На слѣдующій день мы снова сошлись съ нимъ въ Тамѣ, и прежде чѣмъ оставили эту деревушку, состоящую изъ шести, восьми хижинъ, скучившихся подъ двумя крышами, къ намъ присоединились остальные наши спутники и доставленные киргизами багажъ и скоть изъ прохода.

Тамъ значитъ «стѣна» или «мазанга», что вполне характеризуетъ это мѣстечко, первое встрѣченное нами осѣдлое поселеніе съ воздѣланными полями, съ тѣхъ поръ какъ мы оставили Шанглунгъ. Оно стоитъ на пескѣ на самомъ берегу рѣки Саригаръ или «Желтаго рва», названной такъ по преобладающему цвѣту скаль, точно также, какъ далѣе къ западу Кокіаръ или «Синій ровъ» названъ этимъ именемъ благодаря темному оттѣнку скаль.

Изъ Тама мы направились къ Кивацу, отстоящему на шестнадцать миль. Дорога спускается туда по узкому и извилистому ущелью, пересѣкая нѣсколько разъ рѣку среди постепенно густѣющаго хвостника. На пути мы встрѣтили три или четыре каравана изъ Ярканда, поднимавшіеся къ проходу. Отъ Гачака до этого мѣста рѣку приходится переходить двадцать восемь разъ, отчего лѣтомъ, вслѣдствіе разлива, дорога непроходима втеченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, и тогда пользуются проходами Буликскимъ и Килианскимъ.

Въ Кивоцѣ долина расширяется въ плоскую песчаную равнину, на которой разбросано нѣсколько хижинъ и довольно много воздѣланныхъ полей, но я не видалъ здѣсь хлопка, какъ слѣдовало бы ожидать, судя по названію мѣста. Что касается кустарника, расту-

цаго вдоль береговъ рѣки, то онъ весьма сходенъ съ кустарникомъ долины Нубра.

Когда мы прибыли сюда, посланникъ былъ принятъ Муллою Хидаромъ, Хакимомъ - Беемъ - Гумы, привезшимъ съ собою нѣсколько фазановъ, пойманныхъ соколами близъ его столицы. Это былъ старикъ съ весьма мягкими чертами лица и весьма тихими и несаносчивыми манерами. Онъ привлекъ наше вниманіе размѣрами своей татарской шапки и ся лисьей опушкой, первымъ явнымъ признакомъ новыхъ обычаевъ новаго народа, къ которому мы пришли.

На слѣдующій день мы отправились въ Сацджу, за двѣнадцать миль и настигли передовую партію подъ предводительствомъ полковника Гордона. Вскорѣ по выходѣ изъ мѣста стоянки мы перешли рѣку Саригіаръ, текущую по широкому каменному ложу, и идя по расширяющейся долинѣ, вдоль подножія высокихъ валовъ краснаго песку и гравія, прибыли черезъ полтора часа къ полямъ и садамъ Сацджу, между которыми мы шли еще почти полтора часа, и лишь затѣмъ достигли мѣста стоянки, близъ котораго среди деревьевъ показались знакомые мундиры нашихъ товарищей, вышедшихъ на встрѣчу своему начальнику. Отвлеченные на время отъ необыкновенной и внезапной перемѣны вида, мы вдались въ болѣе интересныя темы взаимныхъ разспросовъ о состояніи здоровья и перенесенныхъ испытаніяхъ. Оказалось, что друзья наши перешли проходъ до наступленія мороза и сопровождавшихъ его снѣжныхъ мятелей, и такимъ образомъ счастливо избѣжали тѣхъ затрудненій, которымъ подверглись мы.

Мы пробыли здѣсь три дня, чтобы дождаться отставшихъ отъ нашей собственной партіи и отъ партіи Хаджи Торы съ багажемъ и пр., оставленнымъ по ту сторону прохода. И во всей этой области не могло быть болѣе пріятнаго мѣста для отдыха. Остановка дала намъ случай испытать такое же удивленіе отъ перемѣны вида, какое испыталъ болѣе трехсотъ лѣтъ тому назадъ императоръ Бабуръ, при его гораздо болѣе внезапномъ переходѣ съ сѣвернаго склопа Гинду-Куша на южный въ Кабуль, что весьма интересно описано въ его мемуарахъ. Онъ нашелъ тамъ точно такъ же, какъ мы нашли здѣсь, совершенную перемѣну въ характерѣ scenery. Климатъ, страна и почва—все было другое; люди, ихъ языкъ и нравы были другаго рода, растенія, животныя и птицы также были не тѣ.

ГЛАВА VII.

Пріемъ и *дастарханъ*.—Характеръ страны.—Миръ Санджу.—Письмо Аталыга.—Характеръ деревенской жизни.—Помѣщеніе въ Каргалыкъ.—Зобъ.—Военный салютъ.—Входъ въ Яркандъ.—Пріемъ въ городѣ.—Визитъ къ дядькаву.—Пріемъ посланника.—Турецкія бани.—Авганцы въ Кашгарѣ.

Санджу восхитительное мѣсто. Для насъ, вышедшихъ изъ горъ послѣ недѣльнаго труднаго пути по обширнымъ пустынямъ, съ необитаемыми плоскогорьями, ледяными проходами и не имѣющими мостовъ потоками, онъ показался настоящимъ раемъ, приглашающимъ къ отдыху при самомъ входѣ въ плоскія, широко разстилающіяся надъ нами равнины Татаріи. Послѣ угрюмыхъ скалъ и преградъ мрачнаго ущелья, оставшагося позади насъ, глазъ наслаждался просторомъ. Утомленные видомъ голой безплодной почвы, мы оживли, взглянувъ на фруктовые сады, плантаціи, нивы и скирды хлѣбовъ. Жестокіе морозы и пронизательные вѣтры забылись въ пріятномъ мягкомъ климатѣ, гдѣ дышать было уже легко, и главное—ужасное уединеніе пустыни смѣнилось людскимъ обществомъ; это было чрезвычайно пріятно. Ко всему этому нужно прибавить еще радушный пріемъ и интересъ, возбужденный новымъ племенемъ, съ сто незнакомымъ типомъ и языкомъ, странной одеждой и странными обычаями.

Вскорѣ послѣ нашего прибытія на мѣсто, у палатки посланника показался Али Мурадъ, Бегъ или «губернаторъ» Санджу, сопровождаемый длинной вереницей людей, несшихъ подносы съ богатымъ *дастуркваномъ*. Тутъ были и супы, и пилавы (здѣсь они называются *амъ*), и жаркія, и рагу, а также сушеные и свѣжіе плоды, хлѣбъ въ разнообразномъ видѣ, и различныя сладости, болѣе въ европейскомъ вкусѣ, чѣмъ въ азіатскомъ. Пряностей почти не употребляется, а

жиръ, тамъ, гдѣ онъ употребителенъ, пропитывается обыкновенно все кушанье; фрукты европейскіе, чай подаются также на европейскій ладъ. Изъ сладостей замѣчательнъ былъ мармеладъ изъ мелко-нарезанной моркови въ сиропѣ (называемый *мурабба*) и кремъ изъ толченаго бѣлаго сахару, взбитаго на яичномъ бѣлкѣ (называемый *нашамма*). Между яблоками былъ одинъ сортъ, называемый *музалма*, т. е. «ледяное яблоко», который, будучи разрезанъ, просвѣчиваетъ, какъ будто онъ изъ льда. Однако, не смотря на искреннее желаніе быть признательными за любезность и гостепрѣимство, наши совмѣстныя усилія были ничтожны для того, чтобы сдѣлать замѣтнымъ наше прикосновеніе къ грудамъ съѣстнаго, которыя, согласно съ обычаями страны, должны были бы исчезнуть отъ нашего вниманія. Но когда мы попробовали то и другое и похвалили все по очереди словами *аллахъ акбаръ*, хозяинъ избавилъ насъ отъ дальнѣйшей отвѣтственности, и блюда были переданы нашимъ слугамъ, которые, примѣняясь къ мѣстнымъ требованіямъ, съ удивительною живостью окончили начатое нами дѣло. При этомъ ими были совершенно отброшены въ сторону индійскія предубѣжденія, заставлявшія ихъ всего нѣсколько недѣль тому назадъ или даже наканунѣ, въ проходахъ, выкидывать кушанья ихъ господъ, какъ пачистыя.

Дастуркванъ, встрѣченный нами здѣсь съ такимъ огорчающимъ хозяевъ неумѣньемъ справляться съ разнообразіемъ и обиліемъ блюдъ, является передъ нами на каждой станціи, при каждой остановкѣ, ежедневно возрастая въ размѣрахъ и изысканности, пока въ Ярзандѣ не дошелъ до ста подносовъ, а въ Камгарѣ, гдѣ богатство и разнообразіе его достигло высшей степени, ихъ было невѣдомо сколько. Ничто не дѣлалось безъ *дастурквана*, такъ что наконецъ, когда исчезла повязка его, даже самое упоминаніе о немъ стало неприятно для уха. Отправлялись ли мы въ лавки въ городѣ, насъ непременно заманивали въ какойнибудь домъ и угощали. Предпринимали ли мы экскурсію къ какимънибудь развалинамъ, мы были увѣрены найти тамъ ряды подносовъ, ожидавшихъ насъ въ тѣни развалившихся стѣнъ: посѣщали ли мы мавзолей какогонибудь святаго мученика, тотъ же строй подносовъ приглашалъ насъ профанировать священное мѣсто; наконецъ при церемоніальныхъ посѣщеніяхъ магнатовъ страны главную роль игралъ тотъ же неизмѣнный обычай.

Санджу довольно людное и цвѣтущее поселеніе, состоящее при-

близительно изъ тысячи двухсотъ домовъ или семействъ, на рѣкѣ Саригиарѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдняя выходитъ изъ горъ на равнину. Оно тянется вверхъ и внизъ по обоимъ берегамъ на десять или на двѣнадцать миль непрерывнымъ рядомъ фермъ. Фермы эти состоятъ изъ трехъ или четырехъ хижинъ, скученныхъ среди своихъ фруктовыхъ садовъ, полей и плантацій, и окруженныхъ обыкновенно стѣпной, но безъ всякихъ укрѣпленій.

Вообще мѣсто это имѣетъ видъ цвѣтуцій и богатый, въ чемъ мы убѣдились и послѣ нашихъ прогулокъ по его полямъ, и можетъ служить образцомъ всѣхъ другихъ деревенскихъ поселеній, видѣнныхъ нами въ этой странѣ, какъ относительно общаго плана, характера обработки, такъ и относительно людей и окружающей ихъ среды. Оно расположено на рѣкѣ и орошается множествомъ проведенныхъ отъ нея капаловъ. Дома стоятъ болѣе или менѣе далеко одинъ отъ другаго, раздѣлены между собою полями и фруктовыми садами, виноградниками и плантаціями или лугами. Центромъ всего служитъ мѣсто резиденціи губернатора и улица шалашей и лавокъ для ежедневнаго рынка, на которомъ собираются крестьяне всѣхъ кварталовъ для мѣновой торговли произведеніями своихъ фермъ и мелкой промышленности.

Воздѣлываются здѣсь пшеница, маисъ, рисъ и ячмень въ различныхъ пропорціяхъ, смотря по почвѣ; конопля воздѣлывается изъ-за смолы, составляющей главный предметъ вывоза изъ Индіи; ленъ — изъ-за сѣмени, изъ котораго добывается употребляемое въ странѣ масло, хлопокъ, какъ матерьялъ для ежедневной одежды жителей, а также и для вывоза. Затѣмъ садовыя произведенія — тѣ же, что и въ Европѣ, и кромѣ того дыни и табакъ. Изъ плодовъ обыкновенны яблоки, груши, абрикосы, сливы и персики. Виноградъ воздѣлывается всюду, но вино неизвѣстно и спиртные напитки воспрещены. Гранатовыя, миндальныя и орѣховыя деревья, ююба и elocagnus встрѣчаются всюду; тутовое же дерево, ива, тополь двухъ породъ, а мѣстами и вязъ, растущіе на плантаціяхъ и по берегамъ тевучихъ водъ, составляютъ строевой дѣсь и топливо.

Шелкъ тоже производится въ нѣкоторомъ количествѣ, но низкаго сорта, и употребляется для грубыхъ домашнихъ тканей, хотя нѣкоторая часть его идетъ въ Коканъ, куда сбывается преимущественно и хлопокъ.

Скотъ составляютъ коровы, лучшей во всей странѣ породы; овцы

съ толстыми хвостами, превосходящія англійскихъ, какъ по величинѣ, такъ и по шерсти; крѣпкія лошади некрупной, коренастой татарской породы; нѣкоторое количество муловъ, сила которыхъ незначительна, такъ какъ они меньше ростомъ, нежели довольно многочисленныя въ странѣ ослы.

Населеніе состоитъ изъ турокъ болѣе чистаго тѣла, чѣмъ смѣшанное населеніе Яркандъ и Кашгара, и составляетъ миролюбивыя промышленныя общины, занимающіяся воздѣлываніемъ почвы и связанными съ земледѣіемъ ремеслами. Въ предѣлахъ своихъ поселеній они производятъ все нужное для ихъ независимаго существованія, какъ въ отношеніи пищи, такъ и въ отношеніи одежды. Вѣроятно—это слѣдствіе изолированнаго положенія нѣкоторыхъ поселеній и прекращенія сношеній съ сосѣдями во времена анархіи и войнъ. Вокругъ Санджу, какъ и вокругъ всѣхъ поселеній этой замѣчательной области, разстилается голая песчаная пустыня.

Одежда здѣсь лѣтомъ состоитъ изъ широкой рубахи и штановъ изъ грубой бумажной матеріи домашняго производства, а зимою къ этому прибавляется длинное, стеганое на ватѣ, широкое платье въ видѣ плафрока и сверху надѣвается обыкновенно еще длинное платье изъ овчины, затѣмъ татарская мѣховая шапка и сапоги, подбитые войлокомъ. Такова одежда крестьянъ, весьма сходная у мужчинъ и у женщинъ; только у послѣднихъ она лучшаго качества, нѣсколько иного покроя и кромѣ того къ ней прибавляется еще одна, свойственная женскому полу, принадлежность, именно покрывало.

Въ городахъ, правда, замѣтно болѣе разнообразія, но описанная мною одежда жителей Санджу свойственна вообще всѣмъ крестьянамъ и показываетъ, какъ легко они могутъ удовлетворять свои потребности безъ ипоземныхъ источниковъ и какъ они далеки отъ роскоши, являющейся при твердомъ правительствѣ и справедливомъ управленіи — этихъ великихъ благахъ, которыя между прочимъ приносятъ и ту пользу, что покровительствуютъ промышленности и усиливаютъ торговлю.

Наше прибытіе въ Санджу не возбудило повидимому большаго любопытства, и за исключеніемъ пятидесяти или шестидесяти чело-
вѣкъ, смотрѣвшихъ на нашъ лагерь изъ сосѣднихъ домовъ, не было вовсе толпы зрителей, которая глазѣла бы на иностранцевъ. Не было также и сторожей, которые не позволяли бы ей этого или разогнали ее, еслибъ она сошла.

Здѣсь было вовсе не то, что въ

Авганистанѣ, гдѣ путешествующаго европейца окружаетъ военная стража для охраненія отъ насилія или оскорбленія со стороны фанатическаго народа, который обыкновенно ходитъ вооруженнымъ и нападаетъ на иностранца какъ на дикаго звѣря, который долженъ быть прогнанъ или затравленъ до смерти за то, что забрался къ врагамъ, или покрайней мѣрѣ смотреть на него какъ на отличную добычу для грабительства. Здѣсь народъ не былъ вооруженъ, и мы шли по его землѣ совершенно свободно, безъ провожатыхъ, не возбуждая никакого волненія. Даже мальчишки не выказывали своего восторга въ поговорицу *любопытства*. И вслѣдъ за нами не бѣжали шалуны, потѣшающіеся надъ иностранцами, какъ это было бы, непременно, если бы мы показались въ своихъ дорожныхъ костюмахъ на улицахъ одного изъ нашихъ городовъ.

Куда мы ни приходили, мы всюду встрѣчали снисходительную вѣжливость и скромность, какой не ожидали. Мнѣ случалось проходить мимо усадебъ, мужчины которыхъ работали въ полѣ, а женщины на дворѣ передъ своими домами, и не замѣтить, чтобы кто нибудь изъ нихъ прервалъ свое занятіе или поднялся, чтобы взглянуть на меня. Я даже останавливался посмотреть, какъ они работали и ни чуть не мѣшалъ имъ этимъ. Они точно боялись поднять глаза или выказать какой либо интересъ. Я стрѣлялъ мелкихъ птицъ по живымъ изгородямъ и собиралъ виды еще не увядшихъ растений, причемъ свободно входилъ въ фруктовые сады и выходилъ изъ нихъ, не замѣчая, чтобы кто нибудь выражалъ неодобреніе, кромѣ злыхъ собакъ, которыхъ тотчасъ же останавливали хозяева. И такъ было вездѣ, исключая городовъ.

Мѣстный бей Али Мурадъ пришелъ посоветоваться со мною на счетъ глубокой трещины на нижней губѣ, и я похвалилъ ему достаточное положеніе и тихій нравъ его народа.

«Да, сказали оны, Бадолать привелъ ихъ въ надлежащій порядокъ. Но они всѣ негоди и разбойники, и постоянно ссорятся между собою. Я держу ихъ въ рукахъ помощію *«шариата»* (магометанскій законъ).

Быть можетъ это было и такъ, но я скорѣе думаю, что оны хотѣли преувеличить значеніе своей должности и своихъ личныхъ способностей, ибо это былъ человекъ съ претензіями и вовсе не обладалъ скромностью своихъ подчиненныхъ.

«Знаете ли вы Шау сагпа?» спросилъ оны вдругъ.

— Да, знаю. Я видѣлъ его въ Лехѣ на пути сюда, — отвѣчалъ я. «Значитъ правда, что онъ *миръ* (губернаторъ) Ладака?»

— Нѣтъ, онъ вовсе не то, что вы разумѣете подъ этимъ названіемъ (самъ онъ былъ миръ Санджу). Онъ, какъ называется у насъ, союзный комиссіонеръ или должностное лицо, служащее для защиты интересовъ путешественниковъ на этомъ пути.

«Значитъ онъ служить правительству?»

«Да, онъ назначенъ отъ правительства на эту специальную должность.

«А вѣдь онъ говорилъ намъ, когда былъ здѣсь нѣсколько лѣтъ тому назадъ, что онъ простой *соданаръ* (купецъ) и не имѣетъ никакого дѣла съ правительствомъ»

«Совершенно вѣрно. Тогда онъ еще не служилъ правительству».

«А теперь служить», сказалъ онъ съ вопросительнымъ взглядомъ, выражающимъ сомнѣніе.

«Да, потому что онъ знаетъ вашъ народъ, былъ другомъ этого народа и въ то же время онъ самый подходящій человѣкъ для этой обязанности.

«Понимаю, понимаю. Онъ нашъ другъ», сказалъ онъ затѣмъ, задумчиво опустивъ голову и потупивъ глаза, прибавилъ: «онъ очень умный человѣкъ». Послѣ этихъ словъ онъ вдругъ попрощался со мною и вышелъ, смѣясь самъ съ собою.

Я прижегъ ему губу и далъ ему мази, но послѣ этого онъ ловилъ меня всюду втеченіи четырехъ или пяти дней, которые онъ былъ съ нами, чтобы сказать, что не чувствуетъ лучше. Въ сущности же онъ думалъ, что его губѣ было хуже, чѣмъ когда я до нея не дотрогивался.

«Вы говорите, что у васъ эта болѣзнь продолжается пять лѣтъ», сказалъ я, «какъ же вы хотите, чтобы васъ вылечитъ въ пять минутъ».

«Если бы вы обратили на меня все ваше вниманіе, то я увѣренъ, что вы могли бы вылечить меня; вашъ народъ можетъ сдѣлать все».

«Хорошо, вы попробуете употребить мое лекарство втеченіи пяти недѣль, и если за это время не выздоровѣете, то пріѣзжайте ко мнѣ въ Яреандъ, и я выпишу вамъ болѣзную часть».

Этого было совершенно довольно для моего словоохотливаго друга, и онъ пересталъ надѣдаться мнѣ показыващемъ язвы на своей губѣ.

Между обращающимися здѣсь ко мнѣ за помощью былъ торговецъ изъ Пенджаба, взбиравшійся въ горы въ прошломъ году и доходившій до Кокана, а теперь направлявшійся обратно въ Лагоръ. У него были отморожены концы пальцевъ на обѣихъ рукахъ. На одной изъ рукъ раны давно зажили, а на другой все еще болѣли. Онъ но силъ эту руку въ мѣшикъ изъ овечьей шкуры, смазанной внутри саломъ. По словамъ его, онъ получилъ прибыли до тридцати процентовъ на сто и онъ былъ по видимому совершенно доволенъ купленнымъ такою дорогою цѣною успѣхомъ.

1-го ноября въ лагерь къ намъ прибылъ съ послѣдними нашими спутниками Ибрагимъ Ханъ, остававшійся позади по ту сторону прохода съ оставленнымъ тамъ багажемъ. Онъ сообщилъ намъ, что киргизы добровольно помогли ему, иначе онъ не перебрался бы такъ скоро. Очевидно, что прекрасные подарки посланника, сдѣланные имъ въ Гачакѣ, за услуги, оказанныя ими нашей партіи 26 октября, принесли свои плоды и склонили благорасположеніе людей въ нашу сторону, не взирая на искуство каравановъ, ждавшихъ пока имъ можно будетъ пройти. Иные купцы, видя предстоящія трудности, продавали свои товары у подножія прохода своимъ болѣе отважнымъ товарищамъ и возвращались съ нашей партіей по домамъ.

На слѣдующее утро, въ то самое время, какъ мы готовились сѣсть на лошадей, чтобы отправиться далѣе, прибылъ изъ Кашгара Мулла Артокъ, догонявшій насъ, какъ я уже говорилъ рашѣе, въ долину Нубры, съ депешами къ Хаджи Торъ и съ пригласительнымъ письмомъ отъ Аталика Газы къ посланнику. Письмо это было вручено по адресу Хаджи Торою съ соблюденіемъ обычныхъ церемоній, и посланникъ, хорошо знакомый съ обычаями страны, принялъ его съ надлежащимъ почтеніемъ въ обѣ руки, затѣмъ, обратясь въ ту сторону, откуда оно было прислано, прижалъ его къ сердцу и къ глазамъ, прежде чѣмъ распечатать его, чтобы прочесть его содержаніе. Когда же прочиталъ его, то сложилъ снова и спряталъ на головѣ въ складкахъ своего тюрбана изъ шали. Въ противоположность богато окрашеннымъ листамъ съ огромною двойною оберткою изъ парчи и кисеи, на которыхъ ведется корреспонденція принцевъ по ту сторону проходовъ, это былъ листокъ простой бѣлой бумаги въ такой же бумажной оберткѣ. Точно также вмѣсто хвастовства и глупыхъ комплиментовъ, употребляемыхъ въ индійской

корреспонденціи, слогъ этого письма былъ такъ же простъ, какъ и его бумага; то и другое было практично и согласовалось съ радушнымъ и дружескимъ письмомъ и съ обычаемъ, введеннымъ впервые между монголами основателемъ ихъ могущества, великимъ Чингисомъ.

Изъ Санджу мы отправились въ Коштакъ, отстоящій на двадцать пять миль. Перейдя рѣку по твердому каменистому ложу, мы взобрались на высокій песчаный валъ и тотчасъ же оказались среди пустыни, разстлавшейся передъ нами огромной дугой, ограниченной горизонтомъ, и представлявшей волнообразную поверхность гравія, перерѣзанную въ юговосточномъ направленіи неправильными линиями песчаныхъ дюпъ. Растительность была чрезвычайно скудная и тощая, а представителями животнаго міра являлись только немногочисленные жаворонки «чернорогой» породы; но слѣды апталопъ, да тамъ и самъ поръ *тушканчиковъ* свидѣтельствовали о присутствіи въ пустынѣ и другихъ животныхъ.

На половинѣ пути мы пришли къ широкому и неглубокому рву, сошли съ лошадей къ мѣсту отдыха у *дастуркана*, который нашелъ разставленнымъ около замерзшаго водоема, подъ вѣтвями росшихъ вокругъ него тополей. Это мѣсто называется Лангартъ, и состоитъ изъ трехъ или четырехъ хижинъ, среди группы ивъ и *elocagnus*, вокругъ которыхъ были маленькіе клочки пахатной земли.

Далѣе нашъ путь шелъ все тою же пустынею до Коштака, который весьма похожъ на Санджу, хотя гораздо меньше послѣдняго. Онъ расположенъ въ обширной ямѣ на берегу рѣки Киліанъ, соединяющейся съ рѣкою Санджу близъ Гумы далѣе къ юговостоку. Соединившись, рѣки теряются впоследствии въ пустынѣ Токла, представляющей обширное пространство песку, въ сычужихъ горахъ котораго погребены древніе города Хотана. На слѣдующій день мы шли опять такою же пустынной полосой къ отстоящему отсюда на двадцать миль Этограку—«тополевому дому», названному отъ множества тополевыхъ деревьевъ. Это небольшая кучка усадебъ въ оврагѣ маленькой рѣки, начинающейся у подножія нѣсколькихъ гравіевыхъ утесовъ влѣво или къ востоку отъ нашего пути.

Слѣдующая наша стоянка была на двѣнадцать миль далѣе въ Боріи, представляющей такую же группу фермъ, въ такой же впадинѣ, куда мы пришли 4-го ноября черезъ такую же пустыню. Кромѣ маленькаго каравана, вскорѣ по выходѣ изъ Санджу, намъ не было

на пути никакой встрѣчи, не представилось въ пустынѣ ничего, достойнаго замѣчанія; на западѣ она огранивалась низкими горами изъ глины и гравія, скрывавшимися вверху во мракѣ густаго тумана, на востокъ же она тянулась до самаго далекаго горизонта, покрытаго такимъ же туманомъ, сливающимся по цвѣту съ землею. Каштапово-свѣтло-желтый цвѣтъ и земли, и неба былъ до такой степени сходенъ, что на нѣкоторомъ разстояніи не возможно было отличить одно отъ другаго. Вечеромъ намъ удалось впрочемъ развлечься послѣ скучнаго однообразія вида зрѣлищемъ полнаго затмѣнія луны, которое мы могли отлично наблюдать на безоблачномъ небѣ приблизительно часовъ до одиннадцати почи по нашему времени.

Мы не замѣтили, чтобы жители фермъ, среди которыхъ мы остановились лагеремъ, обратили какое нибудь вниманіе на это небесное явленіе, и если они замѣтили его, то ничѣмъ не выказали этого. Кромѣ людей нашей партіи не было видно ни одной души, не слышно ни одного голоса кромѣ лая сторожевыхъ собакъ.

Вообще тишина, обнимавшая эти уединенныя маленькія поселенія, еще и раньше обращала на себя наше вниманіе и во все послѣдующее время нашего путешествія составляла самую рѣзкую черту крестьянскаго быта этой страны. Мы никогда не слышали звуковъ музыки или пѣсни, или веселаго смѣха, которыми утѣшаются по вечерамъ въ деревняхъ всякой другой страны послѣ дневныхъ трудовъ. Мы не замѣчали даже, чтобы народъ собирался когда нибудь поболтать или порѣзвиться, какъ слѣдовало бы ожидать въ подобныхъ обществахъ, по крайней мѣрѣ отъ молодежи. Тѣмъ не менѣе, насъ увѣряли, что народъ этотъ имѣетъ свои собранія и увеселенія и по своему пользуется удовольствіями, точно также какъ и другіе люди. Это очень возможно, и вѣроятно такъ и есть на самомъ дѣлѣ, но мы не замѣчали никакихъ признаковъ всего этого, вѣроятно вслѣдствіе особыхъ условій ихъ положенія: отрѣзанные отъ сосѣдей пустынею, они изолированы и другъ отъ друга вслѣдствіе разбросанности ихъ жилищъ, или быть можетъ строгой дисциплины новой формы правленія, не терпящей сборищъ между побѣжденными подданными.

Изъ Боріи мы отправились въ Каргаликъ, отстоящій отъ нея на двадцать двѣ мили, гдѣ пробыли одинъ день. Первые пятнадцать миль дорога шла по песчаной пустынѣ, а затѣмъ постепенно спускаясь съ горы обширной разстилающейся отъ востока къ западу низ-

менности, покрытой на нѣсколько миль въ ту и въ другую сторону полями Вешъ Арикъ. Это богатое и людное поселеніе, расположенное, какъ показывается его названіе, по пяти каналамъ, проведеннымъ изъ рѣки Тезнафъ (*тезнафи*—значить быстрый и полезный) или Тезабъ (быстрая рѣка), какъ она называется въ «Тарихи Рашиди». Она орошаетъ всю половину до Лакгофа на востокъ, за которымъ опять идетъ пустыня.

Мы сошли съ коней у нѣсколькихъ палатокъ, раскинутыхъ для насъ въ центрѣ поселенія, гдѣ нашли обычный *дастуркванъ*, затѣмъ прошли еще узкую полосу песчаной пустыни, гдѣ нашли дикую руту или *реганитъ*, дикій солодковатый корень, верблюжий тернъ, тамарискъ и пр. и въ часъ достигли Каргалпка, гдѣ расположились въ нарочно для насъ устроенномъ домѣ. Это былъ первый домъ, занятый нами съ тѣхъ поръ, какъ мы оставили Мури, и въ отношеніи комфорта онъ былъ не хуже, чѣмъ въ оставшихся позади насъ нашихъ цивилизованныхъ странахъ, хотя и въ другомъ стилѣ.

Онъ былъ только что оконченъ, и имѣлъ чистый и привѣтливый видъ, а внутренняя обстановка показывала, какъ заботливо старались хозяева согласовать ее съ нашими привычками и потребностями. Планъ постройки былъ вообще туземный, и, подобно всѣмъ другимъ домамъ страны, нашъ домъ былъ сдѣланъ изъ сыраго кирпича на фундаментѣ изъ булыжника, взятаго въ рѣкѣ, и обмазанъ глиной. Постройка эта находилась по срединѣ города и имѣла видъ четырехугольной ограды съ большими воротами, въ которыхъ была поставлена наша стража. На противоположной сторонѣ была открытая веранда, поднимавшаяся надъ землей на два или на три фута и сообщавшаяся посредствомъ двери съ маленькимъ дворомъ, разделеннымъ на части, назначеннымъ для кухни, погреба и другихъ службъ.

Изъ двухъ другихъ сторонъ одна была занята большой комнатой, выходившей въ скверъ, со спальнями по бокамъ, имѣвшими съ одной стороны дверь въ эту комнату, а съ другой въ скверъ; четвертую же сторону занималъ рядъ въ шесть или въ семь маленькихъ спаленъ, защищенныхъ съ наружной стороны верандою. Въ каждой комнатѣ былъ каминъ, какъ и въ нашей родной странѣ, и створчатая дверь, состоящая изъ досокъ, вертящихся на стержнѣ. Полы были устланы прекрасными хотанскими коврами, а стѣны до высоты трехъ футовъ

обтянуты бумажной тканью или плисомъ, чтобы не пачкалось платье, когда прислонишься къ стѣнѣ.

Таковы были всѣ комнаты. Меблировка ихъ состояла изъ нѣсколькихъ стульевъ и кроватей, назначенныхъ исключительно для насъ и устроенныхъ такъ же, какъ и въ нашихъ странахъ. Они вышли не дурно и дѣлали честь изобрѣтательности китайскаго плотника, предоставленнаго своимъ собственнымъ средствамъ и не имѣвшаго никакого образца въ странѣ, гдѣ всѣ сидятъ и спятъ не иначе, какъ на полу.

Кромѣ этого помѣщенія для насъ самихъ, былъ другой четырехугольникъ, черезъ дорогу, для нашихъ слугъ и скота, съ крытыми конюшнями для нѣсколькихъ десятковъ лошадей. Отдыхъ въ такомъ убѣжищѣ былъ весьма кетати, такъ какъ мулы наши, не смотря на ухоть и легкость работы, начинали, повидимому, сильно чувствовать переменну климата; они не такъ легко выносили погоду, какъ лошади отряда нашихъ проводниковъ. Лошади послѣднихъ были тепло покрыты и проведены черезъ проходы отъ Нубры до Санджу, гдѣ всадники ихъ, оставивъ бѣдныхъ маленькихъ животныхъ, перевезшихъ ихъ черезъ горы, снова взяли своихъ кавалерійскихъ лошадей. Лошади эти весьма скоро привыкли къ обстоятельствамъ и ихъ крупный ростъ и горделивый видъ среди мелкаго и неуклюжаго туземнаго скота составляли диво для народа и вмѣстѣ съ всадниками внушали не малое уваженіе къ достойнымъ представителямъ нашей индѣйской арміи. Дѣйствительно, къ двумъ ординарцамъ, ѣхавшимъ впереди нашей кавальгады, обращались обыкновенно всѣ привѣтствіи зрителей, которые любовались ихъ прекрасной формой и воинственнымъ видомъ, а насъ пропускали незамѣченными.

Мулы, напротивъ, вовсе не были такъ бодры, пока они не отдохнули хорошенько на хорошей пищѣ, такъ что приходилось брать въ помощь имъ мѣстный скоть. Но такъ какъ караваны, направлявшіеся въ Лехъ, забрали уже большую часть лошадей на нашемъ пути, то хозяева наши могли дать намъ въ дорогу отъ Санджу до-сюда только быковъ. Животныя эти, повидимому, часто употребляются для переправы черезъ горы, такъ какъ по проходамъ я замѣтилъ много ихъ скелетовъ. Но по моему мнѣнію, для караваннаго дѣла въ этой области всего лучше тибетскіе пони, а затѣмъ кашгарскія лошади; индѣйскій же скоть не годенъ для этой работы.

Каргалакъ — самое большое изъ видѣнныхъ нами до сихъ поръ по-

селеній и представляет торговый городъ. Онъ производитъ много хорошаго хлопка, значительная доля котораго идетъ въ Кованъ въ видѣ грубой ткани, называемой *камъ*. Народъ здѣсь, видѣнный нами въ толпѣ до трехсотъ человекъ, имѣетъ весьма смѣшанный типъ, сходный то съ турецкимъ, то съ китайскимъ, причемъ всѣ эти типы встрѣчаются то отдѣльно, то въ видѣ не особенно привлекательныхъ комбинацій, въ которыхъ бородастый типъ борется съ безбородымъ.

Я измѣрилъ высоту и окружность головы надъ ушами у тридцати праздношатавшихся около нашихъ воротъ людей. У самаго высокаго изъ нихъ ростъ былъ $70\frac{1}{2}$ дюймовъ, а окружность головы 21 дюймъ, у самаго же малорослаго ростъ $61\frac{5}{8}$ дюйма, а окружность головы $21\frac{1}{2}$ дюймовъ. Среднее дало $66\frac{7}{8}$ дюйма для перваго измѣренія и $21\frac{3}{4}$ для втораго. Наибольшая окружность головы дала $22\frac{1}{2}$ дюйма, а наименьшая $20\frac{3}{4}$ дюйма. У всѣхъ мужчинъ на ногахъ были сапоги, а головы бритыя.

Изъ Каргалика мы отправились въ Посгамъ, отстоящій отъ него на двадцать пять миль, гдѣ расположились лагеремъ въ садахъ около рынка. Дорога туда шла по довольно людной и хорошо обработанной мѣстности; тамъ и сямъ попадались поросція тростникомъ болота, чащи тамарисковъ и пустыни, покрытыя солянымъ налетомъ и растеніемъ изъ рода *salsola*. Приблизительно на половинѣ пути мы перешли върѣку Тезнакъ и на каналахъ видѣли остроумное приспособленіе шелушить рисъ помощію водяной силы. Это была водяная мельница съ паливнымъ колесомъ, ось котораго помощію двухъ, прикрѣпленныхъ близъ ея концевъ, планокъ приводила въ движеніе рычагъ. Къ длинному плечу этого рычага прикрѣпленъ былъ подъ острымъ угломъ толкатель, который съ каждымъ взмахомъ планокъ поднимался и падалъ. Вся эта машина грубо сдѣлана изъ дерева и педорога вслѣдствіе своей простоты. Она съ успѣхомъ можетъ быть примѣнена въ Кашмирѣ. Нѣсколько далѣе мы въѣхали въ Яшамба Базаръ, т. е. «Воскресный Рынокъ», * сошли съ лошадей у вповъ выстроенаго дома, передъ *дастуркваномъ*. Изъ двадцати человекъ, державшихъ подносы, у девяти были зобы, а изъ одиннадцати другихъ, стоявшихъ за воротами, было съ зобами пятеро. Мы замѣчали эту болѣзнь на всемъ пути отъ Санджу, но здѣсь, равно какъ и дальше на нашемъ пути, она была повидимому всеобща, и даже въ самомъ Яркандѣ три четверти населенія страдало зобами, достигавшими иногда громаднѣхъ размѣровъ. Здѣсь турец-

кіе офицеры изъ свиты Хаджи Торы явились, на удивленіе туземцевъ, въ полной формѣ и породили множество разпорѣчивыхъ мѣтній о томъ, кто такіе они были. Хотя на головѣ у нихъ и была красная феска съ черной шелковой кистью, составлявшая признакъ ихъ національности, тѣмъ не менѣе ихъ одежда и весь общій видъ были совершенно европейскій, такъ что единоумѣрцамъ ихъ было совершенно простительно не узнать своихъ давно не видавшихся съ ними братьевъ безъ формальнаго представленія, тѣмъ болѣе, что западная форма языка была едва ли понятнѣе для жителей, чѣмъ тотъ странный жаргонъ, на которомъ говорили мы.

Продолжая нашъ путь въ Посгаму, мы проѣхали нѣсколько пустынныхъ и болотистыхъ полей и въ часъ съ половиною достигли лагерной стоянки близъ Шаршамба Базара или «Рынка по середамъ». На слѣдующій день 8-го ноября мы вступили въ Яркандъ, гдѣ и остановились на три педѣли. Дорога туда, на протяженіи двѣнадцати миль, шла по предмѣстьямъ города, который по характеру своему походилъ на описанныя уже деревенскія поселенія, и мили за три до него мы перешли рѣку Яркандъ по широкому и мелкому броду съ твердымъ каменистымъ дномъ. Рѣка называется здѣсь Зарышанъ, т. е. «разсылающая золото», не потому чтобы какой либо драгоценный металлъ скрывался подъ ея волнами, но вслѣдствіе того благосостоянія, которое распространяютъ ея воды орошеніемъ этой мѣстности. Самый городъ со всѣми его южными предмѣстьями получаетъ воду изъ этой рѣки посредствомъ зачухавной сѣти маленькихъ сагаловъ, покрывающихъ землю и наполняющихъ ее жизнью и плодородіемъ, которые кажутся тѣмъ богаче и обильнѣе, что составляетъ противоположность съ безмолвными песчаными и болотистыми пустынями окружающихъ мѣстностей. Рѣка глубока и течетъ двумя большими каналами по широкому каменистому ложу, имѣющему поперекъ около мили, между низкими песчаными валами. Позднѣе воды бываетъ меньше, такъ что можно пройти по камнямъ не замочивъ ногъ. Но въ лѣтній жаръ, отъ таянія снѣговъ и ледниковъ у истоковъ, рѣка наполняется водою, и тогда ее переѣзжаютъ въ лодкахъ, которыхъ двѣ или три стоятъ для этого у перевоза Айгачи на нѣсколько миль ниже того мѣста, гдѣ мы переправлялись.

Мы сошли съ лошадей у нѣсколькихъ палатокъ, раскинутыхъ около дороги близъ Лангаръ Зильчака, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ

города, для утомительной церемоніи *дастуркоана*, и воспользовались случаемъ, чтобы снять свое дорожное платье и надѣть форменное, которое мы посади въ подобныхъ случаяхъ. Пока мы стояли здѣсь, явился эсаулъ-баши Няматулла, «главный жезлоносецъ» при дворѣ дадкаха, чтобы отъ имени своего господина встрѣтить и привѣтствовать посланника. Въ рукѣ у него была эмблема его должности, длинный бѣлый явовый жезлъ, съ которымъ онъ повидному не разставался, ибо мы всегда видѣли его съ этимъ жезломъ. Его сопровождала стража человекъ въ двадцать солдатъ, которые всѣ были одѣты и вооружены подобно ему, какъ андижанцы.

Онъ былъ представляеть посланнику Хаджи Торою и, послѣ обычныхъ взаимныхъ привѣтствій, передавъ свои сообщенія, подвелъ къ нему свою стражу для выраженія почтенія. Она стояла до этого времени выстроившись въ рядъ по одну сторону площади передъ нашей палаткой, теперь же раздѣлилась на группы по пяти и по шести человекъ, которыя поочередно стали подходить для привѣтствія къ тому мѣсту, гдѣ стоялъ посланникъ и свита. Они дѣлали это, падая на одно колѣно и быстро взмахивая передъ собою обѣими руками, при чемъ бормотали какія-то слова, смыслъ которыхъ мы не могли понять; затѣмъ они вставали, поглаживая бороды, и отступали назадъ на свои мѣста, послѣ чего подходила другая группа и продолжала ту же самую церемонію. Вся процедура продолжалась нѣсколько минутъ. Люди эти были красивы, и по типу своему совершенно отличались отъ остального народа страны; въ широкыхъ складкахъ своего платья они казались чрезвычайно высокими.

У нихъ были надѣты высокіе сапоги, подбитые мѣхомъ, которые отчасти прикрывались широкими штанами. Последніе были чрезвычайныхъ размѣровъ и надѣты по двѣ, по три и даже болѣе паръ — одни сверхъ другихъ. Сверхъ всего надѣты были одна на другую длинныя одежды въ видѣ халата, числомъ четыре, пять или шесть. Они были изъ набивной бумажной ткани или коканскаго шелку всевозможныхъ яркихъ цвѣтовъ и крупныхъ цестрыхъ рисунковъ. Рукава были необычайной длины, вверху широкіе, а внизу узкіе, такъ что топырились выше кисти въ видѣ буфы, расширяющейся кверху. У пояса, складки длиннаго шарфа перятыгивали все платье въ два огромные узла, верхній и нижній, которые въ особенности топырились при сидячемъ положеніи. Къ шарфу этому была прицѣплена кожана я перевязь, на которой висѣлъ мечъ и множество приборовъ

для длиннаго ружья, стрѣляющаго съ сошки, которая висѣла на плечѣ и поддерживалась рукою, и всякія другія необходимыя для солдата вещи. Здѣсь были кожаные мѣшечки для пороху и пуль, футляры изъ выдѣланной кожи для молотка, пила, ножа и пр; здѣсь были также кремь и огниво, маленький ящичекъ для нюхательнаго или курительнаго табаку, и чего чего только тутъ не было. Сверхъ же всего, какъ бы вѣпецъ всей одежды, былъ бѣлоснѣжный тюрбанъ, гордый знакъ преданности исламу.

Когда эта церемонія была окончена, мы сѣли снова на лошадей и отправились въ городъ. Эсауль-баши и его стража, верхомъ, на крѣпкихъ маленькихъ туземныхъ лошадяхъ, ѣхали впереди. За ними слѣдовалъ верховой отрядъ нашихъ проводниковъ, затѣмъ посланникъ съ Хаджи-Торою — каждый въ сопровожденіи своихъ офицеровъ и наконецъ наши верховые спутники. Приблизительно въ милѣ отъ города мы были встрѣчены главнѣйшими купцами и гражданами. Они стояли около дороги, и, привѣтствуя насъ, присоединились къ нашей партіи и увеличили процессію всадниковъ до двухсотъ пятидесяти человекъ. Никто изъ нихъ не былъ хорошо одѣтъ и не имѣлъ оружія, исключая нѣсколькихъ примѣнавшихся къ нимъ офиціальнымъ лицъ отъ правительства. Общій видъ ихъ былъ оборванный и тѣмъ болѣе выдѣлялъ намъ собственное *grande tenue*.

Близъ города дорога, какъ мы замѣтили, была только наскоро очищена, лужи засыпаны, кучи навозу разровнены, и по обѣимъ сторонамъ ея стояли толпы гражданъ, которые при проѣздѣ нашемъ хранили полное спокойствіе и смотрѣли на насъ съ почтительнымъ молчаніемъ. Они не выказывали ни удивленія, ни любопытства, не произносили ни одного звука. Они были одѣты въ овчины и подбитые ватой туземные халаты изъ бумажной ткани, на ногахъ были высокіе сапоги, а на головѣ татарскія мерлушковые шапки, опушенные выдрюю. Люди были хорошо расположены къ намъ, на сколько можно было судить по ихъ безобразнымъ лицамъ и невыразительному взгляду.

Я никогда не видывалъ болѣе смиренной толпы и болѣе покорно смотрѣвшаго народа, чѣмъ тотъ, среди котораго мы вѣзжали въ Яреандъ. Въ то же время я никогда не видывалъ такого собранія отталкивающихъ и хилыхъ лицъ. Я не въ состояніи дать точное понятіе о томъ смѣшеніи фizioномій, которое представляла эта толпа, хотя надъ всѣмъ разнообразіемъ формъ и преобладалъ одинъ глав-

ный типъ. Сухощавое, безбородое лице и толстое сложеніе манджуровъ со впадинами глазами и высокими скуловыми костями представляли крайность въ одномъ направленіи, а толстое, совершенно гладкое лице красновато-желтаго калмыцкаго цвѣта съ косыми глазами и плоскими щеками—въ другомъ.

Между этими какъ бы семейными типами были и бородатый блѣдно-желтый мѣстный турокъ, и угловатый румяный киргизъ степей; затѣмъ дунганъ, съ его грубыми, рѣзкими чертами лица, и толстогубый китаецъ, съ его четырехугольной фizioноміей; какъ тѣ такъ и другіе изъ западнаго Китая; наконецъ еще цѣлое множество разнообразныхъ монгольскихъ формъ, въ которыхъ отличительныя черты другихъ типовъ сдѣлались неопредѣленными вслѣдствіе смѣшенія ихъ или же утратились вслѣдствіе сильной посторонней примѣси, слѣды и послѣдствія которой были замѣтны въ бывшей передъ нами толпѣ. Привлекательны своею оригинальностью высокій ростъ и красивое лице кавказца, чистый типъ котораго можно было видѣть отъ времени до времени въ бѣлокожемъ кашмирцѣ и его болѣе смугломъ родственникѣ бадакшандѣ; главнѣйшія черты ихъ совершенно сохранились въ «оргунахъ», происшедшихъ отъ ихъ браковъ съ туземными женщинами. Точно также достойны замѣчанія крѣпкое сложеніе и умный взглядъ господствующаго нынѣ въ странѣ народа—узбек-татаръ Андижана и «чалуртовъ»,—происшедшихъ отъ прежнихъ смѣшеній андижанъ съ мѣстнымъ народомъ, при чемъ прекрасная комбинація племенныхъ типовъ, вслѣдствіе смѣшенія съ таджиками, ничуть не потеряла отъ возвращенія къ первоначальному турецкому типу.

Таковы были главнѣйшія семейныя различія въ лицахъ видѣнной нами здѣсь толпы, если принимать за образецъ лучшія изъ нихъ, ибо цѣлая половина всѣхъ людей были обезображены въ болѣе или меньшей степени зобами и болѣзненнымъ выраженіемъ лица, происходившимъ, какъ я узналъ впоследствии, болѣе отъ чрезмернаго употребленія опиума и *бани*, чѣмъ отъ природной блѣдности кожи.

Мы въѣхали въ городъ черезъ Алтупъ Дабза, т. е. «Золотыя Ворота», съ южной его стороны, затѣмъ, проѣхавъhalbо нѣсколько улицъ, тамъ и сямъ занятыхъ рядами лавокъ или частныхъ домовъ, выѣхали черезъ Кавугать Дабза, т. е. «Дынные Ворота», на западной сторонѣ, на *тсингай*, т. е. «общественный рынокъ», китайскихъ

временъ. Это былъ родъ военнаго базара между городомъ и его фортомъ, или *манжинномъ*, нынѣшнимъ Янгишагаромъ, въ четырехъ стахъ ярдахъ или около того, къ западу. Въ дни своего процвѣтанія онъ былъ, какъ намъ рассказывали, чрезвычайно оживленъ и главная его улица все еще представляеть веселый видъ, съ своими раскрашенными флагами и вывѣсками лавокъ китайскихъ бунцевъ, прїѣзжавшихъ сюда для продажи и закупки товаровъ; трактиры же и шалаши постоянныхъ жителей были всегда полны посѣтителями и искателями удовольствій изъ города и форта.

О прежнемъ движеніи и дѣятельности свидѣльствуютъ нынѣ жалкія развалившіяся хижины *sutlers* близъ воротъ. Направо за ними находятся разрушившаяся палата суда и сохранившаяся мечеть—оба эти зданія выдаются по своимъ размѣрамъ. Позади ихъ есть открытое пространство, служащее скотнымъ рынкомъ и мѣстомъ базней, для которыхъ на возвышеніи, въ верхнемъ концѣ площади, стоитъ виселица съ тремя глаголями; но спаружи, черезъ дорогу, зданія эти имѣютъ видъ разломанныхъ стѣнъ и груды развалинъ.

Мы не видѣли стражи ни у однихъ изъ городскихъ воротъ, черезъ которыя мы проѣзжали, исключая двухъ-трехъ сидящихъ на землѣ человекъ, съ лежавшими возлѣ нихъ ружьями. Но, вѣзжая въ фортъ по перекинутому черезъ ровъ подъемному мосту, мы проѣхали мимо караулки между наружными и внутренними воротами, на верандѣ которой сидѣло человекъ тридцать, вооруженныхъ подобно описаннымъ выше. Покрой платья у нихъ былъ самый разнообразный, но у всѣхъ были надѣты одинаковыя бѣлые тюрбаны. Всѣ они сидѣли на пяткахъ скрещенныхъ ногъ, безмолвно и недвижимо, какъ статуи, съ положенными передъ собою въ рядъ большими ружьями, дуломъ впередъ, съ мечами на колѣблахъ. Руки у нихъ были сложены вмѣстѣ и скрыты спускавшимися рукавами, чрезвычайная длина которыхъ устранила необходимость перчатокъ. Когда мы проѣзжали мимо, то нѣкоторые изъ нихъ подняли глаза, чтобы взглянуть на насъ, но у большей части они остались по прежнему устремленными въ землю съ почтительнымъ наклоненіемъ головы. Когда мы проѣзжали внутреннія ворота, то вправо отъ насъ видѣнъ былъ сарай съ цушечными лафетами и старыми пушками, остатками отъ китайскаго управленія. Около этого сарая было человекъ тридцать артиллеристовъ, одѣтыхъ въ красную турецкую

форму—штаны, курту и шапку; все было изъ одного матеріала, но плохаго качества и дурно спито. Всѣ они сидѣли, и когда мы проѣзжали мимо, то только повернули къ намъ свои удивленные лица.

Далѣе мы проѣхали еще немного между стѣнъ съ солдатскими помѣщеніями по обѣимъ сторонамъ, и затѣмъ сошли съ лошадей на дворъ приготовленной для насъ резиденціи, той самой, которую занималъ съ своей партіей м-ръ Форситъ, когда былъ здѣсь въ 1870 г., но увеличенной нѣсколькими комнатами, такъ какъ насъ было больше. Помѣщеніе было снабжено коврами и пр. почти въ томъ же родѣ, какъ въ Каргаликѣ.

Тотчасъ же по нашемъ прибытіи, не смотря на то, что мы не болѣе часу тому назадъ исполнили уже обычный долгъ въ Зильчакѣ, былъ принесенъ *достуркванъ* изъ девяносто двухъ подносовъ съ плодами и сладостями, такимъ же числомъ солдатъ, которые заняли почти весь дворъ, между тѣмъ какъ на верандѣ, передъ помѣщеніемъ посланника, было разставлено множество вареныхъ кушаньевъ. Въ то же самое время одинъ изъ главныхъ приближенныхъ ко двору дакбага явился къ посланнику отъ имени своего господина для *ачманъ харманъ* («пе голодны ли вы, и не устали ли вы»), т. е. церемональнаго освѣдомленія о здоровьѣ и пр., и черезъ него было условлено, что посланникъ посѣтитъ дакбага на слѣдующій день.

Между тѣмъ, оставаясь пока дома, мы устроились въ своихъ помѣщеніяхъ и осмотрѣли ихъ. Мы имѣли полное основаніе остаться довольными заботливостью объ насъ, какъ о гостяхъ Аталыка Хазы. Во все время нашего пребыванія здѣсь, мы пользовались всевозможнымъ вниманіемъ со стороны официальныхъ лицъ, назначенныхъ служить намъ, и полною свободою осматривать городъ и его окрестности.

На слѣдующій день въ два часа, какъ было назначено, явился эсаулъ-баша, чтобы проводить посланника, который въ сопровожденіи своей свиты, въ вицъ-мундирѣ, отдалъ официальный визитъ дакбагу. Резиденція его составляла нѣчто въ родѣ внутренняго форта или цитадели, неподалеку отъ насъ, на концѣ той же улицы. Около самой цитадели стояла артилерійская стража передъ шестью, восемью ружьями. Она была одѣта въ красную, уже описанную, форму и стояла у ружей; когда мы проходили мимо открытое мѣсто передъ воротами, для чего то было только-что отгорожено и

поперегъ входа положена перекладина. Впрочемъ послѣдняя была принята, когда мы представлялись, такъ что мы проѣхали на лошадяхъ до самыхъ воротъ. Стража встала, когда мы проѣзжали мимо, и Мухаммедъ Али, старшій сынъ дакваса и махрамбаши т. е. «главный пажъ» при его дворѣ, принявъ послапника на внѣшнемъ дворѣ, провелъ его въ залъ аудіенціи черезъ два другіе двора, изъ которыхъ въ каждомъ стояла стража. Здѣсь даквасъ вышелъ на веранду и принялъ самъ послапника весьма радушно. Мы всѣ были также поочередно представлены, послѣ чего опъ сѣлъ съ своимъ гостемъ на подушкахъ, на возвышеніи въ залѣ, мы же расположились въ рядъ также на подушкахъ пониже ихъ.

Зала аудіенціи была веселая комната въ шестьдесятъ или семдесятъ футовъ длины и въ двадцать пять футовъ ширины, съ четырьмя или пятью окнами, выходившими на веранду. Потолокъ былъ росписанъ яркими красками и изукрашенъ персидскими стихами. Полъ покрывали хотанскіе ковры, и кромѣ ихъ никакой мебелировки не было. Когда нашими людьми были поднесены подарки, явился *дастуркванъ* изъ чаю, сладостей, печенья и плодовъ, какой подается гостямъ при всякомъ обыкновенномъ случаѣ. Вареная шипца, какъ прежде, подается лишь въ необыкновенныхъ случаяхъ, напр. на пути, и служить вмѣсто обѣда. Чай былъ превосходный и имѣлъ особенный пріятный и совершенно новый для насъ аромат. Онъ былъ приготовленъ безъ молока, въ какомъ видѣ конечно и слѣдуетъ употреблять этотъ напитокъ. Даквасъ сказалъ намъ, что чай этотъ получается черезъ русскихъ купцовъ изъ Алматы. Въ настоящее время онъ весьма рѣдокъ въ странѣ и продается, какъ мнѣ помнится, по шестнадцати или восемнадцати шиллинговъ за фунтъ. Здѣсь нашли себѣ сбытъ и нѣкоторые индійскіе чаи, но едва ли успѣли приобрести особенное расположеніе, такъ какъ запахъ ихъ совершенно не похожъ на тотъ, къ которому привыкъ здѣшній народъ. Во время нашего пребыванія въ Кашгарѣ, посланникъ подарилъ Аталыку-Хазы нѣсколько тюковъ гималайскаго чаю, привезеннаго имъ изъ Индіи, но его высочество такъ плохо оцѣнилъ его качество, что раздѣлилъ весь между своими офицерами и слугами, прежде даже чѣмъ мы успѣли выѣхать отъ него. Даквасъ принималъ насъ однихъ, ординарцы же послапника вмѣстѣ съ нѣсколькими придворными и нашимъ лагернымъ сержантомъ стояли въ дверяхъ. Послѣдній былъ въ полномъ шотландскомъ костюмѣ, со знаменемъ, и лентами своихъ

трубъ доверилась великолѣпіе своей наружности. Хозяинъ нашъ разъ или два взглянулъ на него, но къ удивленію нашему не сдѣлалъ никакого замѣчанія. Впослѣдствіи мы узнали, что деликатность подавила въ немъ естественное любопытство, которое, по нашему мнѣнію, долженъ былъ возбудить этотъ странный нарядъ; дадывагъ былъ такъ скандализованъ видомъ голыхъ колъвъ, что сдѣлалъ выговоръ своему *эсауль-баши* за то, что тотъ «слишкомъ торопиль насъ, отчего одинъ изъ членовъ нашей свиты явился передъ нимъ безъ штановъ».

Обширное чтеніе не познакомило дадывага съ особенностями «Одежды Галла» и изъ нашего визита онъ узналъ нѣчто новое. Мухамедъ Юнусъ, хотя и не имѣлъ такой опытности, какъ Хаджи Тора, тѣмъ не менѣ слылъ за самаго ученаго человѣка между властителями страны андлѣпцами, и конечно былъ самымъ лучшимъ изъ управителей. Родомъ онъ изъ Ташкента, гдѣ жили его братья, когда мы были въ Ярландѣ, и былъ писцомъ Аталыка Хазы, когда послѣдній занималъ должность *мира* (соответствующую посту бея въ Саиджу, т. е. губернатора маленькаго деревенскаго округа) подъ управленіемъ Маллахъ Хана.

Когда Аталыкъ Хазы, бывшій въ то время *куибеги* Якубъ Бекомъ, сталъ на сторону киччакскаго предводителя Алимъ Кула, то секретарь его получилъ назначеніе къ двору новаго хана въ качествѣ *шахаваль-баши* или «главнаго контролера» офицеровъ, обязанныхъ принимать гостей и иностранцевъ. По смерти Алимъ Кули въ дѣлѣ противъ русскихъ въ Ташкентѣ и возвращеніи Худояръ Хана къ управленію Коканомъ, онъ бѣжалъ изъ страны съ нѣкоторымъ числомъ другихъ лицъ, бывшихъ во время предшествовавшей возвышенію Алимъ Кула революціи, и противъ русскихъ, и противъ Худояра и вмѣстѣ съ ними явился къ Аталыку Хазы въ Кашгаръ вскорѣ послѣ того, какъ послѣдній, низвергнувъ своего господина, Ходжу Бузургъ Хана, захватилъ управленіе въ свои руки.

Старый господинъ охотно принялъ его снова къ себѣ въ службу и, полагаясь на него, какъ на самаго вѣрнаго и умнаго своего совѣтника, назначилъ его во вновь прибрѣтенной области Ярланда, занимающей приблизительно такое же пространство, хотя и не столь населенной, какъ пешеварскій округъ, на должность *дадывага*, или «первокласснаго» губернатора, въ родѣ нашего комиссара округа въ Пенджабѣ. Репутація, прибрѣтенная имъ на его первой долж-

ности, не оставила его и здѣсь, отчего соотечественники обыкновенно именуютъ его шахаваль-дадывагъ. Въ первые годы правленіе его было чрезвычайно строгое, и если вѣрить молвѣ, то на висѣлицахъ постоянно качались преступники, пока мѣстность дѣйствительно не была очищена отъ злодѣевъ. Во всякомъ случаѣ теперь граждане не выказываютъ особенныхъ признаковъ обыкновенно приписываемаго имъ буйнаго и задорнаго нрава, хотя все еще находятся подъ весьма строгимъ полицейскимъ надзоромъ. Впрочемъ намъ дадывагъ былъ извѣстенъ съ хорошей стороны, благодаря его гостепримству въ отношеніи къ нашимъ путешественникамъ изъ Индіи; онъ много способствовалъ торговлѣ съ Индіей миролюбивымъ обхожденіемъ съ нашими купцами безъ всякаго примѣненія требованій *шариата* и религіозныхъ стѣсненій, каковы двойной размѣръ пошлины съ индусовъ и другихъ не-мусульманъ, воспрещеніе тюрбану вѣзда въ городъ, если онъ ѣдетъ на осѣдланной лошади и т. д.

Послѣ этого визита мы сдѣлали визитъ Хаджи Торѣ, занимавшему домъ какъ разъ противъ нашего помѣщенія, а вечеромъ отправились вмѣстѣ съ нимъ въ городъ, гдѣ долженъ былъ быть приготовленъ для насъ *гаммамъ*. Нѣкоторые изъ чиновниковъ дадывага попробовали-было отговариваться, не желая повидимому, чтобы мы входили въ ихъ баню, но препятствіе это было скоро устраниено Хаджи Торою, — пославшимъ одного изъ своихъ собственныхъ слугъ устроить все дѣло и затѣмъ присоединившимся къ нашей партіи, чтобы насладиться вмѣстѣ съ нами. Мы были особенно обязаны нашему другу за этотъ поступокъ, такъ какъ затѣмъ мы уже пользовались полной свободой дѣйствій во все время нашего пребыванія въ этой странѣ шпіонства и полицейскихъ стѣсненій, тяжесть которыхъ испытали Гайвардъ, Шау и русскіе посѣтители, хотя и въ самой легкой формѣ въ сравненіи съ участью, которая навѣрное постигла бы ихъ въ Кабулѣ.

Гаммамъ конечно не обошелся безъ обычнаго *дастурхана* и мы вернулись въ свои квартиры совершенно довольные успѣхами дня, хотя, вслѣдствіе вышеупомянутаго недоразумѣнія, баня не была натоплена такъ хорошо, какъ бы слѣдовало для того, чтобы вполне насладиться ею. Она походила во всѣхъ отношеніяхъ на бани Пешавара и между банщиками ея довольно интересны были два афганца. Одинъ изъ нихъ завязалъ со мной знакомство и рассказалъ

миѣ всю мою жизнь съ изумившею меня вѣрностью. Изъ его болтовни я узналъ, что онъ родомъ изъ Кандагара, былъ въ Пешаварѣ и два года тому назадъ пробрался сюда черезъ Кабуль и Вадакпанъ. Замѣчательно, какъ странствуютъ всюду эти афганцы. Въ качествѣ торговцевъ и солдатъ они проходятъ всю Индію до Дегана, встрѣчаются въ Турціи и Египтѣ, Нижнемъ Новгородѣ, равно какъ и на рынкахъ Тегерана и Бухары. О многочисленности же ихъ здѣсь даетъ понятіе тотъ фактъ, что когда Аталыкъ Хазы прибылъ въ Кашгаръ, къ нему присоединилось ихъ болѣе ста человекъ. Люди эти, подобно и другимъ ихъ соотечественникамъ, служащимъ въ арміи управителя Хотана, во время дунганскаго мятежа были, повидимому, разсыяны по городамъ страны въ качествѣ торговцевъ, и при появленіи Хазы промѣняли денежныя спекуляціи на военные грабежи и выгоды, которые, помимо естественныхъ слѣдствій, были обязательны для нихъ, какъ для ревнителей ислама.

Въ пылу религіознаго и воинственнаго рвенія они становились подъ знамя Аталыка Хазы и не мало способствовали успѣху его походовъ; но сами они при этомъ попали въ тенета, на которыя въ то время не обращали вниманія. Втеченіе ряда своихъ побѣдъ, все они потѣшились на мѣстныхъ женщинахъ, болшею частью военноплѣнныхъ, когда же начальниги ихъ шайки стали независимымъ господиномъ мѣста своихъ побѣдъ, они оказались подданными короля-деспота, а вовсе не благородными воителями за вѣру, или свободными кочевниками по владѣніямъ невѣрныхъ, какъ они рассчитывали. По окончаніи войны многіе изъ нихъ цытались получить позволеніе вернуться домой, но оказалось, что Кашгарія, семейныя узы привязали ихъ къ землѣ слишкомъ сильно, и они не были въ состояніи освободиться. Оказалось, что новый управитель не позволялъ ни одной женщинѣ оставить пріобрѣтенной имъ страны, со столь порѣдѣвшимъ, вслѣдствіе послѣднихъ убійствъ и войнъ, мужскимъ населеніемъ, точно такъ же, какъ не позволялъ мужьямъ ихъ и законнымъ покровителямъ оставлять ихъ на шею другимъ. Такимъ образомъ афганскіе авантюристы имѣютъ дѣйствительно весьма мало шансовъ хоть когда нибудь выйти изъ насильственно присвоенной ихъ страны, ибо управитель ея на столько же не терпитъ, чтобы мужчина оставлялъ его владѣнія, на сколько строго запрещаетъ это женщинамъ. Въ то же время быстрая расправа съ поймаемыми бѣглецами достаточна для того, чтобы удерживать даже

самыхъ предприимчивыхъ людей отъ попытокъ обезпечить свою свободу черезъ уклоненіе отъ закона,

Еще до нашего вступленія въ страну, Хаджи Тора сообщилъ между прочимъ посланнику и то мѣстное правило, чтобы имъ могли руководствоваться тѣ изъ нашихъ спутниковъ, которые вздумали бы подарить свои сердца мѣстнымъ красавицамъ, и такимъ образомъ потерять свою свободу. «Они могутъ жениться здѣсь, если пожелають, сказалъ онъ, — это не запрещается, но, если уже женятся, то должны оставаться здѣсь. Они не могутъ тогда оставить страну вмѣстѣ съ вами». Но возьмусь рѣшить вопроса, прелести ли татарскихъ красавицъ имѣли мало привлекательности, или же слишкомъ страшно было правило Аталыка Хазы, но фактъ тотъ, что болѣе чѣмъ изъ ста подданныхъ Индіи—ни одинъ не захотѣлъ измѣнить вѣрноподданство даже для такихъ бережливыхъ женъ и такихъ правобѣрныхъ правилъ, какими славится Кашгаръ.

Я открылъ при резиденціи какъ здѣсь, такъ и впоследствии въ Кашгарѣ, бесплатную аптеку для бѣдныхъ, и между посѣщавшими ее видѣлъ много афганцевъ, служащихъ у Аталыка Хазы. Изъ разговоровъ съ ними на ихъ языкѣ, котораго не понимали окружающіе, мнѣ удалось познакомиться съ положеніемъ дѣлъ страны, чего нельзя было сдѣлать ни черезъ андижанцевъ, назначенныхъ служить намъ, ни черезъ народъ, который былъ старательно отдаляемъ отъ насъ, такъ что мы имѣли возможность видѣть его лишь въ присутствіи его опекуновъ.

Полицейская система здѣсь, какъ мы вскорѣ открыли, представляетъ самую запутанную сѣть, которой никто не понимаетъ и всякій боится. Вслѣдствіе этого народъ молчаливъ и подозрителенъ. Визиты изъ дома въ домъ не одобряются правительствомъ и за частными разговорами наблюдаютъ его агенты. Народъ видитъ шпиона во всякомъ встрѣчномъ и потому здѣсь всѣ, вмѣсто всякаго разговора, обращаются другъ къ другу лишь съ учтивыми общими фразами и вѣжливыми поклонами. Всѣ знаютъ, что всякое слово, всякій поступокъ будутъ извѣстны и потому ведутъ себя соотвѣтственнымъ образомъ. Ни одинъ путешественникъ или купецъ не можетъ тронуться съ мѣста, или оставить страну, не имѣя на то разрѣшенія, и ни одинъ подданный не можетъ отправиться изъ одного города въ другой безъ паспорта, а чтобы оставить страну для торговли, богомолья или другой какой надобности, долженъ пред-

ставить обезпеченіе. Вся система вообще такъ же хорошо организована, какъ и въ болѣе цивилизованныхъ странахъ Европы, гдѣ только она существуетъ, и при томъ она устроена почти по тому же образцу, что много говоритъ въ пользу административныхъ талантовъ Аталыка Хазы и его главнаго совѣтника, иранскаго дадкавага. Намъ пришлось испытать дѣйствіе этой системы вскорѣ послѣ того, какъ мы встали подъ ея покровительство, и случай этотъ открылъ намъ всю таинственную сѣть ея агентовъ, заставивъ насъ быть осторожнѣе среди нашихъ хозяевъ и друзей.

ГЛАВА VIII.

Исторія города Ярканда.—Политическія партіи въ странѣ.—Времена китайскаго владычества.—Дунганское возстаніе.—Внутренность города.—Разноплеменность его жителей.—Внутренность ресторана.—Торговый и будничный день.—Прогулка по лавкамъ.—Колебательная жизнь татарскихъ дѣтей.—Русскія покрывки и англійское содержимое.—Лавка съ желѣзнымъ товаромъ.—Городскія учрежденія.—Остатки китайскаго владычества.—Андижанскій караванъ-сарай.—Городской магистратъ.—Упадокъ процвѣтанія.

Во время нашего пребыванія въ Ингишахарѣ или «Новомъ Городѣ» Ярканда мы пользовались предоставленной намъ свободой посѣщать смежный Кухна Сахаръ, т. е. «Старый Городъ», съ цѣлью изучить его особенности и познакомиться, по возможности, съ его исторіей. Мы видѣли его суетливость и людность въ рыночные дни, а также пустынность и бездѣятельность его улицъ въ обыкновенное время, и имѣли полную возможность судить о его размѣрахъ, населеніи, торговлѣ и промышленности.

Яркандъ одинъ изъ древнихъ городовъ Татаріи; въ отдаленныя времена онъ былъ резиденціей турецкихъ князей афразіабской династіи. Мнѣ не удалось встрѣтить объясненія относительно происхожденія его названія, но слѣдуя Ремюза, который производитъ Хотанъ отъ санскритскаго Кустана, я осмѣливаюсь предполагать, что оно происходитъ изъ того же источника вмѣстѣ съ нѣсколькими другими мѣстными названіями, хотя нынѣшняя орографія ихъ и не ясно выдастъ ихъ происхожденіе отъ санскритскихъ формъ, какъ въ вышесприведенномъ примѣрѣ. Но этимологія ихъ не можетъ быть произведена ни отъ какаго мѣстнаго корня, въ то время какъ легко и безъ натяжки передѣлывается изъ санскритскихъ формъ, что, вмѣстѣ съ древнею историческою связью страны, говоритъ, повидимому, въ

пользу вышеприведеннаго мѣстна. Такимъ образомъ Яркандъ есть татарская форма Гари Кандъ, что значитъ «жилище Гари»; въ другихъ мѣстахъ его называютъ Гератъ и Гари близъ Пешавара — Гари Чандъ, а близъ Дели — Гариана. Гражданами своими это мѣсто называется Гярканъ, но пишется Яркандъ. Городъ не показываетъ слѣдовъ того, чтобъ когда нибудь онъ занималъ большее пространство, чѣмъ занимаетъ въ настоящее время. Повидимому, онъ былъ столицей лишь маленькаго, окруженнаго песками, округа, среди котораго онъ находится, и только иногда во время революцій, въ качествѣ мѣстопробыванія властей, возвышался надъ другими подобными же маленькими государствами, составляющими его естественную географическую территорію въ бассейнѣ рѣки Таримъ.

Уэлльсъ Уилльямсъ въ своей «Срединной Имперіи» приписываетъ, какъ мнѣ помнится, стѣнамъ Ярканда окружность въ семнадцать миль. Но невѣроятно, чтобы городъ когда нибудь достигалъ подобныхъ размѣровъ, ибо страна не въ состояніи была бы пропитывать его населеніе, если только характеръ его не былъ прежде совершенно иной, чѣмъ въ настоящее время. Гораздо возможнѣе, что при взмѣреніи были включены и окрестности, изъ которыхъ получались городомъ средства для пропитанія, такъ какъ и въ настоящее время Яркандъ, какъ городской округъ, отдѣльно отъ территоріи, находящейся въ его непосредственномъ вѣдѣніи, имѣетъ пожалуй именно такую окружность.

Благодаря своему положенію на линіи древнихъ караванныхъ путей изъ Китая въ Турцію, черезъ Каратегинъ и Бадакшанъ въ Балкъ, онъ имѣлъ прежде довольно большое значеніе, и долго оспаривалъ у Кангара честь быть столицей страны. Но лучшее положеніе послѣдняго на болѣе прямомъ и легкомъ пути черезъ Андижанъ, вмѣстѣ съ его стратегическимъ значеніемъ, уже давно обезпечило за нимъ первенство, удерживавшееся имъ болѣе или менѣе непрерывно отъ времени возвышенія арабовъ до паденія моголовъ. Яркандъ между тѣмъ имѣлъ второстепенное значеніе, и лишь отъ времени до времени, когда анархія давала къ тому случай, достигалъ кратковременной независимости, какъ отдѣльное государство, но, повидимому, не былъ мѣстопробываніемъ правительства, пока Абабартъ Мирза не сдѣлалъ его столицей своего царства, границами котораго были Аксу и Хотанъ на востокѣ, Атбани и Исыкъ-Куль на сѣверѣ, Узкандъ (нынѣ въ развалинахъ), Ушъ и Мади, Жагракъ

и Болорскія или Памирскія степи до Вакхана на западѣ, и Тибетское плоскогорье до Каракорума на югѣ.

Абабакръ значительно украсилъ городъ большими домами и садами и усилилъ его укрѣпленія такими затѣями, которыя авторъ «Тарихи Рашиди» описываетъ какъ новостъ страны. Опъ снабдилъ каждыя городскія ворота паружнымъ укрѣпленіемъ, выдающимся впередъ шаговъ на сто. Въ ста шагахъ отъ воротъ снаружи были выстроены двѣ круглыя башни для стрѣлковъ, соединявшіяся съ воротами параллельными, крытыми ходами, откуда защищавшіеся могли сыпать свои стрѣлы на осаждающаго ворота непріятели.

Укрѣпленія эти оказывались весьма дѣйствительными при прежнемъ оружіи, такъ что Юнусъ два раза потерпѣлъ неудачу, пытаясь взять городъ, хотя силы его были оба раза несравненно превосходнѣе, чѣмъ у осаждаемыхъ. Нпшѣ уже ничего не осталось отъ этихъ укрѣпленій, хотя мѣста ихъ у каждыя воротъ обозначены параллельными рядами шалашей и хижинъ, почти такой же длины, какъ и прежнія укрѣпленія. О городѣ во времена Абабакра въ упомянутомъ выше сочиненіи говорится слѣдующее: стѣны, перестроенныя Абабакромъ, заключали пространство въ 200 кв. *мэнговъ*, и имѣли шесть воротъ, защищенныхъ вышеописаннымъ образомъ. Часть внутренняго пространства была окружена другою стѣною, какъ *артъ* или цитадель, гдѣ находился дворець, а остальное раздѣлялось на двѣнадцать парковъ или садовъ, изъ которыхъ въ каждомъ были дворцы богатыхъ жителей и до ста простыхъ домовъ. При копачіи и выравниваніи земли во время этихъ усовершенствованій одинъ *казюкъ*, т. е. толпа арестантовъ, напелъ колодець со скрытыми богатствами. Стоимость найденныхъ тамъ драгоценностей и монетъ была такъ велика, что Абабакръ предпринялъ систематическую раскопку всѣхъ древнихъ развалинъ въ своихъ владѣніяхъ, и въ развалинахъ Хотана добылъ огромное количество драгоценныхъ камней и металловъ. Большая часть этихъ богатствъ была расхищена войсками Саида, но самыя дорогія сокровища были захвачены Абабакромъ при его побѣгѣ въ горы и въ концѣ концовъ были погребены въ потокахъ рѣкъ Юранкаша и Каракаша. Эта то жадность къ неизвѣстнымъ богатствамъ и была причиною всѣхъ его жестокостей и страданій его жертвъ въ «шайкахъ искателей сокровищъ», названныхъ *казюками* по сходству ихъ съ толпами галерниковъ въ Европѣ. Какъ самыя ужасныя преступники, такъ и невинныя жертвы его гибла—всѣ, безъ различія

степени преступленія и шота, приговаривались въ *казюки* для увеличенія числа работниковъ.

Городъ снабжался водою посредствомъ каналовъ, проведенныхъ Абабагромъ изъ рѣки Ярландъ. Качество этой воды чрезвычайно восхваляется, и народъ считаетъ ее лучшею во всемъ мѣрѣ. Ей вовсе не приписывается дѣйствія производить зобъ, столь распространенный здѣсь, и во всей книгѣ я не встрѣтилъ ни одного упоминанія объ этой болѣзни. Не думаю, чтобы я могъ пропустить что либо касательно этого и потому нахожу это весьма страннымъ, такъ какъ Мирза Хидаръ всюду даетъ весьма полныя и вѣрныя описанія страны вообще. Между тѣмъ распространенность этой болѣзни въ Ярландѣ Марко Поло нашель характеристической чертой мѣстнаго климата еще за триста лѣтъ до Мирзы Хидара.

Абабакръ, какъ это сказано въ названномъ сочиненіи, развелъ въ Ярландѣ двѣнадцать тысячъ садовъ, но такъ какъ въ счетъ этотъ вошелъ и Соголокъ близъ Кашгара, то нужно полагать, что число это относится ко всему государству, а не къ одной столицѣ. Въ отчетѣ прославляется благоденствіе страны подъ грозной тираніей его управленія, зависѣвшаго исключительно отъ его деспотической воли. Далѣе, при описаніи Кашгара, я приведу замѣчательный примѣръ силы этой воли.

Когда страна была завоевана Саидомъ, Ярландъ продолжалъ оставаться столицею, но сынъ и пріемникъ Саида, Рашидъ, перевелъ свой дворъ въ Кашгаръ, возвративъ ему, такимъ образомъ, снова значеніе столичнаго города страны. Такъ было до тѣхъ поръ, пока во время анархіи, послѣдовавшей за его смертью, Ярландъ не вздумалъ оспаривать у него это положеніе. Періодъ этотъ извѣстенъ подъ названіемъ узурпаціи Ходжи и взаимныхъ войнъ партій Каратахлукъ и Актахлукъ, т. е. «Черныхъ Горцевъ» и «Бѣлыхъ Горцевъ».

Вскорѣ по своемъ вступленіи на престолъ въ 1533 г., Рашидъ вошелъ въ союзъ съ узбекскими правителями страны къ западу отъ горъ и былъ посѣщенъ знаменитымъ духовнымъ лицомъ Самарканда Маулана Ходжа Казаня («нашъ преподобный владыка Казани»), болѣе извѣстнымъ подъ титуломъ Махдуми аль Азимъ («мой верховный Господищъ»). Этотъ святой отецъ былъ принятъ съ надлежащимъ почтеніемъ, въ знакъ котораго получилъ въ Кашгарѣ большое имѣніе. Онъ женился въ Кашгарѣ и оставилъ въ немъ двухъ сыновей: Ходжу Колана и Ходжу Ишака. По смерти отца въ 1542 году въ

Самаркандѣ эти два сына искусились въ дѣлѣ управленія, и образовали двѣ соперничающія партіи. Старшаго сына, мать котораго была родомъ изъ Самарканда, поддерживали въ его претензіяхъ яркандцы и каратахцы на западѣ, а младшаго, бывшаго мѣстнымъ урожденцемъ—жители Кашгара и Актаха на сѣверѣ.

Ихъ взаимная зависть и споры повергли страну въ безпорядки и раздробили ее между сыновьями Рашида, которые, сдѣлавшись независимыми въ своихъ отдѣльныхъ маленькыхъ владѣніяхъ, начали войны между собою изъ-за первенства. Среди этой анархіи Ходжа Гадайтудла, обыкновенно называемый Хазратъ Афагъ, сдѣлавшійся предводителемъ актахлукской партіи, попытался было завладѣти Кашгаромъ, но получилъ отпоръ и былъ прогнанъ изъ страны; въ концѣ же концовъ, пробравшись на Или, опъ нашелъ себѣ помощь со стороны Халдана, т. е. «управителя» Джунгаріи, чтобы захватить управленіе, которое ему не удалось забрать одному.

Халданъ отправилъ въ Кашгаръ армію и въ 1678 году присоединилъ страну къ своимъ владѣніямъ, сдѣлавъ Ходжу своимъ управителемъ въ столицѣ Ярканда, и размѣстивъ свои калмыцкія войска и чиновниковъ по всемъ городамъ. Въ такомъ положеніи страна оставалась почти сто лѣтъ. Запятіе ея калмыками было для нея чисто военною зависимостью, такъ какъ администрація была отдана въ руки мусульманскихъ чиновниковъ, избранныхъ Ходжею и подчиненныхъ калмыцкимъ чиновникамъ, назначеннымъ изъ Джунгаріи. Все это, какъ можно было бы сказать напередъ, повело къ безконечнымъ спорамъ между Ходжами, число которыхъ, съ годами, повидимому возрастало, и наследниками хановъ, у которыхъ были похищены ихъ права, и слѣдовательно правленіе калмыковъ охарактеризовалось цѣлымъ рядомъ войнъ, имѣвшихъ цѣлью возстановить порядокъ въ странѣ, захваченной у ся воюющихъ владѣтелей.

По завоеваніи Джунгаріи китайцами, послѣдніе завладѣли и Кашгаромъ, какъ принадлежностью Халданскихъ владѣній, при чемъ они сохранили ту же систему управленія, какъ и предшественники. Они оставили Яркандъ столицей и резиденціей Хана амбана, т. е. «главнаго управителя», подчиненнаго вице-королю Илы, къ которой Кашгаръ и Джунгарія относились уже какъ провинціи. Они держали страну въ своихъ рукахъ при помощи сильныхъ гарнизоновъ, размѣщенныхъ по городамъ различныхъ, составляющихъ территорію, государствъ, внутреннее управленіе было оставлено въ рукахъ му-

сультманских чиновниковъ, избираемыхъ народомъ или назначенныхъ вице-королемъ, сами же они только защищали границы и наблюдали за доходами, поддерживая порядокъ въ странѣ и поощряя торговлю. Впрочемъ правленіе ихъ черезъ мусульманъ не оказалось болѣе мирнымъ или выгоднымъ, чѣмъ правленіе ихъ единовѣрцевъ и предшественниковъ калмыковъ при томъ же посредничествѣ, и гордый духъ ислама, находившійся въ броженіи во все время господства иновѣрнаго ига, воспользовался снисходительностью язычниковъ къ своимъ подданнымъ, какого бы вѣроисповѣданія они ни были, чтобы произвести не менѣе четырехъ серьезныхъ возстаній менѣе чѣмъ въ четыре десятилѣтія, съ цѣлью низвергнуть ихъ ненавистное управленіе. Но оно было ненавистно, пока не было утрачено, а затѣмъ мятежники уже жалѣли о немъ, промѣнявъ его на худшее.

Послѣднее изъ этихъ возстаній было подъ предводительствомъ бѣжавшаго въ Коканъ Хаджи Вали Хана, о которомъ я буду еще говорить ниже; варварства его были такъ ужасны, что вѣроятно оно было бы послѣднимъ, если бы даже китайское владычество и не было низвергнуто, благодаря дѣйствию совершенно иныхъ причинъ. Въ эти возстанія вовлечены были Хотанъ, Яркандъ и Кашгаръ, подстрекаемые ходжами, и только они и пострадали отъ мѣръ, явившихся необходимыми для подавленія этихъ возстаній, и едва ли менѣе варварскихъ, чѣмъ вызвавшее ихъ явленіе.

Подъ китайскимъ управленіемъ Яркандъ былъ повидимому самымъ цвѣтущимъ городомъ въ Кашгарской территоріи, но со времени завоеванія страны Аталыкомъ Газы и избранія имъ своею столицею Кашгара, онъ значительно понизился въ отношеніи значенія и благосостоянія. Много лѣтъ должно пройти, чтобы онъ могъ снова возвратитъ себѣ свое цвѣтущее состояніе, если только нетерпимость нынѣшняго исламскаго закона не ослабѣетъ значительно въ пользу невѣрующихъ въ его совершенство. Къ счастью, политика, принятая нынѣшнимъ управителемъ, даетъ надежду на это, и благодаря британскимъ купцамъ съ одной стороны, и русскимъ съ другой страна его должна сдѣлаться свободнымъ рынкомъ для европейцевъ и образцемъ просвѣщеннаго государства для своихъ невѣжественныхъ и уединенныхъ собратій въ Центральной Азіи. Съ этимъ горячимъ пожеланіемъ оставимъ сомнительное будущее и обратимся снова къ прошедшему.

Яркандъ привлекаетъ къ себѣ наше любопытство и симпатію уже какъ мѣстопробываніе христіанскаго епископства, какъ резиденція Марко Поло въ тринадцатомъ столѣтіи и какъ убѣжище Вепедикта Госа въ семнадцатомъ, о чемъ написаны прекрасныя страницы въ книгѣ «Китай и дорога туда». Но въ настоящее время онъ приобрѣлъ для насъ еще новый интересъ, благодаря дунганскому возстанію и отдѣленію страны отъ Китая, окончившемуся завоеваніемъ ея сосѣднимъ племенемъ и замѣною отчужденности прежнихъ ея владѣльцевъ дружескими сношеніями настоящаго времени.

Объ истинныхъ причинахъ и точномъ ходѣ этого возстанія, столь несчастнаго для обаянія Китайской имперіи, весьма мало извѣстно достовѣрнаго. Движеніе началось въ Саларѣ или Гачовѣ въ провинціи Кансу, въ то время, когда такія же военныя дѣйствія были начаты тайпингами на сѣверѣ и паптями на югѣ имперіи, и подобно имъ это была, какъ кажется, религіозная война изъ-за ниспроверженія буддистскаго правленія въ пользу ислама.

Въ Канзу мусульманскіе китайцы, называемые дунганями, возстали противъ своихъ братьевъ буддистовъ, называемыхъ китайцами, и, перебивъ ихъ, захватили правленіе въ свои руки, послѣ чего начали усиленную войну противъ императорскихъ войскъ. Этыхъ дунганей было нѣсколько тысячъ въ различныхъ гарнизонахъ Джунгаріи и Кашгара, въ перемежку съ китайцами. Успѣшныя дѣйствія собратій въ средоточіи ихъ силы тотчасъ же пробудили въ нихъ тотъ же духъ недовольства, и пламя быстро распространилось по всей занятой ими территоріи.

Что касается собственно Кашгара, то волны революціи направлялись здѣсь отъ Камила и Турфана на сѣверъ къ Урумчи и Манасу, и на западъ вдоль караваннаго пути къ Кучѣ и Аксу. Всюду мятежники дѣлали одно и то же, т. е. убивали и грабили буддистовъ, и затѣмъ поддавали подъ власть мусульманскаго духовенства, совершенно другой секты, презиравшаго ихъ, какъ еретиковъ. Такъ къ сѣверу и къ востоку отъ Карашара до Турфана включительно они подпали подъ временное управленіе Дауда Халифа, пожилаго Хаджи изъ Урумчи, на западъ же, включая и Яркандъ, но исключая Кашгаръ и Хотанъ—подъ управленіе Рашуддина или Рашидуддина Хаджи изъ Аксу, который онъ сдѣлалъ столицею своего кратковременнаго царства.

Какъ только Рашуддинъ, въ концѣ 1862 г., взялъ въ свои руки

контроль надъ дѣлами въ Аксу, такъ китайскіе амбаны или управители западныхъ городовъ, видя себя отрѣзанными отъ своей главной квартиры въ Или, тотчасъ же заперлись въ своихъ фортахъ и отдѣлились отъ своихъ дунганскихъ товарищей, за которыми они надзирали; яркандскій же амбанъ, въ качествѣ главнаго управителя столицы измышлялъ между тѣмъ средства, какъ бы обезоружить ихъ. Но онъ опоздалъ, и подозрительные дунгане, узнавъ о его планѣ, предупредили его намѣреніе, напали ночью на фортъ и убили до 2,000 своихъ прежнихъ товарищей съ ихъ семьями. Утромъ они кинулись въ городъ, подняли пародъ, и къ вечеру всѣ улицы были покрыты трупами китайцевъ, а лавки ихъ ограблены. Многіе бѣжали въ предмѣстья, а нѣкоторые, преимущественно женщины и дѣти, нашли себѣ убѣжища въ погребахъ добрыхъ мусульманъ-сосѣдей. Черезъ нѣсколько дней примѣру Ярканда послѣдовали Хотанъ и Кашгаръ. Въ Хотанѣ предводителемъ явился старый, только что вернувшійся съ богомолья священникъ, по имени Хаджи Хабибулла со своимъ сыномъ Абдурахманомъ Хаджемъ; по смерти послѣдняго въ дѣлѣ противъ аксускихъ войскъ, онъ достигъ независимой власти царя подъ титуломъ Хаджи Хабибуллы Паши. Въ Кашгарѣ городъ былъ защищаемъ китайскимъ мусульманскимъ губернаторомъ, призвавшимъ на помощь киргизскаго предводителя Садикъ Беа, который оказался вмѣстѣ со своей шайкой такимъ негодяемъ, что былъ прогнанъ, и тогда, не будучи въ состояніи снова завладѣть городомъ, Садикъ призвалъ Хаджу изъ Бокана, какъ объ этомъ будетъ говоритья впослѣдствіи. Между тѣмъ въ Яркандѣ, оправившись отъ потрясеній кроваваго возстанія, поднятаго дунганцами, пародъ сдѣлалъ своего главнаго священника Хозрата Абдуррахмана царемъ, а одного изъ согражданъ, Ніаза Беа, первымъ министромъ, для поддержанія порядка и организованія военной силы съ дунганцами во главѣ, чтобы завладѣть Янгишаромъ, который былъ въ рукахъ у китайцевъ.

Они осаждали и штурмовали его въ теченіи трехъ мѣсяцевъ, но успѣхъ былъ плохъ; послѣ этого прибыло нѣсколько хаджей изъ Кучи и Аксу съ большой арміей и осада была возобновлена съ удвоенной энергіей. Однако прошло еще три мѣсяца, пока они довели гарнизонъ до крайности. Въ концѣ концовъ амбанъ, видя, что подъ внѣшній стѣны сдѣланы подкопы, взорвалъ себя и всю свою семью на воздухъ вмѣстѣ со своимъ дворцомъ, послѣ чего солдаты

тотчасъ же подожгли пороховые магазины и такимъ образомъ погибъ въ развалинахъ весь гарнизонъ.

Аксусскіе хаджи приписали побѣду себѣ и изъявили притязаніе на управленіе мѣстностью въ качествѣ служащихъ у Рашуддина. Граждане протестовали и правленіе раздѣлилось между Абдуррахманомъ—въ городѣ и хаджею Бурхануддимомъ съ дунганскими и аксусскими войсками—въ фортѣ. Это положеніе продолжалось до тѣхъ поръ пока не явился Аталыкъ Газы и не потребовалъ отъ хаджи подданства своему господину Бузургу, какъ Хану ходжѣ, т. е. «верховному владыкѣ». Но попытка его—взять крѣпость хитростью не удалась, и онъ принужденъ былъ отступить. Вторая попытка была болѣе удачна и Ніазъ Вей, помогшій ему завладѣть мѣстностью, попалъ въ нему въ милость; внослѣдствіи онъ назначилъ его дадквахомъ Хотана, который вскорѣ попалъ въ руки Аталыка Газы, благодаря измѣнѣ и неумолимой рѣзнѣ, являющимся вовсе не единственнымъ пятномъ въ характерѣ его побѣдъ въ этой мѣстности, какъ могутъ засвидѣтельствовать и Аксу, и Куча, и Турфанъ.

Съ водвореніемъ новаго правительства насталъ миръ, и каковы бы ни были употребленныя средства, порядокъ былъ установленъ удивительно прочно. При нынѣшнемъ дадквахѣ крупныя преступленія почти неизвѣстны, и торговля, ищущая себѣ новыхъ путей послѣ закрытія старыхъ, поощряется и считается абсолютно необходимою, если не для народа, то по крайней мѣрѣ для ея управителей.

Городъ построенъ, подобно всѣмъ городамъ Центральной Азіи, изъ необожженныхъ кирпичей и глины и со своими неисправленными укрѣпленіями имѣетъ довольно неопрятный видъ. Онъ расположенъ внизу равнины среди лѣсистыхъ окрестностей и не представляетъ ничего привлекательнаго для приближающагося къ нему иностранца. Стѣны составляютъ неправильную трапецію, длинныя стороны которой идутъ отъ сѣвера къ югу, и имѣютъ пятеро воротъ, а именно: Алтунь Дабза, т. е. «Золотыя ворота»—на югѣ; Кавухатъ, или «Дынные»—на западѣ; Терабахъ, или «Паркъ» на сѣверо-западѣ; Мусци или «Отравитель», получившія свое названіе отъ того, что здѣсь былъ отравленъ одинъ предводитель,—на сѣверо-востокѣ, и Ханкагъ или «Монастырь», на востокѣ. Онѣ чрезвычайно массивны и поддерживаются мѣстами укрѣпленіями въ родѣ башенъ, между тѣмъ какъ по верху идетъ парапетъ стѣнъ съ бойницами. Рва нѣтъ, и высота стѣнъ значительно скрадывается горами мусору, образу-

щими мѣстами свать, начинающійся отъ самаго верху, такъ что взобраться на стѣну вовсе не трудно.

Что касается внутренняго устройства города, то улицы и дома въ немъ кривы и неправильны, какъ и всюду въ городахъ востока, но имѣютъ одну особенность, не встрѣченную мною нигдѣ болѣе въ Центральной Азіи, а именно—маленькіе скверы съ водоемами, въ тѣни прекрасныхъ серебристыхъ тополей и ивъ. Эти водоемы снабжаютъ водой горожанъ и ничѣмъ не защищены отъ уличныхъ нечистотъ и пыли. Такъ, съ одной стороны можно бываетъ видѣть женщину, моющую грязное бѣлье, а съ другой—мужчину, наполняющаго свой *канажъ* (пустую тыкву), дно же совершенно черно отъ опавшихъ листьевъ, которыхъ множество плаваетъ по поверхности, и отъ слоя пыли и отъ всего нанесеннаго вѣтромъ. Говорятъ, что водоемовъ этихъ въ городѣ болѣе ста. Нѣкоторые изъ нихъ снабжаются водою посредствомъ постоянно текущихъ каналовъ, но большая часть ихъ наполняется свѣжею водою лишь черезъ каждые три-четыре дня. Зимой, когда каналы замерзаютъ, вода не перемѣняется по три и по четыре недѣли къ ряду. Въ городѣ есть также нѣсколько колодезь, но вода ихъ считается весьма нездоровою, и потому ими пользуются рѣдко.

Частныя жилища имѣютъ снаружи такой видъ, какъ будто они оставлены въ полномъ небреженіи, а лавки на базарахъ и въ улицахъ хуже, чѣмъ въ подобныхъ же городахъ Индіи, вѣроятно вслѣдствіе худшаго строительнаго матеріала. По общему виду внутренняго устройства Яркандъ можно сравнить съ Кондагаромъ, хотя онъ и не имѣетъ такой правильной формы укрѣпленій, какъ послѣдній, и ни одного базара, подобнаго Чарсу. Они сходны тѣмъ, что оба построены изъ глины, стоятъ на равнинѣ, снабжаются водою посредствомъ каналовъ и окружены предмѣстьями со множествомъ садовъ. Въ этихъ отношеніяхъ Яркандъ похожъ и на Мешгедъ, хотя не можетъ сравниться съ нимъ по размѣру, изяществу, богатству и населенію.

Относительно населенія я разумѣю только численность, такъ какъ по наружному виду различіе между населеніемъ Ярканда и Мешгеда не такъ велико, какъ между населеніемъ Ярканда и Бандагара, гдѣ татарская шапка и сапоги, и татарская фюзіомія не встрѣчаются среди красивыхъ аріанскихъ типовъ и изящныхъ тюрбановъ, снующихъ по его базарамъ людей.

Впрочемъ, сходство этимъ и ограничивается, ибо въ нравахъ и домашней жизни, равно какъ въ языкѣ и религіи различіе уже гораздо значительнѣе, хотя все-таки между ними есть нѣкоторое фамильное сродство. Грубость татарской физіономіи, которая въ Менгедѣ смягчается почти до европейскаго склада, является здѣсь въ разнообразныхъ формахъ — отъ чистокровнаго манчу до помѣсей турба.

Послѣдніе составляютъ деревенское населеніе страны и въ рыночные дни положительно наводняютъ городъ, совершенно преобразуя его внѣшній видъ на десять или на двѣнадцать часовъ. Для путешественника, явившагося изъ Индіи, сцена переменѣется вполнѣ, и ему кажется, будто онъ находится въ какомъ нибудь провинціалномъ городѣ Восточной Европы. вмѣсто темной кожи, гибкихъ формъ и легкой драпировки, видѣнныхъ имъ къ югу отъ проходовъ, онъ находитъ народъ съ такимъ свѣтлымъ цвѣтомъ лица, что индеецъ въ его толпѣ похожъ на черную овцу въ стадѣ; онъ видитъ здѣсь крупныя фигуры, высота которыхъ не теряется отъ ихъ ширины, вмѣсто же мягкихъ складокъ кисей и газа и тѣснаго платья изъ каленбора и набойки, глазамъ его представляются широкія одежды изъ клески и фриза, или изъ яркихъ шелковыхъ тканей и тяжелаго мѣха.

Онъ можетъ замѣтить на рынкѣ группы женщинъ съ розовымъ цвѣтомъ лица и привлекательными чертами, которыя напоятъ ему нѣчто видѣнное имъ ближе къ дому, если онъ изъ средней Европы, какъ мнѣ онѣ напомнимъ рыночную сцену, видѣнную нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Буда Пестѣ. Онъ непременно замѣтитъ, какъ ихъ походка и поступь похожа на европейскую, а пожалуй найдетъ даже нѣчто знакомое въ ихъ одеждѣ. Во всякомъ случаѣ, глубокой реверансъ проходящему мимо другу и его низкій поклонъ въ отвѣтъ на него будутъ не единственною чертою сходства съ знакомыми родными нравами.

Если онъ согласится на громкій, рѣзкій, какъ бы озабоченный призывъ трактирнаго «хозяина», то онъ войдетъ въ маленькую харчевню, въ которой будетъ все, кромѣ напитковъ. Здѣсь онъ сядетъ за столъ вмѣстѣ съ другими на свамью, сдѣланную быть можетъ и англійскимъ плотникомъ, такъ какъ она ничѣмъ особенно не отличается, и прежде чѣмъ онъ будетъ имѣть время полюбоваться прекрасными китайскими чашами, тарелками и новыми фарфоровыми

ложками, разглядѣть содержаніе стоящихъ передъ нимъ кушаньевъ или замѣтить ненарушимое спокойствіе, съ которымъ его сосѣди выхлебываютъ чаши супу и уничтожаютъ свои порціи пилава, къ нему явится настоящій половой, съ салфеткой на рукѣ и такой же проворный со своимъ «таксиръ», какъ его англійскій собратъ со своимъ «yes sir». Здѣсь есть супы съ вермишелью, макароны и другіе виды тѣста, которые можно ожидать за французскимъ или итальянскимъ столомъ, а никакъ не здѣсь. Здѣсь есть душеное мясо, рагу, кушанья изъ рису, баранины и зелени, вареныхъ вмѣстѣ въ творогѣ и сывороткѣ или въ своемъ собственномъ соку. Есть баранина, воловье мясо и конина, жаренныя и вареныя, и первапыя пальцами, какъ въ Авганистанѣ, а рѣзанныя ножемъ. Есть всевозможное печенье, мясные паштеты, паштеты съ вареньемъ, пироги съ мясною начинкою. Есть также различные пудинги, хотя нѣтъ ни одного такого сытнаго, какъ простые пироги изъ тѣста и жира, но за то есть *занбоза*, т. е. женскій поцѣлуй, свидѣтельствующій о татарскихъ вкусахъ въ Андижанѣ, откуда онъ происходитъ—это пирожки, съ запахомъ лука и чесноку, начиненные козцами хрящей и саломъ. Затѣмъ есть еще *манту*, т. е. «ты и я», пирожки вареные на парѣ, въ особенноти любимые андижанцами, какъ и предъидущіе. Наконецъ здѣсь есть также салаты изъ тонко парѣзанной моркови, редиса, луку и креса съ горчицею.

Наѣвшись, онъ заплатитъ за прекрасный обѣдъ всего пять-шесть пецсовъ, которые будутъ приняты безъ всякаго возраженія съ чьей бы то ни было стороны, и затѣмъ, протолкавшись сквозь тѣснющую толпу, можетъ отправиться искать новыхъ скурризозовъ. Онъ найдетъ подобныя же, по маленькія заведенія, гдѣ кухня и столовая—все въ одной комнатѣ, наполненной мужиками, окончившими свой мѣновой торгъ, или явившимися единственно для праздничнаго обѣда. Изъ разспросовъ онъ узнаетъ, что эти оживленныя сцены повторяются каждый понедѣльникъ и четвергъ, когда поселяне являются въ городъ. Ему расскажутъ также, что прежде въ этихъ лавкахъ бывали совершенно иного рода блюда, изъ кошекъ, собакъ, и крысъ, приготовленныхъ въ китайскомъ вкусѣ, но кушанья эти, равно какъ и свиное и ослиное мясо, были изгнаны исламомъ, вмѣстѣ съ тою религіей, приверженцы которой могли бы предпочесть подобный столъ, даже при полномъ довольствѣ. Вмѣстѣ со всѣмъ этимъ исчез-

ли также спиртные и всякіе другіе напитки, которые составляли прежде главнѣйшую привлекательность этихъ съѣстныхъ лавокъ, и которыхъ не могли замѣнить *чайнунъ* и то что нынѣ называется здѣсь чаемъ.

Проходя по базарамъ, онъ найдетъ лавки мясниковъ и пекарей, столь же пабитыя деревенскими покупателями, какъ и лавки суконщиковъ, и тѣ, въ которыхъ выставлены для продажи сапоги, шляпы, готовые мѣха и другое платье. При этомъ онъ увидитъ, что хлопковъ (въ видѣ пряжи и въ видѣ ткани), куры, зерновой хлѣбъ и живой скотъ являются столь же легкимъ предметомъ мѣны, какъ и деньги.

Выйдя изъ толпы и направившись по менѣ люднымъ улицамъ къ скотному рынку, по ту сторону Кавуготскихъ воротъ, онъ найдетъ и тамъ толкающуюся толпу, подобную той, которую онъ оставилъ; и здѣсь, какъ и въ городѣ, будетъ столько же верховыхъ, сколько и пѣшихъ, и зрителей не менѣе, чѣмъ покупателей. Опъ увидитъ, какъ лошадей мѣняють на коровъ, коровъ на овецъ, калмыцкаго юнону на мѣховую одежду, а китайскую дѣвушку на шелковую или наоборотъ, и затѣмъ, какъ все это въ свою очередь продаютъ на деньги. На свободномъ мѣстѣ среди этой волнующейся по неровной почвѣ толпы, или у угла какого нибудь дома, онъ встрѣтитъ также *боксы* т. е. «музыканта», съ гитарой въ рукѣ, acompaширующаго пѣльнымъ звукомъ своего голоса и занимающаго своей музыкой собравшуюся около него группу восхищенныхъ деревенскихъ слушателей. Или же увидитъ какого нибудь мудраго, стараго гадальщика, который, сидя въ уединенномъ углу, бросаетъ кости и съ каждымъ разомъ усиливаетъ напряженное вниманіе своихъ кліентовъ; онъ торжественно справляется со своимъ астрологическимъ календаремъ, который открываетъ съ размышленіемъ, поправляя предварительно очки и держа одинъ палець постоянно между тѣми страницами, гдѣ была послѣдняя ссыла.

И среди всей этой тѣсной толпы, состоящей быть можетъ изъ восемнадцати или двадцати тысячъ мужчинъ и женщинъ, пѣшихъ и верхами, онъ будетъ слышать только гулъ голосовъ, но не замѣтитъ никакого несогласія или разлада. Передъ закатомъ солнца, улицы сдѣлаются пусты и останутся такими до слѣдующаго рыночнаго дня. Если читатель желаетъ сопровождать меня, то мы посѣтимъ вмѣстѣ съ нимъ городъ въ одинъ изъ его спокойныхъ дней, впрочемъ не иначе, какъ въ сопровожденіи чичероне, назначеннаго даджвахомъ,

т. е. чиновника, который выказывалъ преданность своему господину тѣмъ, что постоянно торчалъ у нашей двери и сопровождалъ насъ, какъ только мы изъ нея выйдемъ; онъ походилъ бы на тѣнь, если бы только его голосъ и присутствіе не были досадною дѣйствительностью.

Послѣ завтрага мы садимся на лошадей, ибо здѣсь всякій, желающій быть скольконибудь благопріостойнымъ не идетъ, а ѣдетъ, и выѣзжаемъ изъ стѣнъ нашей резиденціи на главную улицу, ведущую отъ воротъ форта къ *Ордъ*, т. е. «дворцу» дадеваха. Затѣмъ поворачиваемъ на лѣво и направляемся къ воротамъ, находящимся въ нѣсколькихъ стахъ ярдахъ впереди насъ. Дорогою мы встрѣчаемъ группу всадниковъ, солдатъ, какъ сообщаетъ намъ проводникъ, только что вернувшихся со службы съ турфанской границы и шедшихъ теперь представиться губернатору, который долженъ былъ принять ихъ въ полдень.

Это кипчакскіе и узбекскіе воины изъ Андижана, красивые, бравые молодцы, смотрятъ съ видомъ признанія своего достоинства. Проходя мимо насъ, они глядятъ намъ прямо въ лицо съ выраженіемъ любопытства и благосклонности. Мы же разсматриваемъ ихъ пеструю одежду, подаренныя имъ въ счетъ жалованья при отпускѣ, и богато вышитыя шелковые чапراки нѣкоторыхъ изъ нихъ, награбленныя на границѣ.

Затѣмъ мы выѣзжаемъ изъ воротъ форта, стража которыхъ сидитъ на верандѣ гауптвахты совершенно такъ же, какъ мы привыкли видѣть ее, т. е. безмолвно и неподвижно, на подобіе деревянныхъ обрубковъ, и оказываемся на открытомъ пространствѣ, съ котораго широкая улица лавою ведетъ къ городскимъ воротамъ, находящимся впереди насъ приблизительно въ пяти-стахъ ярдахъ, по направленію къ востоку. Здѣсь мы находимъ множество оборванныхъ китайцевъ — нынѣ они янги, т. е. мусульмане, а нѣсколько лѣтъ тому назадъ были китайцами. Они спуютъ здѣсь и оказываютъ мелкія услуги солдатамъ или проѣзжимъ, то поддержать лошадь, то сходить куда-нибудь, то принести что-нибудь. Они не всѣ мѣстные жители, и между ними много военнопленныхъ изъ разныхъ восточныхъ городовъ до Урумчи и Манаса включительно. Какъ они живутъ, никто не знаетъ, — извѣстно только, что они спятъ въ хлѣбахъ и баракахъ переходятъ какъ рабы изъ подъ власти одного солдата подъ власть другого.

Вотъ одинъ изъ нихъ носить передъ собою лотокъ со сладостями и сухарями, висящими на перекинутой чрезъ шею веревкѣ и продаетъ свой товаръ отъ нанявшаго его некаря. Главные его покупатели—его же братія; онъ собираетъ ее только что заработанные мѣдяки, изъ которыхъ и составляется его касса. Послѣ него наше вниманіе привлекается длинными волосами женщины, которую мы догнали на дорогѣ. Они заплетены въ двѣ тугія, блестящія, черныя косы, висящія вдоль спины и достигающія своими заостренными концами почти до пятъ. Она взглядываетъ на насъ, когда мы проѣзжаемъ мимо нея, и видимъ ее незакрытую покрываломъ совершенно красную физіономію съ рѣзкими татарскими чертами безъ особенной претензіи на привлекательность. У ней надѣта круглая шапка изъ шелковой парчи съ темной опушкой изъ выдроваго мѣха, и хотя воздухъ морозецъ, тѣмъ не менѣе поверхъ ея стеганого платья, покрывающаго нижнюю рубашку, красуется бѣлое висейное покрывало. На ногахъ у нея шагреновые сапоги, которые украшены шелковымъ желтымъ и краснымъ шитьемъ, и верхняя часть которыхъ скрыта подъ такими же расшитыми широкими панталонами. Это мѣстная урожденка, жена андижанскаго солдата, идущая въ полномъ парадѣ въ гости къ живущему по близости сосѣду. Далѣе, въѣзжая въ ворота, мы встрѣчаемъ двухъ пожилыхъ дамъ верхомъ на ослахъ. Онѣ закутаны въ широкія верхнія одежды изъ лощеной индиговосиней бумажной ткани и сидятъ на своихъ ослахъ чрезвычайно не крѣпко, такъ что походили бы на узлы съ платьемъ, если бы не висѣли по обѣимъ сторонамъ ихъ длинныя бурые сапоги, да не видно было сверху ихъ лицъ съ откинутыми назадъ черезъ ихъ круглыя шапки вуалями.

Достойныя дамы очевидно близоруки, ибо не замѣчаютъ насъ, пока мы не подъѣзжаемъ совершенно близко. Чувство приличія вызываетъ въ нихъ внезапное усиліе скрыть подъ вуалемъ увлдную красоту, при чемъ это чувство такъ велико, что опрокидываетъ одну изъ нихъ на землю. Торговецъ нюхательнаго табаку, сидящій съ одной стороны прохода съ своимъ грубымъ зеленымъ порошкомъ, насыпаннымъ маленькими кучками на стоящемъ возлѣ него лоткѣ, вскакиваетъ съ своего мѣста, и, поднявъ упавшую къ его ногамъ даму, толкаетъ ее въ одинъ изъ боковыхъ проходовъ, попрекая ее за недостатокъ свойственной ей полу скромности, доходящій до того,